

Георгий ДЗЮБА

**ГУЛАЙ,
ТУИДРА**

Москва
Литературная Россия
2010

УДК 82-3
ББК 84-4
Д438

ДЗЮБА Георгий Евгеньевич

ГУЛЯЙ, ТУНДРА!: – М.: Литературная
Россия, 2010. – 288 с.

© **ДЗЮБА Г.Е.**, 2010

ISBN 978-5-7809-0137-2

СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЁТ

Впервые наши дороги с Георгием Дзюбой пересеклись в конце 1980-х годов на Чукотке. Я тогда искал в бухте Провидения материалы о зачинателях письменной литературы азиатских эскимосов, а Дзюба занимал какую-то очень большую должность в Провиденском пограничном отряде. Я надеялся, что пограничное начальство поможет мне на вертолёте облететь заброшенные в 1950-е годы поселения Наукан и Уназик, а также остров Ратманова, которые в своё время являлись важнейшими очагами уникальной эскимосской цивилизации. Но Дзюба поступил иначе: он повёл меня к эскимосским подвижникам. Во многом благодаря ему я тогда познакомился с первой эскимосской пионеркой Ухсимой, автором эскимосского букваря Людмилой Айнаной, поэтессой Зоей Ненлюмкиной и другими людьми, которые составляли цвет эскимосского народа.

Кстати, спустя годы Дзюба свёл меня и со многими подвижниками Камчатки, за что ему отдельное спасибо.

Если я не ошибаюсь, в конце 1990-х годов Дзюба получил звание генерала и новую высо-

кую должность в Москве. А я тогда параллельно занимался пограничной темой. Но, каюсь, почти все мои материалы носили резко критический характер. Сотрудники Лубянки предупреждали, что я как-нибудь доиграюсь в критику. Но, как потом выяснилось, за меня тогда постоянно заступался генерал Дзюба. В отличие от других начальников он в журналистах всегда видел не злопыхателей, а союзников. После каждой критической статьи Дзюба искал не только конкретных виновников головотяпства, он системно анализировал все затронутые проблемы. Именно за это его и полюбила тогда вся пишущая братия.

Но я что-то всё пишу о Дзюбе как о чиновнике. А он ведь очень интересный публицист и литератор. Это человек, который безумно влюблён в Гоголя. У него свои нестандартные подходы к классике, и этим он выгодно отличается от иных филологов, привыкших к устоявшимся схемам.

Я думаю, что Георгий Дзюба ещё не раз нас приятно удивит.

Вячеслав ОГРЫЗКО,
главный редактор газеты
«Литературная Россия»
и журнала «Мир Севера»

В ПОХОД ЗА СЛОВОЙ ГОЛОВУ СЛОМЯ

«О тайне мира — пусть хотя бы лепет»
Гёте

На строгих собеседованиях начальники спрашивали возраст и качали головами. Ну-ну, мн-да-да... И как же Вы собираетесь работать!? Снова ну-ну и снова мн-да-да. Получалось рановато всё это. Но утвердили, и повысили из Киева — в село Урелики Провиденского района Чукотского автономного округа Магаданской области. В тридцатитрёхлетнем возрасте ожидали северные просторы и полковничья должность.

В главке сомнений своих не скрывали не только полковники, но и генералы. В принципе, для офицера переезд — дело простое. Справлюсь ли? — такие мысли перманентно посещали голову, уходили из неё и снова возвращались.

Многоголосый Киевский вокзал столицы запомнился обычной суетой и дежурным вниманием сообщества мелких жуликов. В многополярном Домодедово неприветливость

ощущалась сильнее, жулики были солиднее, а решаемые ими вопросы масштабнее...

1. В КАЖДОМ ДЕЛЕ ЕСТЬ СВОЙ СТРЕЛОЧНИК

Первое свидание с Севером состоялось в январе 1987 года. Под гул самолёта нашей семье, т.е. ячейке общества развитого социализма из четырёх человек, мечталось и думалось о селе Урелики на берегу Бухты Провидения. После семи лет службы в городе-герое Киеве эти грёзы вызвали наслаждение и какие-то другие, вполне изведанные чувства. Спустя восемь часов полёта из снежной пелены вместо транзитного Анадыря объявился воспетый условно советскими гражданами Магадан, который, как утверждали специалисты, «возник в начале 30-х гг. в связи с освоением природных ресурсов». Будучи в состоянии отразить на бумаге только личностные ощущения, замечу, что Магадан «возник» именно из снежной пелены. А прилагательное «природные» подтверждалось только существительным из творчества И.Ньютона: «*природа* неистощима в своих выдумках».

– По метеоусловиям Анадыря наш самолёт совершил посадку в аэропорту города Магадан, – злорадно сообщила стюардесса на языке, который следовало бы выучить только за то, за что вы знаете. В повторе объявления на языке

товарища Шекспира в интонации прозвучала душевная скорбь. Впрочем, может быть, повтора и не было. Столько воды утекло....

По мнению моей Нади, школьной англичанки со стажем горячо любимой боевой подруги и педстажем, превышающими срок двух пятилеток, произношение стюардессы отношения к Оксфорду не имело. Но это не травмировало психику, поскольку я обладал специализированными знаниями. Типа ху, всё-таки, командэрс ё плэтун? Этот квешин входил в число моих наиболее любимых. Он был твёрдо усвоен ещё в училище с целью последующего допроса военнопленного в части, касающейся выяснения ФИО командира враждебно настроенной к Варшавскому Договору роты.

Извинения от имени Аэрофлота звучали подозрительно, настораживали неприкрытой казёнщиной и безразличием.

– Скоро мы продолжим наш полёт, – пессимистически и цинично заявила падчерица неба снова не от своего имени. А затем по-иезуситски начала добивать путём перечисления льгот, которые нас ожидают в аэровокзальном комплексе «Сокол». Если вы вдруг не орнитолог, то сокол – это хищная птичка, отличающаяся быстрым парящим полётом.

Стюардесса спровоцировала сама всё это. Теперь уже и мне не нравился тот факт, что

она не была в ладах с орфоэпией. Я решил, что на курсах стюардесс в ПТУ она училась в классе коррекции, была злостной прогульщицей уроков или вообще гулящей. Не нравились её ехидные рассуждения о гостиницах, ресторанах, буфетах и достопримечательностях Магадана. Не нравилась её блузка, грудь, талия, помада и даже, извините, шуба. Дикторшу я не видел, но в ней мне не нравилось всё. «Скоро мы продолжим, в Магадане вы сможете...» В её изложении мне не нравилась даже perspective.

Птичье название аэропорта столицы Колымы окрыляло только частично. На пути от трапа свирепствовал 40-градусный мороз трескучий, и пролетали довольно враждебные вихри. Они стягивали кожу на лицах и лишали советских людей возможности реализации божьего дара коммуникативных связей посредством языка. Граждане обменивались жестами и нечленораздельными звуками. Известно, что так общались наши очень далёкие предки на зимнике по пути от обезьяны к Человеку. В этих условиях птичка, будь она даже соколом, замёрзла бы на лету. Птичку уже тогда было жалко.

Мы влились в фанатически преданный монопольной авиакомпании коллектив. Её клиенты стремились в Южно-Сахалинск, Якутск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский и

даже какой-то, не побоюсь этого слова, Сеймчан. Все граждане были расконвоированными, но Магадан покидать не спешили. Первое время отдельные из них казались дикими людьми, бросающими неприветливые и злобные взгляды из-под шкур. По этой причине трёхлетний Димка ближе прижимался к мамуле-Надюле. Девятилетний Руслан, видимо, уже тогда решил пойти по стопам железного Феликса. Он демонстрировал холодный ум и горячее сердце. В отношении чистых рук вопросы были.

Дикие люди оказались не столь уж и страшными. Вскоре выяснилось, что они были одеты в кухлянки, малахай, торбаза и прочие атрибуты фиесты. На самом деле они очень обрадовались нашему появлению и с огромным удовольствием, вместе с другими, уже одичавшими людьми, доходчиво разъясняли сложившуюся ситуацию. Например, то, что ничему сказанному в динамик женой Кобеля верить не надо. А тому, что северо-восток есть направление между севером и востоком, находящееся в глубоком циклоне, верить надо.

Здесь много чем очень пахло, а внутриколлективные традиции были уже сформированы. К примеру, как бы покурить захотелось очень наркозависимому, с позволения сказать, товарищу... И начинает он в душе ковы-

ряться, отзываться весьма неоднозначными словами о своей пагубной привычке, вспоминать о добрых предупреждениях дружелюбного Минздрава СССР. А всё потому, что в дефиците были даже такие места, где можно было бы прислониться к стенке. За время перекюра местами, обогретыми прислонениями, бескомпромиссно овладевали другие граждане. Кресла традиционно оберегались на уровне фамильных драгоценностей. Они были с геральдическими гербами, с тотемными символами либо инвентарными надписями о Васе, который в январе 1987 года был здесь по пути в Армань. Вася тоже ещё не улетел...

Следует честно признать, что попытки рейдерских захватов мебели возникали. Эпизодически. Инциденты носили локальный характер. Сопровождались сопением или громкими размышлениями о формах и методах физического воздействия на оппонента. Но сокол хищная птица... Перспективы применения санкций, на которые сегодня в каком-нибудь Амстердаме никто бы даже и внимания не обратил, и другая ненормативная лексика имели приоритеты только в тех случаях, когда разрешение противоречий другим путём не представлялось возможным. Их смысл базировался на крылатом тезисе «Тебя (или вас) здесь не сидело (не стояло, не

лежало)». Местоимение «вас» употреблялось не столько из вежливости, а лишь тогда, когда претендентов на стулья было два и более. Наиболее харизматичные личности вели себя так фамильярно, как это делают в наше время хулиганы после пива с водкой. Водки в торговле Колымы не было, пива тоже, но харизматичные личности что-то знали. Милиция была вполне толерантной, а рефлекслирующие интеллигенты средней руки в такие моменты сдвигали пыжиковые шапки на лбы и засыпали.

Посадочная площадь ресторана, который, казалось, не функционировал пожизненно, освоена не была. На его дверях висело сообщение «РЕСзакрытоН» в стекlobумажном ди-зайне. Стюардесса в отношении ресторана нас тоже надула. А вот уровень буфета по своей доступности был на высоте всероссийского проекта. Буфет можно было легко найти с закрытыми глазами по характерному для жареной мойвы запаху. Впрочем, может быть, это была и не мойва, но работал он напористо. И дело даже не в прозрачном, как слеза ребёнка, чае, кофе по-ведёрному или напоминающих истоптанные комнатные тапочки беляшпах с начинкой животного происхождения. Впрочем, может быть, это были и не беляшпах, но и не чебуреки точно. Буфет цементировал коллектив информацией о перспективах

дальнейшего продвижения Циклона. А коллектив потребителей напоминал о киевлянах в тех местах, где для реализации иногда выбрасывали особенно популярные в Москве торты и украинскую горилку с перцем.

Нас сближали электронные и печатные СМИ. Из окружения ввинченных в потолок добротных болтов и скоб покровительственно мерцал голубой экран. Панель регулировки изображения и звука по-домашнему выглядывала сквозь арматурную решётку, а навесной замок подчёркивал особый, видимо, региональный шарм. Толщина прутьев и качество изготовления решётки могли бы соответствовать самым сокровенным мечтам министра внутренних дел СССР об оснащении мест для содержания особо опасных преступников. Полной ясности в темах вещания не было, но контуры и лица на экране были узнаваемые, а телезрители чем-то напоминали прогрессирующих пациентов Кащенко.

На полках «Союзпечати» было непривычно пусто. Осмысленно купленная, случайно взятая в дорогу или найденная в пути следования литература между пассажирами блуждала. Тогда никто так и не сообразил, что практически под ногами валялась всё ещё ничейная и невостребованная до 1992 года идея о технологии распространения информации «из рук в руки». По залу перемещались затёртые эк-

земпляры «Правды» и «Крокодила», «Комсомольской правды» и «Юности», авиатранспорта, почитаемого ныне в Москве пчеловодства и даже свиноводства в СССР, сделай сам, не делай сам, вяжите сами, вяжите с нами, вяжите с ними. Не вяжите ни при каких обстоятельствах.

В привокзальной гостинице мест не было. Они не появлялись ни после уговоров, ни после угроз, ни после знаков признательности и отъявленной благодарности в пределах разумной достаточности. Грань между миром людей и миром кукол была размытой. Дон Кихот, порубивший в капусту целый кукольный театр, оказался не единственным, кто принял марионеток за людей. Моложавых Марьянн меняли молоденькие Барби. И те и другие оценивали благодарности «на вес», что когда-то умел только гоголевский Павел Иванович Чичиков в период службы на таможне.

Барышни сдержанно благодарили за внимание, заносили фамилии страждущих в девицьи дневнички и чётко сменяли друг друга. Наиболее высокомерные последовательницы богини плодородия и белокурой красотики Лилли фамилий не записывали. Они недружелюбно рычали либо отрывисто лаяли. От их укусов оберегала барьерная стойка и стекло. Вероятно, стойку соорудил человек, который не ориентировался в стоматологии, поскольку

ку зубы живут только тогда, когда они «работают». Стойка была не по зубам. Это породило дальнейшее сумасшествие общества, где пассажиры ориентировались только на бренды: «Мест нет», «Запись на заселение», а может быть, и поселение. Для освоения природных ресурсов.

Детей было двое. Девятилетний Руслан и трёхлетний Дима. На вторые сутки жалкие знаки внимания и сердобольность персонала позволили получить кровать с блестящими в некоторых местах шарами в «Комнате матери и ребёнка» для ребёнка Димы, но без матери. Руслан оказался уже не ребёнком. Теперь мать своего ребёнка сидела возле стола дежурной по комнате матери и ребёнка, а ребёнок плакал, лёжа на кровати в коридоре, не понимая, почему его мамочка не входит даже в число матерей. Наверное, он думал, что никакой матери у него нет, а есть мама, которая должна быть всегда рядом, и братишка Руся тоже есть. За брата ему было тоже до слёз обидно.

Быстро повзрослевший Руслан Георгиевич успокаивал мамашу и продолжал воспитывать в себе качества мужчины. В эти упоительные вечера мы с ним прогуливались к гостинице (как там очередь?) и обратно (как там они?), подсчитывали плитки на полу, спорили о количестве щитов на стенах и даже светильников на потолке.

Вскоре весь материнский персонал «Комнаты» стал нашим. Руслан ударился в детство и спокойно спал на той же кровати «валетиком», а мать снова стала мамой и получила персональную табуретку, что при умелом склонении головы на одного из сыновей создавало иллюзию отдыха, который продолжался.

В бессменном дозоре остался последний герой.

– Тебе всё-таки повезло, – позвонил по телефону на четвёртые сутки один из моих новых начальников, сразу же перейдя на «ты», хотя мы и не были знакомы. – Там у тебя вертолёт на Чукотке упал. Летит из Москвы комиссия спецбортом разбираться в причинах. Зачем же тебе прохлаждаться в Магадане: Петропавловск-Камчатский открывается, а дальше будем ловить погоду по северам....

– ?..

– Да вроде никто не погиб. Так, ерунда обычная, но машина восстановлению не подлежит... Зато покажешь семье Камчатку, красоты-то какие!..

II. О НЕСОМНЕННОЙ ПОЛЬЗЕ МОЩНОГО ЗАРЯДА

Вскоре насыщенная событиями и впечатлениями пятидневка знакомства с сокровищницами Колымы осталась позади. Комиссия ле-

тела сдержанно и уныло. Её члены читали только «Правду» и «Советскую Россию», а культивировали лишь шахматы и шашки.

Аэропорт Елизово встретил приветливо, а камчатские сумерки, снег, морозец и старший лейтенант Витя Коссе казались сказочными героями. Последствия бессонных ночей и сонных дней в соколином гнезде проецировали полумраки по-киевски домашними, снег голубым, пушистым и мягким, а морозец румяным. Витя казался Хоттабычем в том возрасте, когда чародей этот даже не планировался Лазарем Иосифовичем Лагиным на Шпицбергене и в том возрасте, когда до знакомства с Волькой ему оставалось ещё пять-шесть веков. Витя мастерски организовал нашей семье комфорт на маршруте к новому месту службы и к славе в очередном транзитном мегаполисе дистанции огромного размера Киев – Москва – Анадырь – Бухта Провидение, где Анадырь обратился в Магадан, а затем в число внеплановых экскурсий затесался и Петропавловск-Камчатский.

Объятия распахнула двухкомнатная квартира-распашонка: тёплая и уютная, с электрочайником, пачкой чая, сахаром и кроватями, заправленными умелыми солдатскими руками. Трёхлетний Дима с благодарностью к Виктору Хоттабычу на щеках продолжал спать. Руслан был в три раза старшей, и на

его мужественном лице удовлетворение Витиной работой читалось более сдержанно. Надя сразу же обнаружила уют и проглажку. На этой основе она влюбилась в Витю, и моё семейное счастье сдвинулось в оранжевую зону опасности. Чайник тоже не был беспристрастным. Он кипел от гордости за меня, и за державу ему было абсолютно не обидно.

Вылившиеся из телефонной трубки в дремлющие уши мягкие и добрые предположения начальника о том, что «мы же обязательно увидимся сегодня» упали на благодатную почву моей маниакальной исполнительности и ответственности за судьбы нашей страны, и поэтому шарик оказался на моей стороне. Порыв оказался правильным, и по такой причине начальник вынужден был выразить театрально-пафосное глубокое удовлетворение. На подобострастное явление исполнительного воина в руководящий кабинет он ответил своей личной уверенностью в том, что моя работа на новом месте будет плодотворной. Затем по-отечески поинтересовался «числом детей в семье, в смысле в дороге», глубоко вник в настроение супруги и масштабно обозначил квинтэссенцию замысла.

– Завтра, Георгий, Вашу семью нашим бортом мы отправляем в Провидение, – буднично

сообщил он о самом наболевшем. Слышать возражения он не планировал, поскольку его сообщение носило чисто уведомительный характер.

– Вылет в 8 часов из Елизово на Ил-14 вместе с комиссией по вертолётному ЧП. И не волнуйтесь. Всё будет хорошо. А Вы останетесь денёк-другой на установочных учебно-методических командирских сборах. Мы же с Вами не можем допустить, чтобы кто-то из руководителей Вашего уровня не воспользовался столь редкой и замечательной возможностью получения такого мощного заряда современной методики и практики. После сборов Вы и вылетите на Чукотку.

Так я оказался в числе номенклатурных соавторов замысла без блокирующего пакета акций и даже без права думать об упущенной выгоде, но с перспективой получения дополнительных образовательных услуг. В добрых словах начальника улавливалась скромность Макаренко, педагогическое мастерство Сухомлинского, цветастые и поэтические аллегории, чем-то неуловимым подталкивающие к восходящей в самых светлых умах заре нанотехнологий. Его размеренный тон дышал эфиром, дефицитным зефиром в шоколаде, димедролом и валерьяновыми каплями тоже.

Последний раз, без малого как неделю назад

в поезде Киев – Москва, помнится, я даже спал. А ещё утром, в телефонных дебатах, мой руководитель был со мною на «ты». Наверное, тогда я был ещё в Магадане. В осоловелую и педагогически запущенную голову приходили различные идеи и мысли о начальниках. Они были дурными и неуравновешенными. Идеи. Мысли были правильными.

Замечу, что Надя сквозь сон и по-домашнему изумилась скоротечному содержанию знакомства с этим чудесным уголком России, славящимся своими вулканами, гейзерами и медведями. Дети, как и камчатские мишки, вполне безответственно спали. Спали в этой уютной квартире, затем, по сообщениям Хоттабыча – спали в машине, а потом и в Ил-14, холодном, но с удобствами в виде одиноко стоящего в тамбуре ведра. Спали они и на протяжении восьми часов беспосадочного полёта до аэропорта Провидения, который в селе Урелики на самом деле.

Именно в это время полки рванулись в бой, а батальоны запросили огня. За какие-то три-четыре дня боевой учёбы посчастливилось освежить в памяти своей самые основные положения науки, которая «побеждать» называется. Обучаемые представлениями о военном деле были уже обременены. Всё ж таки командиры частей и их наиболее мудрые подполковники-замполиты. Предложили участни-

кам на первых порах по ранее утверждённому плану: а не пострелять ли вам из автомата Калашникова, а не покидать ли вам гранаты по тем нормативам, которые придуманы для наиболее молодых солдат?

Почему бы и не пострелять? Почему не покидать? Энтузиазм был. Январь всё-таки. И боеприпасы летели именно в ту сторону, которая была отведена для наших наиболее вероятных врагов. Группа талантливых и опытных снайперов обозначилась именно тогда, когда вспомнили о пистолете Макарова. Не того, который Маковецкий или с Алсу в клипе, а Николая Фёдоровича Макарова, прославленного нашего изобретателя. Полковников охватил кураж. Они тотчас сплотились в сообщество и вступили в корпоративный сговор для определения победителя в стрельбе по-македонски и по тузу пик. Туза под рукой не оказалось, и на его роль баллотировались пустые пачки из-под сигарет «Ту-134», сделанных в Болгарии, и даже папирос «Герцеговина флор», которые, как говорят, когда-то предпочитал Иосиф Виссарионович. Да простят эту стрельбу беззловную болгарские и кавказские товарищи.

Далее пошли ходовые испытания снегоходов и вездеходов. Наиболее привлекательным был полицейский разворот. Мастерство определялось временными параметрами ли-

бо площадью грубо взрыхлённого покрова снежного. В метрах квадратных и дециметрах, конечно. Что-то другое уже, по сути, не забавляло. Правда, траки, ленты и всё такое прочее иногда слетало, сползало и разделялось на части, а по итогам социалистического соревнования побеждённые товарищи несли какие-то финансовые убытки. Как и в пистолетной стрельбе. Впрочем, гусеницы-то наши солдаты быстро вешали на свои места. Полковники по тридцать лет успешно преподавали бойцам любовь к военной технике. Солдат же всё-таки научили этому. А вот с некоторыми финансовыми трудностями кредитные истории случались уже вечером, кулуарно в гостинице и без ущерба для страны.

Среди педагогов были и классные специалисты. На классных занятиях они умудрялись объективно оценивать такие контрольные и диктанты на топографических картах, которые имели предельно девственный вид. (Это невесты в таком редком виде случаются даже в нынешнее время.) К этим картам не прикасались обучаемые карандашом даже и не изображали на их холмах, в рощах и на равнинах кудрявых стрелочками, как лучше поймать диверсантов, где их расстрелять и похоронить, по чьему проекту мемориал построить, как в Россию мемориал этот вывести потом, в слу-

чае чего. Или победу отметить каким-то образом конструктивно. Педагоги находили мало-заметную точку или крестик на наиболее девственных картах, узнавали твёрдый почерк аксакалов и ставили полковникам пятёрки, а подполковникам – четвёрки. Моя же карта была измята волнительными руками подвечного и расцвечена во все цвета радуги. Но получила она оценку лишь государственную. Но мог ли майор на второй день службы в новом коллективе знать что-то на уровне полковника? Ответ известен.

Блестали апломбом и знаниями свои лидеры. Свой богослов Халява, свой философ Хома. Хотя и был я самым молодым в этой славной бурсе – они не «дирали» меня «за чуб в знак своего покровительства», как «дирали» известные гоголевские герои Тиберия Горобца, «и не употребляли в качестве депутата».

Полюбились интерактивные занятия. В пригороде Петропавловска-Камчатского на образцово-показательной пограничной заставе начальник тыла, покручивая возбуждёнными руками инкрустированную указку, хмурил измученное переживаниями за положение дел в Украинской Советской Социалистической Республике лицо, что обнаруживалось малоросской буквой «г» в произношении. Он сверкал сверхъестественной осведомлённос-

тью, умничал, профессорствовал и подавлял аудиторию глыбами полувекowego опыта своей службы.

– А это скребки для обуви, – рванул прямо с порога. – Они должны быть при входе в помещение где? Слева!? Справа!? А с какой стороны смотреть?.. На этот раз вы замахнулись в правильную сторону. А зачем? скребки?.. А чтобы грязь в казарму сапогами и ногами не принести. Вот зачем! – распялял он себя ещё более взыскательно.

Обучаемые покамест с интересом вглядывались в эксклюзивные скребки и метёлки, косились на полутораметровые сугробы и аспирантировали. Каким же таким образом эта вулканическая камчатская грязь в январе выползет из-под снега и припадёт своими жадными устами к солдатским валенкам?.. Валенки тоже удивлённо вглядывались на эту картину из окна сушилки. Сапоги, как оказалось, молча стояли на складе и ничего о своей новой и чистой жизни не подозревали.

– А вот эта доска непростая и необычная, а доска для разделки рыбы. Видите, написано что? «Рыба». Ры-ба! И не путайте ни с чем другим, хоть вы и начальники, потому что на другой доске написано что? «Мясо». Мя-со! Правильно. И режут на ней что? Угадали, мясо. Да не смотрите на меня так запанибрата, вы же за этим смотрите не требовательно или даже не

замечая. Категорически мясо, мясо и ещё раз – мясо, а не рыба!

– Да эта доска только для крышки, – буркнул доцент в утеплённых хромачах, не уточняя, для чего крышку предполагает применить. – У нас на Врангеле одна тушёнка, да и рыба только в банках.

– А почему на разделочных досках надписи сделаны фломастером, – поинтересовался другой любознательный студент-переросток.

– А почему? – как бы спросил начтыла у себя самого, пропустив мимо ушей второстепенную реплику «о крышке» и торжествующе провозгласил:

– Да потому, что это соображать надо... Для наглядности фломастером написано нами, вот почему. Чтобы запечатлелось у вас в памяти, которая у вас не очень... А мы пойдём дальше.

– А это овощник. Он обрабатывается и просушивается перед закладкой овощей чем? Известью. А хранится в нём что? Да не известью! О-в-о-щ-и. А морковь хранится в чём? В песке или в капусте? Угадали – в песке. В капусте только кочерыжки хранятся.

Дёттемазы педагогики оживлённо рассказывали друг другу о том, что картофель, свёкла и морковь «закончились» ещё в навигацию, потому что «сгорели» в трюмах кораблей по пути к советским потребителям. Кулуарили о

том, что песком уже дорожки посыпают, а капустные кочерыжки тоже съели.

Но профессор обладал слухом Бетховена...

– А почему у вас лук, морковь и картофель только в сушке? – по-волчьи ощерился классик на скопище красных флажков и с новой яростью бросился терзать нежные струны ранее утверждённого конспекта. – Почему? Что понурили головы? Не нравится? Авторитетно заявляю: храните чёрт его знает как. Вот почему!

Бога политотделом вспоминать не рекомендовалось. Политотдел был тут же.

Начальник тыла не был стройным. В минуты его неистовства новенькая португез свисала с него милитаристически хищно, злобно и неприветливо. Воровато и с подозрительностью к окружающей яви мерцала пряжка. Шитые сапоги сияли презрительно. В общем, забегая вперёд, замечу, что начальника тыла мы невзлюбили с первой минуты, а из его занятий понравился только обед, что был в самом конце сессии.

Где находилась моя семья – представления и радиосвязи не было.

– Прошу обратить внимание, – утомлённо продолжал вещать полковник защитникам северо-запада страны, – это свинарник. Температура воздуха здесь должна быть не ниже?.. Уборка здесь производится не реже?.. Кормле-

ние производится..., а забой при весе?... и в присутствии?... Правильно, ветеринара. Да вы же записывайте, я ведь буду от вас требовать этого, если приеду, – рубил он фразы, уважительно поглядывая в сторону Наиглавнейшего с надеждой на то, что тот его из Петропавловска никуда не пошлёт.

Наиглавнейший был стройным, подтянутым, с резной указкой в руках, но в унтах.

А студенты в это время с интересом разглядывали табличку: «Хряк «Демон», 1 год 8 мес. Ответственный ряд. Ворона».

– Ворона с Томска или Омска. Гарантирую точно. Демона, скорее всего, зовут Дембель, – заметил кто-то из наиболее развязных всезнаек.

Демон настроил внимание, поскольку такую гипотезу ему уже по всей вероятности где-то приходилось слышать. Он поставил свои передние конечности на деревянную изгородь, вопросительно и громко хрюкнул и принялся внимательно высматривать автора высказанной версии с надеждой на получение дополнительной информации.

В целом было весело. Это я окончательно понял, когда сборы закончились, а в управлении мы уже никому не были нужны. Старшие товарищи ежедневно уходили к кому-то в гости. Под утро возвращались в гостиницу со следами крайней усталости на лицах, отсыпались и снова уходили. У меня знакомых здесь не было.

Зато появилась связь. Дозвонился к Наде на Чукотку. Руслан уже пошёл в школу, Дима оформлялся в садик, а над Камчаткой зависал очередной Циклон. После отъезда из Киева прошло девять дней. Можно было бы и отметить...

III. КУДА НЕ ДОТЯНУЛСЯ ЛАВРЕНТИЙ

После финиша учёбы прошла лишь неделя, и мы энергично стартовали из Петропавловска-Камчатского в аэропорт Провидение, который на самом деле находится в селе Урелики. В тот день Камчатка сверкала приятной красотой. Очаровывали собой излучающие теплоту своих душ вулканы и бездонное синее небо. В Магадане и Владивостоке было так же солнечно. Параметры погоды в Мадриде и Лиссабоне – не помню. На Чукотке я ещё не был ни одной минуты, но теперь уже однозначно убеждён, что в день нашего старта на Уэлене трудились косторезы, в Новом Чаплино тщетно выискивали моржей, а в Майнапыльгино благополучно таскали корюшку. Урелики, вместе с его аэродромом и сельсоветом, в тот день по-матерински облизывала нежно-молочная пурга, о чём нам с ухмылкой поведали лётчики.

По такой причине присели в Анадыре, где в активных познавательных процессах строго и привередливо провели сутки. Во-первых,

для местных пограничников здесь мы уже были глубокоуважаемыми товарищами и большим начальством. Во-вторых, дальше не пускали метеостанции, аэродромные службы, шаманы и Верхние люди.

Запомнилась чудная трасса по льду Анадырского лимана, которую, как оказалось, местные власти ежегодно созидают между шахтёрским посёлком Угольные Копи и столицей Чукотки. Услышал притчу, как после поездки по ней в состоянии творческой усталости, вызванной девятичасовым перелётом из Москвы, корреспондент «Пионерской правды», прибывший на открытие объекта Всесоюзной ударной комсомольской стройки – Дворца пионеров, телеграфировал в центр. Что-то вроде «...вот по стремительному, как стрела шоссе, качеству которого могла бы позавидовать любая европейская столица, в считанные минуты мы преодолели путь от аэропорта Анадырь до столицы советских оленеводов». Впрочем, может быть, этот корреспондент был из «Комсомольской правды». В подлинной фамилии СМИ народ путался.

По телефону сообщил Наде о впечатлениях и честно подтвердил, что люблю её безмерно.

Запомнилась многокрасочная мозаика из плитки, асфальтных полосок и кубиков и ещё чего-то такого на оригинально ободренных стенах элитных, судя по землеотводу в центре,

домах. Удивили сваи, заменявшие фундаменты, артерии пульсирующих, свистящих и шипящих в некоторых местах труб, обрамлённых сталактитами и сталагмитами, заметённые до крыш домишки – бараки, туннели в снегу и оригинальные лазы в подъезды, стаи недружелюбных диких собак или одомашненных волков. И магазины, где изобилие товаров могло бы успешно конкурировать с тем, что в самых заветных ночных грёзах видится председателю Киевского горсовета и его подопечным.

Снова звонил Наде. У них всё хорошо. Ждут.

Внезапно метеошаманы приоткрыли для нас мыс Отто Юльевича Шмидта. Оказалось, что Мыс Шмидта это посёлок с аэропортом, где взлётно-посадочная полоса способна принимать самолёты всех типов, включая стратегические бомбардировщики с немирным атомом на борту. Наверное, о такой полосе и сегодня мечтают президенты и диктаторы многих даже не банановых республик и стран. С радостью к смене обстановки прилетели на этот мыс. К анадырским впечатлениям добавились близкие по содержанию шмидтовские впечатления, если не учитывать необычные для меня зелёные торосы и невиданный раньше северный и действительно Ледовитый океан. У собак шубы были богаче.

Утром слегка проснувшиеся пилоты равнодушно известили, что циклон подходит к Мысу Шмидта, и выразили консолидированное мнение о целесообразности пробиваться домой через аэродром Певека, ибо в Анадыре уже боковой ветер и нижняя кромка облаков не такая, к которой они привыкли. Шмидтовчане уже проворно попрятались по домам, и посёлок стало мало-помалу заметать.

С какого хряка пробиваться «домой» через Певек, для меня оказалось ребусом. На карте город Певек был нарисован диаметрально с противоположенной стороны от дома родного, который, по отзывам семьи, вроде бы находился в селе Урелики рядом с Провидением. Певек же – это в сторону Москвы, а в Москве я уже был две недели назад и об этом вам уже рассказывал.

Позвонил домой и разговаривал с Русланом. Школа с камерно-домашними нравами и патриархальным укладом бытия. Это не его слова, а мои выводы из сказанного старшим сыном. Руслан также отметил, что пацаны в классе нормальные, а учительница не такая уж и смекалистая, как он себе представлял. Учительница изумилась, что Руслан в Киеве не изучал чукотский язык, заставила его срочно учиться и догонять в этом деле коллег-одноклассников. Язык так себе, но буквы нормальные, наши.

Наш командир был непреклонен в своих решениях, он знал Север, думал стратегически, и мы оказались в Певеке. Аэропорт был таким красивым, что из него, как оказалось, по расписанию самолёты летали даже в Ленинград. Город был тоже ничего, собаки толще, а торосы выше. Спустия много лет смекнул, что вмёрзшие в певекские льды и торосы суда, буксиры и катера были очень похожи на монумент товарища Церетели Зураба – Петру Великому в Москве.

По свежей памяти в Певеке анадырские магазины вспоминались захудалыми сельповскими лавками и лабазами времён НЭПа, в которых на заре советской власти аборигены меняли пушнину на водку, патроны и спички. Здесь на прилавках были даже цветные переносные телевизоры прибалтийского и московского производства, которые, как сообщали райисполкомовские аборигены, традиционно и тоннами командировочные люди вывозили из Певека в центр. Сразу же предположил, что это контрафактные «Шилярисы» и «Юности», которые секретно производятся в подпольных шарашках Певека. Потом уже услышал что-то про северный завоз, генгруды и какую-то навигацию. О генгрудях говорили так уважительно, будто бы это был Ленин.

А ещё в магазинах были оленьи языки, крабы в баночках и кальмары в тушках, рыба не-

известных для меня пород и видов. На полках пылились какие-то косметические зелья из Франции, а под прилавками, бай местных традишин, неизменно присутствовали болгарские сигареты. И чего мы по ним стреляли на полигоне «Радыгино»? Сигаретами торговали повсеместно, однако в каждом конкретном случае даже одну пачку с гордо вытянутой шеей и осанкой английского дворецкого выносили только из закровов родины. Все купили по два блока. Я вспомнил стюардессу, которая рассказывала о красотах Магадана, и купил себе блок «Стюардессы» в память о ней.

А маленький Дима, как оказалось, продолжал оформлять свою акклиматизацию у сельского педиатра. Когда я позвонил в очередной раз, он поднял трубку. В медпункте Дима обнаружил, что там нет любимой участковой киевской врачихи. Свой визит так и начал: «Здравствуйте! А где Сара Марковна!» Сары Марковны не оказалось. Он очень расстроился и рассказал мне об этой ситуации подробно. Добавил к этому ещё, что и меня любит. В ответ я выразил своё сожаление отсутствием Сары Марковны и сформулировал свою точку зрения на него, Руслана и маму тоже. Наша мама уже понемногу закипала, что было, однако, даже чуток быстрее общего процесса глобального потепления.

Поскольку циклон в это время продолжал как-то пятиться в сторону Анадыря, утром лётчики радостно сообщили, что керосина у них не так уж и много, и чтобы куда-нибудь полететь, они знают, где его взять. Керосин есть на Мысе Шмидта, а, кроме того, там есть и погода. А затем надо мчать с мыса куда-нибудь по-быстрому, предпочтительнее всего на Лаврентия, где погода «миллион на миллион». В осмыслении решения командир был мудр, привычно решителен и традиционно немногословен. Узнав, что на Шмидте мы приземлились лишь на дозаправку, начальник местной пограничной заставы хитрый хохол Ковальчук несказанно обрадовался этому. Излучая многоцветное удовольствие, керосин заливал практически собственными руками. К его фонтанирующей радости – мы улетели сразу же.

Наде позвонить не успел.

Посадка в посёлке Лаврентия получилась до неприличия жёсткой, но так почудилось только мне. Что такое «миллион на миллион», я тогда ещё не знал, а то, что это была позёмка, понял, когда заметил что-то такое нежное, пушистое и беленькое, пролетающее с плавными пируэтами. В такую погоду обычно рекомендуется гулять с собачкой или с любимой девушкой. Во втором случае внимательно разглядывать, как у неё на щёч-

ке снежинка тает. Даже песня есть такая. Снежинки ниоткуда не падали, а просто летали практически под ногами. Подумал, что девушке пришлось бы свою щёчку под снежинку как-то опускать. Представил, и картина получалась забавная.

Позвонил Наде и с восторгом сообщил, что побывал уже на пяти подчинённых мне пограничных заставах: «Анадырь», «Аэропорт», «Шмидт» (два раза), «Певек» и «Лаврентия». Она спокойно поинтересовалась общим количеством застав. Сказал, что их пятнадцать. Обрадовалась тому, что не двадцать пять. Проинформировала, что Руслану одна девочка в классе нравится, и если дело и дальше так пойдёт, то моё присутствие в семье было бы не лишним. С мнением согласился и в очередной раз высокопарно заявил о своей горячей любви. Конечно, не к девочке.

Быстро выяснил, что в определении имени этому транзитному посёлку замешан Джеймс Кук, который на своём судне зашёл в одноимённый залив в день Святого Лаврентия в 1778 году. Получилось на 200 лет раньше меня. В этой связи страшно удивился тому, что имя этого края никак не связано с легендарным Лаврентием Павловичем, который намного больше сделал для освоения советского севера. Поспрашивал ещё что-то у местных товарищей. Уяснил, что до меня здесь

уже был капитан Кларк, затем Сарычев, Коцебу, Биллингс и Литке. Разминулись. Наверное, из-за циклона. Посёлок Лаврентия очаровал фантастическими колченогими баракками с проржавевшими задиристыми крышами, стихийными свалками и стратегическими запасами бочкотары и вторчермета.

Собаки на происходящие вокруг них события реагировали вяло. Лётчики оживлённо ощупывали шасси, но от обсуждения проблем их состояния всячески уклонялись. Скорее всего, всё было в порядке, к тому же открылись Урелики, куда лёту было меньше часа. Обсуждалась версия: если по светлому времени в Урелики не успеем – придётся идти на запасной аэродром – в Марково. Туда лететь не больше трёх часов. Можно бы, конечно, и в Эгвекино, что ближе, но там что-то не так. То ли полоса не такая длинная, какая нам нужна для посадки, то ли её не расчистили от снега.

Вылетели и успешно прилетели. Аэровокзал в Уреликах по своему облику напомнил оплот сельсовета, который когда-то мне встречался в глуши Читинской области или в Бурятии. Общий облик зданьица надёжно скрывали громадные сугробы, колер в известные типы не укладывался, но власть ощущалась каждой молекулой. Ещё аэропорт удивил близостью к людям и демократично-

стью службы безопасности. Село напоминало Киев тем, что по центральной его улице ходили нормальные и красивые люди. Они точно так же толпились за чем-то у магазинов, водили за руку детей и приветливо улыбались друг другу.

Надежды провести какое-то время с семьёй оправдались лишь частично, поскольку прилетевший вместе с нами строгий и многоопытный полковник должен был майора, то есть меня, немедленно «вводить в должность». Именно «немедленно», поскольку в Олюторско-Наваринском бассейне зарождался новый циклон, и штормовое предупреждение не только в Беринговом, но и в Охотском море рыбаки уже получили.

До начала акта «введения в должность» дом, подъезд, этаж и дверь квартиры, где я как бы живу, мне показал очень толковый старший прапорщик Володя Шмонин, комсомольский инструктор. С семьёй я был не более получаса.

Счастливая Надя и радостные дети взахлёб рассказывали накопившиеся новости. Маленький Дима гладил руку и спрашивал: «Этоты, папа?» Что папа с удовольствием подтверждал...

Минуты пролетели быстро, и все пошли провожать воина. Каких-то сто шагов до штаба, где предстояла встреча с руководящим кабинетом и нетерпеливым воеводой.

– Здесь пекарня, и хлеб мы берём там ещё горячим. А там ваши склады с овощами, – щebetала моя Надюша, а я вспоминал, как должна храниться морковь.

– Здесь у вас тир пистолетный, а там БТРы и машины всякие стоят, – сообщил Руслан, и мне почему-то возжелалось пару раз пальнуть по-македонски или сделать тройной аксель с подкруткой на тяжёлом гусеничном тягаче.

– А это, папа, казарма, где солдаты живут. Там у них свинарник и бардак страшный, – говорил им вчера громко и ругательно наш начштаба, дядя Володя из пятой квартиры, – продолжал старший сын поражать своими знаниями.

Я автоматически зафиксировал отсутствие скребков и метёлок для обуви у входа и с оценкой «бардак» согласился, хотя в этом ничего страшного не было.

А Дима крепко сжимал руку и наперебой остальных силился определить мне задания, поскольку ему срочно требуются санки, лыжи, коньки и патроны.

– И когда же мы с тобой, папа, на санках поедем кататься? Сейчас или вечером? – наконец-то ввернул он конкретную проблему. Но папа был озабочен предстоящим процессом «введения в должность» и тем, чтобы до подхода циклона вытолкнуть инспектора из родного села.

Почему слово «Урелики» переводится с местного диалекта как «долина чёрных камней» я узнал в День защиты детей. Был ли такой общесоюзный праздник в то время или нет, не помню, но первого июня для наших семей мы устроили день проводов зимы с полевой кухней, ватрушками и сжиганием чучела на плацу. Камни уже просматривались на южных склонах сопок. И они были действительно чёрными.

ВСЁ КАК У ЛЮДЕЙ

В ПРЕДВКУШЕНИИ СКАЗКИ

Представить не мог, что Север способен так затянуть. А кто-то подумает: нечем «затягивать». Пурга, тундра, олень и чукча, который пожизненно сидит в чуме и дожидается рассвета. В Тамбовских лесах волки-европейцы, наверное, и сегодня посмеиваются над своими северными сородичами, которым, может, и сам чёрт определил место проживания в чукотской тундре. Но в памяти не стираются просторы, где прошла часть партийной и поэтому безбожной юности. О безбожности, может, немножко и загнул я в бестселлере своём, потому что каждый человек там всё же выбирал свою веру, свою религию, наконец, оказывался в плену добрых и злых предзнаменований или, лучше сказать – примет. Каждый проходил свой путь деликатно, по-домашнему и без выпячивания личных предпочтений перед друзьями-товарищами и соседями. А на виду всегда строго. Мы атеисты и не чукчи, чтобы всяким шаманам кланяться!

Оказался на берегу двух океанов по приказу Родины. А до поездки настойчиво ловил и

вбирал в себя всякие новости и картинки. На Чукотку едучи, начитался всякого. Прочёл все, что найти удалось, что под руку попало, включая справочники, газеты и даже сказки и легенды народов СССР.

Кое-что уяснил сразу и твёрдо. Допустим, то, что чукча однозначно не дурак, а сильный воин, умелый охотник и оленевод, а эскимос прежде всего мореман, зверобой и рыболов, человек спокойный и, в основном, душевный. Из эпоса хорошо запомнился старик, что «сидит на берегу моря, трубку курит и думает». Сразу же уяснил, что к словам Минздрава о курении с глубокой древности северяне относятся индифферентно. С помощью справочников в теоретических знаниях о мухоморах (*Amanita*) с токсинами, мускаринами и мусцилинами, обеспечивающими галлюциногенные видения, я преуспел сразу. Подумалось даже, что они если не в магазинах, то, по крайней мере, у бабушек-чуканок в базарных рядах продаются как сушёные грибки для компота. Ещё понравились мне концовки в сказках, всегда короткие, как приказ каюра – «всё» или «конец». Хочешь, снова читай-перечитывай, а не хочешь – так думай, что там ещё могло бы такое интересное произойти. Как, например, кит соблазнил чью-то жену или медведь с замужней женщиной родили мальчика с медвежьими ушками. Самым необычным показалось то, что главы семей в таких случаях вели

себя благопристойно и хорошо относились к детям, не колотили своих неблаговерных супружниц и посуду, не гоняли их вокруг яранг с копьями и луками. Заметил ещё, что причина доброго отношения к животным построена на том, чтобы не обиделся олень, морж или медведь за то, что его съели. Вот и вся любовь.

А неестественным показалось мне то, что великаны, духи, черти и другие чудища воровали девчонок лишь для того, чтобы съесть их на завтрак или обратить в работниц. В сказках по отношению к чукотским и эскимосским девушкам я не обнаружил привычного для нашего общества сексуального насилия даже со стороны вурдалаков и упырей. Запомнился ворон Кутх: хитрый и наглый мошенник, какого даже на московских вокзалах найдёшь не сразу.

Остальное, из ряда фактов, зацепившихся за извилинами памяти, было связано с милями, квадратными километрами, погодой, первой в мире Билибинской АЭС на вечной мерзлоте, столицей Чукотки и природными ископаемыми в тоннах и килограммах, с флорой и фауной в энциклопедическом понимании всех этих понятий. Словом, «от жирника к атому», минуя позорные формации и «измы».

ВЕРБЛЮД И КРАСОТА

В 1648 году служивый человек Гаврилов сообщил своему начальству в «отписке», что

Дежнёва Семёна «...на новую реку Анадырь с Ковымы реки отпустил и наказ ему, Семейке, вместе с Федотом Алексеевым, торговым человеком, дал. А на подарки дано ему государева товару иноземцам десять полиц», то есть булавы, дубинушек, что было, по всей видимости, наградным оружием для туземцев. От анадырского зимовья, устроенного Дежнёвым, реликвий не видел. Да и острог был где-то выше по реке и далеко от современного Анадыря, но близко к Марково. Порушили его тогда, когда поняли начальники с берегов Невы, что Анадырская партия «бесполезна и народу тягостна», подчиняться кому-либо чукчи не хотят, платить ясак не желают. А к тому же ещё эти туземцы разгромили сильный отряд матёрого и беспощадного колонизатора майора Павлуцкого. Майора убили, казаков и их наёмников – коряков порубили, а себе отобрали гарнизонных оленей, оружие и боеприпасы, включая пушку и, какая удача – боевое знамя! Правда, о том, что захватить знамя противника – подвиг, туземцы вряд ли подозревали. А потом Сенат и Сибирский приказ ещё войска посылали в те края, но так ничего и не добились.

В общем, нет острога, а вот землицей, спасибо Дежнёву за труды и открытия, можно восхищаться и сегодня. Когда-то Ново-Мариинск, сейчас Анадырь тянется с косы святого

Александра на гору Верблюжка или мыс Верблюжий. Корабля пустыни здесь не увидеть. Разве что цирк заезжал когда-то, а верблюду иван-чай или ягель с родиолой розовой понравились. Но удивляться здесь нечему, ведь есть же на северах острова, мысы и озёра: Крокодил, Пыжик, Гусеница, Ёж, Улитка, Головастик... Чем верблюд хуже? Тем более что слова «верблюд» и «красота» в арабском языке однокоренные. Красоты здесь полно, арабы вроде бы не проходили, а в окрестностях о верблюдах напоминают только сопки-горбы, и то лишь при наличии обострённого воображения.

В первый мой приезд ещё встречались такие аборигены, которые город строго называли Кагырлыном. По-тамошнему – зев, вход, устье, т.е. реки Анадырь. И сразу же понял суть утверждения Антонины Кымытваль, почему на Чукотке постоянно «...бьётся человеческая мысль в глазах машин, в мелодии металла». Правда, тогда, в 70-х, о Кымытваль что-то услышал и узнал не сразу, но с первых минут пребывания в чукотском столичном аэропорту твёрдо усвоил: оленьих или собачьих упряжек с логотипами «Такси» и практикующих шаманов здесь найти непросто. А ведь уже с первых минут, как и в последующем, так хотелось встретить какой-нибудь если не людоедский, то хотя бы умеренно-дикарский обы-

чай! Да и друзья, провожая в дальние края, уж очень просили меня запоминать всякое такое «необычайно дикое» и «зверское». Для обмена опытом, наверное.

ТРИЕДИНЫЙ ПУТЬ К КОМФОРТУ

Аэровокзал удивил классической казарменной архитектурой и доведённым до уровня космических вершин упоительно домашним и незлобивым кумовством между персоналом и пассажирами. А ещё возвышенной деловитостью в общении и отсутствием в нём признаков празднословия, а также простецки-дружелюбным отношением к среднестатистическому клиенту. Запомнилось кое-что из набора коммунально-бытовых благ. Это когда в вестибюлях и холлах стоят десятки мужско-женских кроватей (где свободно – там и занял, оплативши через кассу) со зверски эластичными пружинами. Все эти ряды и шеренги спальных мест числились за гостиницей. Условия считались хорошими, и поэтому никто не роптал и не плакал. А жеманные девушки с мещанским кругозором, которых В.Даль обзывал «кисейными барышнями», если они там даже и были, то ни в чём и никогда себя не проявляли. Там полагалось вместе «с курами ложиться» и не требовалось вместе «с петухами вставать». Требовалось спокойно набираться сил и терпеливо ожидать, когда неваж-

нецкая погода уползёт куда-нибудь к братьям якутам или к корякам с ительменами вместе взятыми.

Конечно, здесь случались сибариты и сибаритки. Для них здесь всё было особенно непривычно, и им сочувствовали. На буфете с чаем, пирожками и ватрушками и кадках с фикусом не останавливаюсь лишь потому, что точно такие же путевые атрибуты советских людей встречали в любом другом аэропорту или жд. вокзале страны. Воплощённая в бетон концепция архитектора предполагала длинный коридор, по которому можно было безмятежно фланировать даже в домашних тапочках, изучая инструкции, наставления и объявления и не страшась наступить на кого-то из соплеменников. Словом, здесь было абсолютно всё как у людей.

Имелась «Комната оленевода», что по статусу соответствовало «депутатской» светёлке в каком-нибудь Шереметьево или Пулково, а в чукотской натуре – кровать, стол, тумбочка, шкаф, чёрно-белый телевизор и санузел. Светлица, как вы понимаете, была одна, а вот слуг народа, начальников и депутатов – несколько больше. Но в аэровокзале имелись и другие кельи. Они были скромнее начальственных хором, но конкурс на обладание ими в ненастные дни проводился «по-взрослому», как и в МГУ или МГИМО.

Тамошний мир был устроен так хитроумно, что аэропорт отгрохали на одном берегу Анадырского лимана, а сам град – на другом берегу, километрах в десяти-пятнадцати. И если ты прилетел в аэропорт, то это ещё не значит, что добрался до столичного Анадыря. Для этого необходимо пересечь лиман на катере (если это лето), на автомобиле по льду (зимой) или на вертолёте, если навигация закрыта, а зимник ещё не открыт. Год на год не приходится, но река Анадырь вскрывается ото льда во второй половине июня, а в конце сентября уже появляется первая шуга. Но есть и четвёртая вариация: сутками, а то и неделями таращить глаза на огни и дымы города. Это когда на воде шуга или перволёдок, а в воздухе нелетательный ветерок или туман.

Совсем недавно своеобразие аэропорта по удивило В.Спивакова и его «Виртуозов Москвы». «Когда прилетели в Анадырь, – вспоминает о поездке маэстро, – ко мне подошёл человек и сказал: «Сейчас возьмём два военных вертолёта и перелетим в гостиницу!» Я подумал – выпил он, что ли?.. Но нет: доставили нас на вертолётах до прекрасного отеля...». Тогда музыканты тоже изумили Чукотку, поскольку в её истории значатся лишь два духовых оркестра в армейском гарнизоне и у пограничников, которые вместе с сокращениями наших полков и застав канули в Лету. Справедливости ра-

ди надо заметить, что в годы далёкие 70-е не только чукотская столица, но и эскимосские сёла Урелики, Сиреники и Новое Чаплино видели и слышали другого маэстро – Мстислава Ростроповича, правда, без оркестра.

Это отступление. Я лишь к тому, что и в те давнопрошедшие времена, которые прославляю в своих хаотичных записках, для виповских пассажиров уже существовал тот триединый путь к комфорту и забвению мирской суеты, который не претерпел принципиальных изменений и ныне. Я лишь к тому, что на Чукотке всегда была культура от легенды и сказки в книжке – до мировой звезды наяву.

СРЕДИ ПОТОМКОВ «ЗАКОРЕНЕЛЫХ ЗЛОДЕЕВ»

Главная достопримечательность центра управления полётами, конечно, заключалась в колорите жителей севера. Здесь чувствуешь себя как дома, а каждого новичка встречают, как близкого родича. Улыбаются и обнимаются, расцеловывают и обжимают горячо и душевно промеж чемоданов и баулов, не обращая ни малейшего внимания на общественное положение и половую принадлежность. Расспрашивают о делах и заботах, о родных и близких, передают кому-то почтения и приветы. Удивительно, что всего каких-то 200 лет назад местных аборигенов считали «закоре-

нелыми злодеями», которым «по их азиатскому непостоянству» верить нельзя, а если и разговаривать с ними, то с винтовкой наизготовку. Верно, сыграло свою роль давнишнее постановление Сената России чукчей и эскимосов «уговаривать в подданство добровольно и ласкою».

И сегодня не трудно вспомнить, какие проблемы обсуждались «в народе». Повествовали, как откуда-то учитель математики сбежал на материк, а откуда-то, но не оттуда, врачиха в декретный отпуск уехала, а где-то даже падёж оленей остановить не смогли. Математику пока что заменили географией, фельдшерско-акушерский пункт замкнули, но недалёк тот день, когда распахнут, а председателя колхоза скинули с выговором и позором, да и посадили секретарём сельсовета.... Вот такие «панылыгэ». Если по-здешнему, то новости, значит. О каких-то разрушениях в государственной системе медицины или образования, о кризисе в традиционных отраслях хозяйствования коренного населения или его здоровье в целом, конечно, не вспоминали. (Если у кого-то из знакомых не закололо в боку или сын (дочь) не готовится к поступлению на физмат, или в магазине не пропала оленина). А такая абракадабра, как «непродуманная и стремительная приватизация основных средств производства традиционной экономики Севера»,

не могла прийти в голову даже первого секретаря окружкама партии, даже во сне, даже в ночь после отчётно-выборной партконференции.

Всегда ловил себя на мысли, что аэровокзал был переполнен только филантропами и меценатами. Пассажиры свободно и легко давали займы друг другу деньжата в сотнях и даже в тысячах. Завсегда находили возможность добросердечно угостить кусочком рыбки или буженинки по-домашнему какого-то залётного командировочного, который неделями угрюмо бродил по аэровокзалу с ярко выраженной депрессией на лице и тоской в глазах, бессмысленно взирая на снежные барханы и предавая проклятию своего босса, подсунувшего ему такую свинью в виде суточных.

Всего какие-то минуты стоит послоняться по залу и к тебе уже подходят со знанием дела: «Так, оказывается, вы такой-то, ...а вот я...» и самое поразительное было в том, что, когда эти люди расходились на посадку, оказывалось, что летят они в разные концы Чукотки и живут в сотнях километров друг от друга.

О ЗНАЧЕНИИ ПСИХОАНАЛИЗА В ЖИЗНИ ПАССАЖИРА

Этот монолитный семейно-задушевный сгусток человеческих эмоций, как я уже замечал, славился безграничным внутриколлек-

тивным доверием в своих единичных проявлениях и действиях. Здесь, как и в других аэропортах севера, не верили лишь дикторшам-информаторшам и, наверное, только потому, чтобы уважить древнюю чукотскую мудрость старейшин: «Если ты женщина, то молчи». Когда в этом затерянном в снегах уголке Родины объявлялось, что регистрация на рейс Анадырь – Провидение начнётся завтра в 10.00, наступала уверенность лишь в том, что борт или самолёт на завтра имеется. Если вылет объявляется в 14.00, то самолёт сидит где-то, к примеру, в Марково. И если он из Маркова вернётся, а Провидение не закроется, то враз настанет счастливое время регистрации пассажиров и оформления багажа, что на местных рейсах одно и то же. При этом всё обойдётся быстро, интеллигентно и безо всяких «предполётных психологических тестирований пассажиров» со стороны Минтранса и милиции, что сегодня так некорректно и злобно даже специалисты прикладного психоанализа обзывают «совершенно абсурдной идеей».

Психоанализ был нужен на другой ниве. Следовало бы заняться, как это принято у военных товарищей, сбором, обобщением и анализом обстановки, невзирая даже на тот факт, что метеонаблюдения в Анадыре тогда уже отпраздновали своё 100-летие со дня

рождения. И нужна была воля, чтобы выйти из помещения в пургу, смелость, чтобы оглянуться по сторонам и на горбы-сопки, терпимость, чтобы переговорить с аборигенами, и смекалка, чтобы найти курилку, которая теоретически могла быть в любом углу, а практически находилась между «глухими» противопожарными дверями или где-то под лестницей у таблички «Не курить». Там была нива, где в любое время суток в обязательном порядке водился и произрастал на почве собственного величия опытный закопёрщик с необыкновенными знаниями привычек и примет матушки-природы. Мыслитель, для которого состояние завтрашней погоды было секретом полишинеля, человек, обладающий непревзойдённой личной скромностью и убедительностью в изложении самых невероятных прогнозов. Мимо этого товарища трудно было пройти ещё и потому, что он всегда был в центре всеобщего внимания и, как правило, требовал с новичков закурить либо докурить. Он только в самом начале казался обычным тутошним трепачом, но он никогда «не гнал пургу», а его предсказания оказывались не столь уж и эфемерными.

Здесь требовалось, как говорится, «развесить уши», сопровождая зорким взглядом его железобетонные аргументы о порозовевшем небе на востоке, о тающей с юга сосульке, или

пристально присмотреться к собачонке за мусорным баком, которая весьма убедительно для всей аудитории и уже в шестой раз «на бис» почесала правой лапой за левым ухом.

Затем нужно было ещё позвонить в Провидение: спросить, какова видимость в сторону озера Эстихет, в сторону океана, есть ли ветер или позёмка в районе Гнилого угла? Выяснить, видна ли была сегодня на сопке стрельбища возле Уреликов, где аэропорт Провидения, наскальная живопись в виде крылатого лозунга «Слава советским пограничникам!» Как туман (облачность) – выше надписи, ниже, ровень – и откуда ветер. И только потом можно было реально ощутить воздушную лёгкость во всех членах своего тела от предвкушения завтрашнего полёта над мерцающим безмолвием лунного ландшафта. Или свинцовую тяжесть мрачной тоски, что принято считать хандрой.

Примерно такой вот метеорологический анализ позволял точно планировать свой завтрашний день. Естественно, что по аэропортам Певека, Шмидта, Лаврентия или Эгвекинота слагаемые прогноза несколько видоизменялись во второй его части.

Когда-то писали, что Анадырь был «...полем деятельности для авантюристов-коммерсантов, выкачивающих пушнину у местного населения». Затем чукчи, эскимосы, ламуты и ко-

ряки бросились в дело советизации своих просторов и преуспели даже в создании красных чумов. Переделали всё и вывели на уровень советских ГОСТов. И только старик остался сидеть на берегу моря. По-прежнему трубку курит и думает.

Такое ничегонеделание мне потом объяснили: чукча-старик не просто сидит и не разбери о чём думает. Он погоду высматривает, известные ему приметы сопоставляет и по ним определяет, что будет завтра? Можно ли будет выйти в море на охоту или в тундру за пушниной? Стоит ли надеяться на хорошую добычу?.. А молодёжь ждёт, когда поступит команда, чтобы понесли её собаки в страну оленей или вельбот в страну тюленей.

Мудрый, однако...

УКРАЛИ В ЦК, ВЫПИЛИ НА СЪЕЗДЕ

Как отмечают современные политологи, преобладающая часть молодёжи весьма аполитична и, по сути, особенно не нуждается в диалоге со старшими поколениями, в «равнении на старших». Она пребывает в состоянии отчуждения от общественной жизни, разобщения с поколением, которое реализует политические решения. Старшие обижаются и считают, что это неправильно.

Но «...сегодняшний день нельзя понять вне связи со вчерашним и, следовательно, с давно прошедшим», – справедливо утверждал известный русский философ С.Л.Франк. Далее рассуждения о «вчерашнем». О «прошедшем», когда юноши и девушки активно стремились утверждать в своей среде культуру политической жизни. Когда под мудрым партийным руководством конспектировали и умело цитировали программы и резолюции съездов, исторические речи, озвучиваемые политическими вождями. Когда, и это встречалось нередко, деревенский мальчишка знал наизусть текст «Морального кодекса

строителя коммунизма» и при этом продолжал настойчиво «учиться коммунизму», что, надо справедливо отметить, было одним из важнейших компонентов его дальнейшего карьерного роста. Тогда проблема кто победит за «Клинским» пивом, как в известной рекламе, не стояла.

Спустя годы, стали откровениями постулаты восточной мудрости о том, что можно коня привести к воде, но нельзя заставить его пить. Слова Анатоля Франса о том, что знания, даваемые человеку насильно, душат разум, а Дж. Дьюи, что ученик не сосуд, который нужно наполнить, а свеча, которую необходимо зажечь. Всё это было потом.

А в середине 70-х, страшно сказать, прошлого столетия убеждённость в том, что только коммунизм проникнут подлинным гуманизмом, сомнений не вызывала «по всем статьям свода законов», как отмечал широко известный товарищ, унтер Пришибеев.

В этой связи разве не любопытно сегодня, к примеру, выглядят строки из речи вождя на Красной площади 1 мая 1919 года: «Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фаб-

рики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом. До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества – не утопия. Ещё усерднее будут строить это здание наши дети».

Сказанное принадлежит В.И.Ленину. Согласитесь, сегодня это читать забавно, правда? Но описываемые события происходили всего-то около тридцати лет назад, в конце семидесятых. Время было другим, а тема вечная – политика.

В армии всё унифицировано так, чтобы было удобно использовать эту особенность в повседневной жизни. Это важно. Поэтому сплошь и рядом фигурировали: РС – рота связи, ОРТМ – объединённая ремонтно-техническая мастерская. Была автотранспортная рота – АТР. А вот со стороны плаца разносятся веселые и звонкие мелодии, которые полной силой своей меди умело перетасовывает немногочисленные ноты и посылает мелодии своим благодарным слушателям ВО. Это военный оркестр.

Такие сокращения звучали даже в докладах на собраниях партийных и комсомольских активов, совещаниях. Солдаты привыкали к

ним быстро и использовали в своём лексиконе достаточно умело. И если кто-то пошёл в ОРТМ, а затем будет в КР, то существо сообщения каждому было ясно. Мало кто задумывался над тем, кому принадлежит авторство в изобретении сокращений, но казалось, что это удобно и практично.

Конечно, на положение дел это мало влияло. Влияло что: наличие или отсутствие продуктов, света, тепла. Северная пурга несравнима с тем беленьким, пушистеньким снежком, который где-нибудь в Замоскворечье или в Мневниках с пируэтами кружится и нежно падает, а затем и мягко тает ещё до появления только что проснувшейся дворничихи.

Дело было на Чукотке. В зимние дни в Провидении особенно зорко присматривались к тому, как ведут себя электрические «лампочки Ильича», прислушивались к ритму дизель-генераторов, изучали характер дымов над трубами центральной котельной. Любые мигания в лампочках, перебои в дыхании механизмов или изменения цвета дымов опытным начальникам говорили о неполадках и требовали вмешательства.

В котельной стояли шесть огромных котлов. Четыре работали на полную мощность, один, в аварийном режиме гонял воду сам в себе, на случай ЧП, а последний – шестой, стоял молча и ждал особо крупных ЧП. Вся эта

компания, похожая на стадо слонов, замерших в едином строю, в зависимости от температуры воздуха «съедала» в среднем более 30 тонн угля в сутки.

Солдат было полтора десятка, в основном нарушители воинской дисциплины, которых за различные провинности убирали с погранзастав. «Отслужив» немного на гауптвахте, они плавно вливались именно в этот коллектив, где кроме лопаты ничего другого в руки и брать-то не приходилось. Это была правильная политика. Здесь служить надо было в любые морозы: на бункеровке угля, в крошечной пыли и дыму возле топки, в воде и в грязи под лентой транспортёра. Льготы и привилегии составляли дополнительный ночной паёк: сухое молоко, печенье, масло, хлеб и сало, что измерялось в граммах на одного человека в сутки.

Начальниками смен стояли мужики из посёлка. Их биографии легко читались на специфических носах и складках под глазами. Во второй половине дня начальник текущей смены нередко был уже слегка болтлив и развязен, а к вечеру даже «уставшим». Впрочем, никто из них за места особенно-то и не держался. В посёлке всегда можно было найти работу, а вот украть здесь было совершенно нечего.

Руководил котельным коллективом 40-летний капитан, практически гражданский чело-

век, который и сам подведение итогов социалистического соревнования с начальниками смен был не прочь провести «на троих». А поскольку руки у него были золотые, лучше него котлов во всей округе никто не знал, а, выражаясь образно, из мясорубки и швейной машинки ему по силам было собрать двигатель внутреннего сгорания или электробриту, то кое-что ему прощалось.

В гарнизоне было ещё несколько котельных, очень маленьких и маломощных, но котельная-гигант носила гордое имя – «центральная котельная». По принятым правилам – ЦК.

Один из окружных начальников с этого и начал знакомство с гарнизоном.

– Ну, что Вы себе позволяете, товарищ майор, – раздражённо акцентировал он своё высокое внимание к сложившейся производственной практике. – У нас только один ЦэКа в стране. Это ЦК КПСС. Вы же начальник политического органа! Вы только вдумайтесь в то, что Вы пишете. Вы вдумайтесь в то, что пишут ваши начальники и офицеры!? Это же уму непостижимо: самовольная отлучка из ЦэКа, пьянка в ЦэКа, неуставные отношения в ЦэКа. Вы только представьте себе: воровство печенья и сала в ЦэКа?!

Что же делать, если политика на каждом шагу врывается в экономику? После напряжённых и продолжительных консультаций обра-

зовывались то ГК (главная котельная), то ОК (объединённая котельная). Но в обиходе политика решительно сохранялась. Зная всю подоплёку вопроса в новых наименованиях, офицеры, как отмечали классики того времени, «с глубоким удовлетворением» находили сначала горком партии, а затем и обком партии. Понятно, что партия тогда была у нас одна.

Затем прошёл очередной съезд. Победителем в социалистическом соревновании за достойную встречу этого съезда стал коллектив одного из самых крупных в морском соединении ПСКР. ПСКР – это пограничный сторожевой корабль. В торжественной обстановке кораблю было присвоено почётное наименование: имени XXV съезда КПСС. Такая надпись стала красоваться на его борту в латуни.

Вот и подумалось тогда как-то с товарищеским злорадством, как же там мой коллега борется с пьянками, самовольными отлучками и воровством на «XXV съезде КПСС»? Такая судьба мало кого обрадует. По своему очень интересная и неординарная судьба, в чём автор пытается по мере своих слабых сил, как говорил Михаил Зощенко, убедить читателя на примере.

Вы только вдумайтесь в это! К примеру: «XXV съезд КПСС» не выполнил свои социалистические обязательства в честь XXVI съезда КПСС. Или: на «XXV съезде КПСС» создана

атмосфера круговой поруки, отсутствия принципиальности и партийной требовательности, а нарушение принципа коллективности руководства привело к полному отсутствию персональной ответственности за истинное положение дел в коллективе... Да что там в коллективе? Потом оказалось и в стране!

У нас ведь одна КПСС, это Коммунистическая партия Советского Союза. В любом докладе это было так смело! Не спросил тогда я коллегу, а теперь жалею.

Есть ещё именные пограничные заставы. Их слава, это слава пограничной гвардии. Это школа мужества десятков тысяч советских людей, школа воспитания на самых высоких идеалах героизма и патриотизма, нравственности, чести и совести. Слова В.О.Ключевского о том, что «политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» в полной мере подходили к прославленным коллективам застав имени Алексея Лопатина, Фёдора Морина, Виктора Усова, Андрея Кижеватова, десятков других. Она крепилась высокой нравственностью и готовностью к самопожертвованию той молодёжи, которая приходила сюда служить.

Но политическая конъюнктура дремать не собиралась и активно проникала сверху. Так появились заставы «СВД» и «имени Кучеренко». Естественно, это в солдатском лексиконе

так они звучали. СВД – это не имени снайперской винтовки Драгунова, а имени советско-венгерской дружбы. Многие даже тогда не могли понять, почему из полутора десятка пограничных застав на границе с Венгерской Народной Республикой дружбу с этой замечательной страной должны были особенно «культивировать» только в этом коллективе? Кучеренко же – это не герой-пограничник, воспитанный в Украине. Это – К.У.Черненко. Для тех, кто не слышал – Константин Устинович, Генеральный секретарь. Прижилось так же, как и ЦК.

В результате организационно-партийной подготовки успешно прошли кастинг имена, и появились заставы «имени Героев Малой земли», «имени комсомола Азербайджана», «имени Николая Островского» и другие. Надо сказать, что такие решения серьёзно улучшали инвестиционный климат, поскольку на заставы гости с пустыми руками не приезжали никогда...

БИТВА АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕСУРСОВ

В деревне выходные дни мало чем отличаются от будней. Да и само словечко «деревня» от глагола «драть», расчищать поляну, для редиски и помидоров, например. На эту тему можно даже и размашистее пофантазировать, прикинув, сколько в сельской местности таких дел, которые ну ни как не отложишь на завтра, хоть и драть в воскресное время будет нечего. Чего лишь стоит задать корм гусям, поросётам, телятам, а то так и баранам. Да и на земле у деревенского люда дел немеряно, даже без учёта тли и жука колорадского, которые, кстати, вкалывают тоже без выходных. Словом, что в деревне, что в селе беззаботных дней не бывает, поэтому там народ такой, хоть и трудолюбивый, но малокультурный, без тонких манер, а то и с дефектами в воспитании.

Но всё это не про нас. Среди сельских далей и широт случаются и культурные оазисы. У нас, например, в селе Урелики на Чукотке воскресный отдых – дело святое. Правда, нет у нас ни одной бахчи или виноградника, телячьих загонов или даже кормовой базы, по-

скольку в тундре даже борщевик не колосится. Так ведь и база у нас военная, поросяточек немножко, их специально обученные родителями ребята с крестьянской биографией и сельскими навыками воспитывают, ещё пекарня без выходных продукцию производит, где всего-то двое работают. Встречаются изредка двуногие, что по развитию – бараны форменные, но такие обычно на гаубвахте «сидят», где творят и созидают лопатами без намёков даже на минуты беспечного досуга.

А вот остальному народонаселению нашей военной базы в выходные дни полагается культурно отдыхать. Хочешь волком вой и в окно гляди, хочешь бомбы кидай, чтобы лёд растолкать и поплавать в бухте Провидения. Ну, это в случае, если бомбы не ворованные и копия кассового чека на их покупку – в наличии. Ещё одна радость – в воскресный день можно хорошенько отоспаться, а уже потом заглянуть на работу, благо, что ходьбы не больше двух минут. А там посидишь, помечтаешь о чём-то нетленном, прошуршишь газетами часок, чтобы и свою умность не опустить ниже сугроба и чего-то вредного заодно не натворить, и снова на диван, если ты, естественно, не в засаде – не ответственный по гарнизону, например.

А вот ответственного по гарнизону человека у нас определяют не по авторитету и уму, а по

графику выдирают из числа командного состава. И хотя, как считается, ответственный – это самостоятельный дядька, несущий ответственность строго за свои действия, на самом деле он тащит то же самое, но за окружающих его лиц и граждан. Он отвечает даже за форменных баранов, если они пока ещё не при делах. Даже за ребятню празднующуюся в ответе, потому что детвора шляется по гарнизону, не признавая даже уставов утверждённых Верховным Советом СССР, а ответственный так и называется «ответственный по гарнизону». К тому же ещё ребятня проживает на территории гарнизона. Правда, досуг у детворы встречается – кино, библиотека, музыкальная школа и самопровозглашённый театр под крышей клуба. Однако не все читатели, не все комедианты и лицедеи, а скрипачей и барабанщиков и того меньше. Есть ещё экскурсии на ту сторону периметрического забора базы, в село Урелики и даже в столицу района, но это уже события другого уровня. Это уже «мероприятия», где год расписан: поход на Гидробазу к полярникам, поездка в краеведческий музей в Провидение, выезд в тундру за грибами, проводы зимы, встреча ледокола «Капитан Хлебников», поездка в гости к экипажу пограничного сторожевого корабля. Санки и лыжи – можно и без «мероприятий», если нет вьюги и прессующего даже взрослых людей ветра.

Вот и все радости, а детям, вместо того чтобы с нашими уставами познакомиться, ещё и пошалить надо. Малышня всегда стремилась откопать занимательные «сувениры» на стрельбище, вскарабкаться от безделья куда повыше, хвостануть мигом храбрости между волной и пирсом или проверить на себе крепость льда над тридцатиметровым корытом бухты. Из засекреченных углов и щелей время от времени выползали признаки «дымовушек», взлетали сочные языки и яркие блики далеко не пионерских костров и фейерверков. На Севере это хуже войны, да и задымившийся склад с самолётными манометрами, тахометрами, закрылками и шасси недавно затушили из последних сил.

Но у нас ответственный из числа начальства, потому как для этого дела позарез нужен административный ресурс. То есть у нашего ответственного всегда при себе сила должности и положения для добычи достойного результата. Так что это вам не хухры-мухры. Для такого воскресного босса даже титулы с проникающими в суть прилагательными народом придуманы: главный шухермейстер, например, видимо, происходит от «находящегося на шухере», хотя, по сути, задачи как раз противоположенные – незаметно проскочить мимо торчащих на шухере. Или ещё такие имена, как смотрящий, всевидящее око и

даже блуждающий форвард. Футбольное название лучше всего, потому что форвард всегда на острие атаки и должен забивать красивые голы именем должностных прав, а «блуждающий» потому, что реально приходилось действовать всегда из глубины, маневрировать и смещаться на фланги. Ответственный – это универсал, которому надо попасть туда, где нет порядка, и быстро замешать бетон, сцементировать дисциплину, так как прочим офицерам военной базы в такой день позволено отличиться даже какой-нибудь глупой безответственностью.

На базу пришло непробиваемое взором очередное тёмное зимнее северное утро, когда я с окрылённостью уполномоченной на великие дела полярной совы вылез из заваленного до уровня второго этажа снегом дома на дистанцию ответственного по полудремлющей и безответственной части села Урелики, т.е. базы. Твёрдо помню, что дело было через неделю после пожара на нашем авиационном складе, а поэтому доподлинно требовалось калёным железом и другими инструментами выжигать беспорядок, радикально насаждать распорядок и решительно устранять всяческие последствия того, что удастся выжечь, из числа дурного и вредного.

Компанию старшекласниц-акселераторок я хитро прищучил на границе двух стихий за

руинами древней кочегарки. Здесь, на пяточке грядущего сплочения колоритной свалки твёрдых бытовых отходов, излюбленного места районных экологов для выдумывания протоколов и актов, с нежно-голубыми торосами бухты – они поначалу вели себя благопристойно. Девичьи физиономии с индейской небрежностью и шармом были размалываны пудрой, помадой и всякой другой косметикой, что характеризует гарнитур зрелых миссис для достижения эффекта абсолютной неотразимости. Нежные пальчики неумело обжимали и загораживали дымящие сигареты, что ясно указывало на самые первые шаги в освоении этой зловредной практики. А то, что сигареты были не какими-нибудь советскими, а импортными болгарскими, сообщало о высоких доходах родителей и их доступе к секретам военоторговской лавки.

Стремительным прорывом в чащобу торосов и ТБО мне удалось разудало показать этой компашке суворовский натиск и внезапность, что считается наиболее характерными чертами русской военной тактики. А затем пришлось мобилизовать весь талант педагогического мастерства. Поэтому я начал втолковывать барышням все ужасы курения. Подробно остановился на недугах, преследующих курильщиков, и губительности никотина для организмов юных дам. Не забыл разжевать во-

просы преждевременного старения, подлой и неотвратимой экспансии уродливых морщин и особенности процесса полового созревания, остановился даже на мрачных прогнозах в перспективах материнского счастья, а закончил существующими нормами противопожарной безопасности и вероятными санкциями к ним со стороны родителей по моему науськиванию.

Получилось так убедительно, что даже самому захотелось напоследок перекурить и немедленно покончить с этим бесполезным бездельем.

В эти поэтические мгновения моего духовного торжества, а окурки были уже безжалостно растоптаны и преданы свалке, приятные чувства глубокого удовлетворения от достигнутого эффекта воспитательного воздействия начали постепенно заползать под шинель и приятно запруживать душу и сердце.

Однако именно в этот победоносный миг торжества моих педагогических познаний самая живописная по боевой раскраске и, видимо, наиболее заносчивая и дерзкая девица замыслила провозгласить свои концептуальные воззрения на объект уже завершившегося, по моему мнению, обсуждения.

– А Вы знаете, с кем Вы разговариваете? – мстительно поинтересовалась она с характерными для помеси вербальной и экспрес-

сивной агрессии интонацией и жестами. Её буравчики протыкали мою любимую шапку, макияж на её щеках сделался ещё ближе к окрасу опытных пляжных волейболисток, а губы расплылись, будто бы она только что съела шоколадное мороженое, но так и не позаботилась об их перекраске и устройнению.

– К сожалению, нет, – промямлил я.

– Ну, так знайте. Я дочь Начальника штаба! – надменно и язвительно провозгласила она потрясающий факт из второго абзаца своей биографии, ещё больше нахохлилась, покраснелась, и можно было бы даже заметить, что распетушилась, если бы не была будущей курочкой.

Наверное, после услышанного заявления ответственному лицу следовало немедля дезавуировать всякие глупости о никотине и доносе родителям, которые успел так неосмотрительно наболтать, не пораскинув мозгами о вероятных последствиях.

Получилось несколько по-другому.

– А Вы знаете, кому Вы всё это говорите?

– А, интересно, кому же? – бегло скользнула она взглядом по лицам безмолвных и бесправных подружек, напоминающих усталых штабных офицеров на совещании у своего начальника, и ещё плотнее сузила свои, вероятно, по жизни пушистые, а сегодня слипшиеся реснички.

– Так Вы уже объявили всё это мужу жены Начальника политотдела, – объявил я не менее высокомерно, чванливо и спесиво.

Показалось, что запуск мыслительных процессов в девичьих котелках состоялся. Думаю, что барышни старательно напрягли умственные ресурсы в раздумьях над уровнем моего руководящего родства, хотя в то время я был всего лишь начальником политотдела. А выше начальника штаба на нашей базе были только командир и Полярная звезда.

В Уреликах случались неудачные для форвардов матчи. И тогда из стана судей звучал резкий свист: «А кто там у вас ответственный?» Затем децибелы росли в соответствии с рангом арбитра: «Куда Вы смотрели!?!», «Где Вы были в это время!?!» (когда нечто случилось), «Как же Вы это допустили!?!» и «Что это за работа!?!» Самые въедливые ещё и ехидничали: «А зачем Вы там вообще нужны, если не смогли обеспечить элементарный порядок!?!» Неуверенные в уровне своей квалификации судьи задалбливали монотонными умозаключениями: «Мне думается, что лично Вы не организовали...», «У меня растёт уверенность, что Ваш доклад далёк от истины...» и т.п. Так всегда думаешь о начальстве до тех пор, пока не станешь им сам...

На нашей военной базе, прежде чем докладывать, надо было хорошо думать. Выгоднее всего получалось умело обосновать, что в мо-

мент происшедшего «ответственный» находился в другом конце этого гарнизона, на мероприятии, избежать участия в котором было просто невысказано. Но этот вариант не для форвардов. Он – для слабых духом.

Убеждение – лучший метод воздействия на сознание и самый надёжный путь к критическому осмыслению информации, ориентированной на интеллектуальную и познавательную сферы психики. Но иногда, как и в циничном анекдоте – надо чуть ошарашить, а затем и озадачить оппонента. В тот раз с девочками мне разделаться удалось. И побрёл я через сугробы дальше дуть щёки, делать умное лицо и качать права, теперь уже не опускаясь с прочного фундамента должностного административного ресурса.

Выходной день в селе Урелики только начинался.

ЗАПИСЫВАЮСЬ В СОЮЗНИКИ

ИЩАРАПАННОЕ СОЗНАНИЕ

Далеко позади осталось то время, когда разрешалось читать только «правильную» литературу. Тогда литература прославлялась в веках и в народах одна, настоящая, советская. Социалистический реализм и партийность – почти близнецы-братья, «колёсики и винтики единого общепролетарского механизма».

Впрочем, случалось иногда запрещённые вещи почитать. Знал я и таких товарищей, кто ночи на это тратил, чтобы утром фотокопию или рукопись вернуть благодетелю. Интересно было больше потому, что запрещено это. Сегодня эти произведения воспринимаются несколько в другом свете. Реальные, как утверждает авторами, факты или события, обязательно чекисты глупые и кровожадные, чиновники – продажные, партийцы – карьеристы конченные и великомученик, главный герой. Наверное, этого действительно было немало.

Ещё лучше писать, как некоторые литераторы, от первого лица. Тогда ясно, что великомученик автор. Тогда понятно, что Герой он же. А

можно и потом написать и вспомнить свои мучения, а пока, на первом этапе, как небезызвестный Д.Волкогон, раздолбить осиное гнездо и разогнать ос, в нём живущих, где целые годы главным «осом» служил. Словом, были разные подходы.

Приятно, что отец-основатель Юрий Михайлович Поляков (Литературный альманах №1 за 2001 год), в своих заметках «Как я был колебателем основ» и сегодня пишет легко, просто и доступно для любого читателя. Воздушная лёгкость, ирония, самокритичность не позволяют даже заподозрить автора в поползновениях на титулы великомученика и страдальца. Сразу понятно, что это не тот человек, который между строк сообщает и подчёркивает всячески: «Пора вам меня, ребята, канонизировать, пора». Весело, с юмором пишет. Именно лёгкость в его творчестве меня всегда делает союзником автора.

Не страдалец, но далее без первого лица не обойдусь. В тот день, когда Юрия Михайловича воспитывали на съезде ВЛКСМ за его военно-полевое творчество, я был в киноконцертном зале «Россия», где и проходил этот съезд. В роли делегата был и в роли комсомольского работника одновременно. Лично понимал: Поляков армию знает. Но... Это был тот же случай, что и у Пушкина Александра Сергеевича: «Я, конечно, презираю Отечество моё с голо-

вы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство». Кто такой Поляков, чтобы лезть в армейские проблемы? Как он мог? У моих коллег, армейских комсомольцев, мнение о «Ста днях» было однозначное и негативное, как и об авторе.

Баррикад в зале не было, но мы были по разные стороны от того места, где они могли бы быть обустроены. Выступление Полякова, изложенные им собственные убеждения грубой металлической щёткой «царапали» сознание делегатам съезда, создавая тот фон в зале, который Юрий Михайлович описывает вместе со своими личными ощущениями. Другого быть не могло.

Ладно уж «ЧП» произошло в райкоме комсомола, но в армии... Нет, это не наша армия. В общем, как свидетельствовали наиболее продвинутые делегаты съезда по вечерам, в гостинице «Орлёнок»: «За красный флаг над Белым Домом, товарищи!» Для этого в армии всё есть.

Что было ещё? На самостоятельную, большую и ответственную работу я попал в возрасте Христа. Тут же возникло немало пересудов: как офицер, не успевший толком и погоны майорские пришить, стал начальником политотдела и заместителем командира части. Должность целого полковника, да и место непростое – Север, льготы и т.д. Лапа?! Но это

так, шёпотом и как обычно. Не я первый, не я последний.

В военном городке на берегу бухты Провидения ярких событий и радостей было мало. Скучный пейзаж, вечно воющий ветер и дыхание пурги мелким, колючим снегом. Зимой люди как призраки блуждали по двухметровым снежным траншеям между домами. Летом, в полярные ночи детские голоса на плацу, в песочницах и со стороны примитивных каруселей звучали до утра. Чукотка...

Социальная стратификация общества того времени ещё не достигла своих возможных пределов. Таких солдат, которые бы ни разу в жизни не держали в руке вилку, не было. Не было солдат, которые ни разу в своей жизни не чистили зубы и не знают, как это делается. Не было на службе таких бойцов, которые бы имели судимость. Сейчас, говорят, такие товарищи есть сплошь и рядом. Тогда были воспитанные и не очень, грамотные и так себе, честные и добросовестные, вороватые и ленивые, драчливые и подлые, – разные. Такие, о которых писал Юрий Поляков в «Ста днях до приказа», к сожалению, были.

А ещё культивировался свирепый подход к офицерам. Если нарушил солдат дисциплину, виноват только его командир-офицер. Следовательно, получи взыскание, а далее со всеми остановками: звание, должность, поощрения.

И однотипные вопросы всегда: «Чем Вы там занимаетесь? Зачем мы Вас туда поставили?» Не было понятия о том, что армия является срезом общества. Какое общество – такая и армия. И если на заводе или в колхозе, в период развитого социализма, «не просыхают» от водки 10 человек из 100, то в роте, на службе у Родины, таких же бойцов где-то десяток. Пять попались на этом деле и на «губу» загремели, а пять ещё ходят в караул, на боевое дежурство, садятся за руль автомобиля и т.п. Жди, пока жажнет, и это обязательно будет. Не сегодня, так завтра.

СОЛДАТ БОЯЛСЯ, КОМАНДОВАЛ НЕОХОТНО

Единственным очагом культуры, в самом хорошем понимании этого термина, был клуб части. Здесь размещалась библиотека, музей, женсовет, художественная мастерская, радиорубка, филиал районной музыкальной школы, кинобаза. Актальный зал на 650 мест вызывал постоянную зависть у районного начальства, потому что любые заезжие артисты и пропагандисты (Е.Евтушенко, Л.Сенчина и др.) выступали, прежде всего, здесь. Клуб был подчинён мне, а значит, и его начальником должен был управлять я. Власть была.

Начальником клуба был Артур Валерьевич Ладысев, выпускник Львовского военного

училища культпросветработников. Абсолютно невоенный человек. Работу свою он любил, знал и гордился ею. Работать мог, авторитет имел колоссальный. Семьям, детям, да и солдатам кроме клуба некуда было деться. Вокруг бескрайняя тундра и воды Берингова моря. Альтернатива – только диван и телевизор. Солдат Артур панически боялся. Называл он их «Витёк», «брат Василий», «Петрович», а «командовал» ими весьма неохотно. Хотя какие там солдаты у него: два киномеханика, два художника-оформителя и водитель киноперемовки.

У начальника очага культуры в повседневном режиме обычно было 2-3 взыскания «за упущения в работе по руководству личным составом клуба» и «за ослабление в ИВР». ИВР – это индивидуально-воспитательная работа. С другой стороны, Артур, как профессионал, был окружён непререкаемым авторитетом и всенародной любовью окружающих. Это был мастер своего дела, одержимый идеями театральной жизни.

Благодаря именно его усилиям гордостью части и её визитной карточкой по праву считался самодеятельный драмтеатр, где в качестве актёров выступали дети и жёны офицеров и прапорщиков, солдаты и сержанты. Нашим Станиславским, естественно, работал Артур Валерьевич, а репертуар на сцену пла-

но переходил, в основном, из текущих номеров журнала «Юность», особенно популярного в то время. Спектакли превращались в настоящие праздники. Они шли при полном аншлаге в клубе части, у соседей-артиллеристов, в районном Доме культуры, на ближайших заставах. По такой причине некоторые упущения и промахи Артура сглаживались и микшировались.

Что такое видео, в тот период мы не знали. Вместе с тем практически в каждой семье были кинокамеры «Кварц», «Аврора» и т.п. Зарплата это позволяла. Это значит, что актёры всегда попадали в семейную хронику. Поэтому конкуренция на получение ролей в труппе была серьёзной. Нередко на их распределение в очередном спектакле пытались повлиять и влияли совсем не мелкие начальники.

В первый же месяц моего пребывания на Чукотке в театре прошло два спектакля. Затем наступило какое-то затишье. На все мои вопросы о новом спектакле Артур отнекивался, говорил, что готовит новогодние вечера и утренники, хотя какие-то репетиции, как меня информировали, в клубе проводились. Да и сам я на репетиции иногда случайно натёкался, но актёры как-то приумолкали, а их руководитель нёс что-то невнятное о «рутинной работе по оттачиванию актёрского мастерства».

А однажды начальник клуба мимоходом заметил, что у него практически готов к премьерному показу новый спектакль. На мой вопрос, что за спектакль, последовал краткий ответ: «По Полякову, хорошая вещь, в журнале напечатано». Честно признаться, на его реплику я среагировал несколько настороженно. Автор «своеобразный». Конечно, сейчас тот случай можно представить в качестве отчаянной смелости руководителя политического отдела, но на самом деле было всё же не так. В действительности это был вариант, когда не я управлял ситуацией, а ситуация управляла мною.

Уже через два дня после этой встречи из телефонного разговора с одним из руководителей политотдела округа мне стало известно, что «под носом у начальника политотдела, при его полной бесконтрольности, его безответственности и при его попустительстве, в драмтеатре клуба готовится спектакль по повести Ю.Полякова «Сто дней до приказа». Это повесть именно того Полякова, простите, Юрий Михайлович, «писуна (писаки, бумагомарателя и т.д.) самого мелкого пошиба», который всячески нагло дискредитирует армию чуждыми для неё явлениями, выходящими за пределы общепринятых норм социалистической морали и нравственности. Это фальшивка того ничего не знающего об ар-

мии ремесленника, который пытается выплюнуть на обсуждение нашего личного состава и народа надуманные, крайне уродливые явления и факты, которые присущи только армиям стран империализма. Тем обществам, где доллар затмевает разум, а корысть – дружбу и войсковое товарищество». (Обозначил цитатой, но на самом деле это очень близко к тексту).

Должен отметить, что такая некомпетентность названного автора повести поразила меня в сердце, и только в него. Последняя фраза была обычной: «Чем Вы там занимаетесь? Мы зачем Вас туда назначили?» Следует подчеркнуть, что это был не единственный звонок сверху. Обстановка неуклонно накалялась, и «советы» из верхов продолжались в различных вариациях, но с неизменным выводом: такой спектакль нам не нужен!

Я никогда не был мнительным, но перспектива получения очередного воинского звания, в моём понимании, отодвигалась куда-то подальше, а жизнь представлялась не такой уж и хорошей. Самое главное состояло в том, что Поляков, как оказалось, к написанию повести подошёл несколько «формально», без учёта специфики нашего гарнизона. Артуру нужны были женские и детские роли. Много таких ролей. Поэтому наш начальник клуба автора решительно и смело поправил. А ужас сло-

жившейся ситуации состоял именно в том, что все роли уже были распределены. Поэтому среди актёров было множество дам, дамочек и девочек, а именно: жёны и дочери очень крупных местных военных и невоенных начальников, девушки из посёлка, для которых театр – счастливая возможность заявить себя кандидатом в невесты, молоденькие и незамужние учительницы из местной школы с аналогичными взглядами. Именно отсюда определённый ажиотаж в семьях, напряжённое ожидание родных и близких увидеть свою половину, чадо или подругу на театральных подмостках. К тому же ещё в каждой семье, как я уже сообщал, имелась кинокамера и серьёзные планы на проведение съёмок.

ВОЗМОЖНО, ЭТО БЫЛА ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

В выходные дни у нас было принято, чтобы «командование» прогуливалось на работу. Будучи командованием, я за эти выходные путём перелистывания освоил всю подшивку какого-то театрального журнала. Возможно, это была «Театральная жизнь» или «Театр и кино», а в понедельник проходило обычно совещание, где подчинённые мне офицеры докладывали о том, что сделано и предстоит осуществить на этой неделе. Артур Валерьевич детально доложил положение дел в клубе

и задал только один вопрос: «Когда можно «делать» премьеру спектакля?».

Как и положено начальству моего уровня, я с удивлением, долго и подробно уточнял интересующие меня вопросы. Какую премьеру? Что за спектакль? Кто смотрел сценарий, кто утверждал его? Кому об этом докладывалось? Когда будет очередной «прогон»? Почему я об этом узнаю последним? Когда «сдача» спектакля художественному совету, хотя такого у нас и не существовало, и т.д. Следует сказать, что теперь уже у нашего Станиславского появилась определённая озабоченность, поскольку налёта на святое он явно не ожидал.

На генеральной репетиции по моей просьбе налицествовал даже секретарь партийной комиссии при политотделе пограничного отряда. Это был подполковник старой закалки, с перманентно загорающим ужасом в глазах от ожидания неизбежного увольнения на пенсию по возрасту. А потому многоопытный и искушённый во всех особенностях аппаратных и житейских лабиринтов человек.

Его замечания можно было бы перечислять бесконечно. В понимании Николая Александровича, а он всегда говорил только от имени партийной комиссии «мы считаем», «мы убеждены», «у нас вызывает удивле-

ние», спектакля не было. Показывать нечего. Материал слабый. Безыдейность и мелкотемье, попытка опорочить советскую действительность, современного солдата и офицера, уклад армейской жизни и быт.

Думаю, что если бы в эти минуты в пустом зале на 650 мест, где трудился наш многочисленный «трибунал», появился Юрий Михайлович Поляков, то от позора такого он тут бы и попросился в армию нового типа навсегда, чтобы служить в Провидении. Другой путь – только переквалифицироваться, как говаривал известный классик, в домоуправы.

После яркого выступления человека, олицетворяющего в сознании коммунистов чистый и честный образ партийца, оказалось, что к сказанному добавить практически нечего. Всё прозвучало «весомо, грубо, зримо», компетентно, убедительно, вразумительно.

Всё же я какие-то мудрые слова нашёл. Первое, что отметил. Очень сырая подготовка и неубедительная игра актёров. Не впечатляет. Слабо, очень слабо!

Второе. Весь реквизит представлял собой многочисленные параллелепипеды, кубы, цилиндры и пирамиды, обклеенные газетами «Правда» и «Красная звезда». Конечно, это по бедности, поскольку с бумагой была напряженка. Конфигурация этих блоков меня-

лась в зависимости от места события по пьесе, и возникали: ленинская комната, гауптвахта, санитарная часть или гарнизон. По глазам «били» многочисленные ордена, которыми обладали эти газеты. Страшно вспомнить, но там было всё, вплоть до орденов Владимира Ильича Ленина.

Поэтому второе. Реквизит поменять! Или ордена убрать, названия газет «Правда» и «Красная звезда» – заклеить!

Третье и главное. В спектакле никто не должен умирать. Иными словами, состояние здоровья солдата может быть не более чем средней тяжести, стабильное, с прогрессирующей положительной динамикой, как это примерно звучит в медицинских кругах. Напряжение должно смениться оптимизмом и не вызывающей никакого сомнения верой в светлое будущее.

Четвёртое из первого: можно продолжать работать, работать и ещё раз работать.

Далее, несмотря на истерические причитания и демонстрационные мигрени главного режиссёра, репетиции проходили только под контролем и с участием мудрых товарищей. Прошёл месяц, и под нажимом общественности премьера всё же состоялась.

Сказать, что спектакль прошёл на «ура» значит ничего не сказать. Многие зрители не скрывали своих слёз, слёзы были и у актёров.

В финале появлялась чудесная девушка, любимая подруга одного из главных героев. Несмотря на определённый трагизм ситуации, она гадала себе на ромашке, отрывая лепестки, и получалось однозначно – «любит». Она не верила в своё счастье, брала другой цветок, но выпадал тот же результат. Любит!

Она пространно размышляла о предстоящей свадьбе, и зрители в отблесках битых зеркал, наклеенных на крутящиеся шары, действительно видели на сцене невесту в белом платье и роскошной фате. Далеко не каждому зрителю были понятны слёзы находящейся там же на сцене скорбящей матери солдата в окружении «материнского» хора. Эти слёзы можно было интерпретировать как слёзы радости о том, что её сын стремительно выздоравливает, или слёзы счастья в перспективе иметь такую расчудесную невестку. Таким образом, создавался эффект незаконченности событий, жизнеутверждающего социального оптимизма и веры в светлое будущее.

Нагоняй за эту премьеру из округа я всё же получил. Уже потом спектакль ставили и в других клубах посёлка, и только замполит зенитно-артиллерийского полка отрекся от счастья лицезреть наших лицедеёв на своих подмостках. Сказал, что других дел полно, да и с дисциплиной неважно.

Можно было бы этот случай занести в число армейских баек, но все участники событий живы и здоровы. Любой и каждый хоть сегодня может подтвердить, что было, к сожалению, именно так. А может быть, к счастью. Иначе этого никто бы и не вспомнил.

Думаю, что в то время Юрию Михайловичу ещё было над чем работать. Он был только начинающим колебателем основ.

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ПРИЛАЗКА

ОБ ОТКАТЕ – НИ СЛОВА

Ещё в V веке до н.э. Геродот писал о немой торговле финикийцев с жителями африканских берегов. Давненько у них было это. У нас же чукчи с эскимосами и коряками, береговые эскимосы с эскимосами островными или аборигенами Аляски метод немой торговли приветствовали, наверное, чуть позже, но тоже многие века тому назад. С прошлой эры, к сожалению, примеров вроде бы не осталось, но технология точно древняя: раскладывали торговцы в ряд свои вещи для продажи и уходили. Являлось другое племя и насупротив каждой вещицы выкладывало свой товар. Если продавец считал, что покупатель среагировал адекватно, то при очередном подходе приглянувшийся ему эквивалент забирал, свой товар оставлял и радостный уходил через тундру прямо домой пить чай или курить трубку. У горячих чукотских парней правила в основном соблюдались и лишь в исключительных случаях использовались дополнительные аргументы – копье, например, под ребро или стрела в шею. Но если не нагнать, не нарушать

правила аборигенной торговли и не обманывать потребителей, то переживать не стоит: смертоубийства – не случится.

Думаю, что у казака Дежнёва и при сборе ясака и в торговле с коренными жителями были комбинации из самых разнообразных способов приобретения. В результате эдакой деятельности в 1671 году, завершив свою службу в северных районах России, Семён привез в царскую казну 289 пудов моржовых клыков на сумму 17340 рублей серебром, за что и был простимулирован атаманским чином и деньжатами в сумме 126 рублей 6 алтын и 5 денег.

С 1788 года в этих незамысловато очерчиваемых мною местностях, в частности на реке Большой Анюй, директивно возникли регулярные весенние безалкогольные ярмарки. Спиртные напитки на ярмарках были под строгим запрещением, но это несколько не остановило автохтонов: ни чукчей, ни юкагиров, ни эвенов, ни коряков. Люди без торговли нормально жить не могли. Затем наше правительство затвердило Российско-Американскую компанию, где Шелихов и братья Барановы, народные дипломаты, хорошие психологи и бизнесмены, тоже славно потрудились для народов России.

Вероятнее всего, что уже в тогдашние времена у Минфина Российской империи актив-

но сыпались молочные зубы, взамен показывались такие же кривые и дырявые, как и бюджет страны, а зубы мудрости ещё даже и не прорезались. По такой причине более ста лет, включая первые годы советских переустройств, наших вождей постоянно будоражили идеи, как бы продать или отдать на концессию не только Чукотку, но и Камчатку вместе с Сахалином. Во всяком случае, документов на этот счёт сохранилось огромное множество. Видимо, перед очами начальников докучливо маячили внеплановые миллионы, успешно вырученные с продажи безжизненной и стылой Аляски.

Может быть, «Начальник Чукотки» спас ситуацию. Прототип главного героя этого художественного фильма в народных сказаниях – Алексей Бычков. В 1921 году после смерти своего шефа большевика Глазкова он остался единственным представителем большевистской власти на Чукотке и поэтому взялся здесь за наведение образцового порядка, утверждение справедливости, а также взыскание с иностранных торговых менеджеров и мелких дельцов узаконенных госпошлин за покупку российских мехов. Таким образом, собрал \$30000, а затем, чтобы доллары белогвардейцам не достались, через Америку пробрался в Петроград и сдал стране советов всё до последнего цента. Лишь в одном от закона чуток

отступил, предъявляя заокеанским предпринимателям и чукотским акулам бизнеса большевистский мандат с чужой фамилией и представляясь Глазковым. Сейчас бы за это прокуратура взгрела, а тогда не обратили внимания – война.

Канули в Лету те времена, когда «мягкую рухлядь» или «рыбий зуб» меняли на уральские медные котлы, черкасский табак, бисер или американские винчестеры и патроны. Утверждаю, что ещё тридцать лет назад на Чукотке торговлю любили и гордились ею. Секреты местных прилавков и закровов родины первым мне раскрыл Саша из окружного исполкома Совета народных депутатов. Много лет спустя его ещё и губернатором избирали, а тогда он был простым инструктором окрисполкома.

Так вот Александр убедительно и красочно объяснял мне однажды в гостиничном номере Анадыря, что ключ к изобилию за чукотскими прилавками с 30-х гг. в Госплане СССР и в Госснабе, что является Государственным Комитетом СССР по материально-техническому снабжению, а замок проще деревянного чикиля, то есть грубого шеста для дрессировки оленей. Замок – это Северный завоз. Я слушал это развесив уши, потому что ничего этого не знал, а он рассказывал очень подробно, потому что занимался этим не первый день, а на

Чукотке, в отличие от меня, жил уже далеко не первый год.

Могущественные госорганы страны, как правило, ежегодно считали и пересчитывали чукотцев в столбик и на калькуляторе, мужчин и женщин, оленных, сидячих, береговых, мудрых, молодых и несмышлёных. Добавляли стройки, пристройки и новостройки, выясняли, где мост отремонтировать, а где пирс поправить или котёл поменять. Получалось, чего и сколько надо на год. Например, цемента и стали, леса и шифера, муки и картошки, горчицы и спичек, чайников и валенок, колготок и костюмов, керосина и сена, сухого молока, галош и даже ликероводочной продукции.

Затем наш Госснаб организовывал Северный завоз, посылая свои генеральные грузы в Мурманск, Владивосток и Находку, где к этому делу подключался могучий и ответственный отечественный Морфлот. Грузы для Севера считались особо важными и маркировались красной линией. И вот один из кораблей проходит все посёлки с цементом, водкой и сеном, другой – с металлом, мануфактурой, мясом, крупами и консервами, третий – угольщик, четвёртый – танкер с ГСМ. Последний пароход – это так называемый «овощник», где есть ещё какие-то фрукты, а также то, что не смогли или забыли привезти другие капитаны.

Об оборотистых дельцах-товарищах, которые бы согревали свои загребущие длани и отстригали преференции от организации Северного завоза, а также о размере отката с поставок даже самым любознательным читателям не скажу ни слова. Ни от интеллигентных, ни от сиволапых северян ничего на этот счёт не слышал, а в газетах или по телевизору фамилий таких негодяев даже не встречал. Да и Назаров об этом ничего не сказывал. Наверное, откатчиков в те годы социологи и экономисты просто ещё не открыли миру как класс, либо их до глобального потепления ещё не существовало, а старушка-процентщица, как вы, очевидно, помните из классики, к тому времени уже трагически погибла.

ЕСЛИ НЕ ФОРДЫБАЧИТЬСЯ...

Но вернёмся к Морфлоту СССР. Для возведения и благоустройства развитого социализма все стройматериалы из его бездонных трюмов решительно вытаскивали строители и коммунальщики. А товары и продукты поглощали базы могущественного Смешторга. Это, конечно, не «смешной» или какой-нибудь забавный либо комичный торг. Это тот же Моспромторг и Моспродторг, только на краю земли и в едином лице. Лицо одно как перст, как некогда брошенная деревенским глупцом доярка, ставшая недоступной для са-

мых завидных женихов, теперь уже добивающихся её благосклонности и расположения, бизнес леди.

По советским понятиям в закромах смешанного торгового было всё. Дефициты «выбрасывались» мягко и деликатно перед государственными, трудовыми и революционными праздниками, а между ними – полки ломались от таких вещей, кульков и банок, что в центре и днём с огнём не сыскать. Нередко случалось наткнуться на штабеля из цветных телевизоров, завалы из сказочных босоножек, феерических плащей или прибалтийского трикотажа в самом захудалом сельмаге. Наезжающие с инспекциями товарищи обычно изумлялись, как правило, заявляли, что все мы здесь, конечно, зажрались. Сетовали на то, как тяжело в Москве они из-за нас страдают и бедствуют и покупали, покупали и покупали... Сегодня трудно представить себе, что чего-то в магазинах может не быть, но эти заметки о прошлой жизни.

А в Гудыме, этот посёлок я уже как-то вспоминал, был знаменитейший Военторг, который даже называть хочется только с большой буквы. А чтобы представить, как витрины и полки Военторга выглядели тридцать лет назад, надо сегодня лишь только заглянуть в хороший универсам. Молодёжи, конечно, всё равно не понять деревенской радости и ту-

земного восторга от одного лишь созерцания румынской обуви, немецких костюмов или глазированных сырков с московским штампом на обёртке. Напомню, что это Военторг, который даже со Смешторгом путать нельзя.

Поскольку над идеями о хранении овощей ни в одном из перечисленных торгов по большому счёту головы не ломали, а, может быть, попросту в головах начальников вещества отвечающего за хранение овощей было не так уж и много, то первоначально именно свежие овощи «скармливали» как военным, так и гражданским чукотцам. Может быть, даже указивка об овощах была, может быть, хранилища плохие были. Но вскоре потребительская корзина северян заполнялась квашеной капустой, солёными огурцами, консервированными помидорами и консервированной морковкой. Преднавигационную реализацию наполняли уже сушёная картошка, сушёный лук, сушёный чеснок, сушёная морковь... Случалось, когда в Провидение, допустим, забрасывали самолётом тонну свежей капусты, картошки или огурцов, но это за пределами правил – в числе исключений.

У советской торговли, конечно, имелась своя психология. Допустим, в детском садике пограничников к календарной весне детикам куховарили лишь то, что возможно состряпать из сушёных овощей и сухофруктов.

Свои бурёнки на пределе удожности поддерживали детсад неподдельным молоком, а тыловики авиаэскадрильи иногда баловали детишек зеленью из своей теплицы. А чтобы накормить детей свежими овощами или вручить по яблоку – нужен был праздник. И тогда, кстати, реально аргументировать и запланировать самолёт. Был случай, когда наш Ил-14 с военторгом так спешил порадовать женщин и детей перед праздником 8 марта, что даже промазал мимо уреликовской взлётно-посадочной полосы. Но мы живо припомнили авиационные баталии по спасению челюскинцев, аэроплан за ночь отрыли, а затем с помощью трактора шустренько перетащили со льда озера Эстихет в аэропорт так, что даже в местном Доме быта, в райкоме и РОВД об этом узнали только через неделю. Так что, по сути, обошлись практически без ЧП.

А вот ещё о товарах – хороших и разных. Внесло вас, к примеру, в сельскую лавку, а в секторе вашей любознательности тотчас очутилось два молотка. Вглядываетесь в эти ударные инструменты, а они-то идеально равные по своей убойности и наружности, хотя первый стоит 39 копеек, а вот второй – уже один рубль и четыре копейки. Понравился молоток в целом? Вопросов не задавайте, а сразу же:

– Девушка, дайте мне, пожалуйста, (здесь в штуках) молотков по 39 копеек.

Это вам не демпинг какой-то, не битва конкурентов за рынки сбыта. Полюбившийся вам молоток из прошлогоднего Северного завоза, цены на него уже никто не поменяет, и «торг здесь неуместен», если только продавщица по рассеянности не подсунет вам прибор тот, что лежит слева – за 1 руб. и 4 коп. И смелее шарьте по полкам, там могут ещё оказаться бигуди, иголки или пряжа, восхитительные прихватки для посуды или романтические пляжные тапочки из прошлого завоза. Рубля на полтора наберёте, а когда-нибудь в отпуск поедете – всю родню осчастливите.

Если только одним мазком о сфере обслуживания, то в Анадыре в основном для номенклатуры и по запискам от окружкома партии и окрисполкома шили очень качественные пыжиковые шапки. А в Провидении в Доме быта и всего лишь только по знакомству можно было заказать себе кожаное пальтишко либо «Аляску» с подстёжкой на меху «в ромбик» или «в квадратик». Для этого уже без протекции надлежало бы ещё забежать в соседний магазинчик и остановить свой выбор на одной из пасмурных кацавеек или душегреек. Её подкладка из ладно пристроченных друг к другу аквамариновых кусочков овчины имела разные фасоны. Мне больше приглянулись такие ромбики, какие когда-то у командиров Красной Армии были на петлицах.

А вот объёмы декалитров вина и водки в Госплане, как правило, рассчитывали непрофессионально, и эта продукция всегда «заканчивалась» внезапно и задолго до наступления следующей навигации. И тогда из аптек первоначально испарялись настойки, а затем уже из магазинов улетучивались одеколоны и духи, что по совокупности своей вкусовой гаммы и в целом называлось «духалоном». И даже импортный духалон был доступен не только аристократам и дегенератам, как это можно было истолковать из сообщения известного Лёлика неудачливому контрабандисту Миرونу по существу тогдашней жизни.

Однажды я наблюдал за молодой сельской красавицей. Тогда по чертам лица или узорам на кухлянке национальность определять ещё не научился, а она взяла себе флакончик французской туалетной воды и тут же его легонько пригубила. За углом сельмага пригубила уже окончательно. А вот когда из одеял, взгромождённых на санках, захныкал детеныш, то быстренько достала из-за пазухи бутылку и через сосочку заботливо подкормила его. Гүторили, что эта мамка из числа тех, кто здорово страдает лично, но для дитяти разбавленное винцо имеет всегда. А в тот раз ребёнок успокоился сразу и затих на полухныке.

Помню, как в гарнизонном клубе села Урелики выступал Евгений Евтушенко. Ещё год

назад 7 ноября он вёл репортаж с Красной площади, а затем в жуткой депрессии очередной праздник великой революции проводил именно у нас. Помню, как в машине по пути в гостиницу он нескончаемо удивлялся трёхлитровым банкам с суспензией из томатной пасты и резиновым перчаткам с пальцами враспырку сверху в окнах умелых провиденцев или провиденчан. Не думаю, что райком партии выставлял такие же банки в честь гостя. Скорее всего, как и пограничники, его угощали чем-то более привычным. Народ гостеприимный. Потом Евгений Александрович в «Литературной газете» вспоминал: «В бухте Провидения делают, на мой взгляд, лучшее в нашей стране пиво, не уступающее чешскому, <...> в прошлом году 7 ноября пограничный оркестр играл праздничные марши под аккомпанемент взрывающихся на подоконниках трёхлитровых банок бражки, от чего вздрагивали соседские берега США».

Действительно в то время северные берега Штатов и Чукотки вздрагивали в прямом смысле этого понятия от самого крепкого в новейшей истории 6-бального землетрясения. В переносном смысле эти берега вздрагивали куда чаще. Содрогались, когда Пётр I решил здесь приращивать новые земли, а сенат – «уговаривать (*аборигенов*. – **Г.Д.**) в подданство добровольно и ласкою». Дёрга-

лись, когда императрица Анна Иоановна воплотила в жизнь свой указ «О нечинении обид и притеснений ясачным людям...», а государыня Екатерина II объявила аборигенов российскими подданными (1.10.1779 г.) и на десятилетия освобождала от уплаты ясака, а майор Павлуцкий их беспощадно грабил и истреблял. Вздрагивали они и при Советах...

А вообще социалистическое правительство было не такое уж и глупое, завлекая свой советский народ на освоение советского Севера отличной зарплатой и достойным обеспечением. Оно нас даже в газетах не нервировало тем, что существуют какие-то ссуды и кредиты, что имеются какие-то лимиты и предоплаты. Тем, что кто-то сделал завоз, а с ним другой кто-то никак не расплачивается. Может быть, и правда пришло время вернуться к совковской истории, не фордыбачиться и не финтить с Северным завозом, не воскурять фимам околонаучным миграционным фантазиям о путях заселения Крайнего Севера, не устраивать истерики о том, что вскоре эти территории Россия потеряет, а как это не банально кажется, снова поманить людей рублём.

Скажите, что меня от прилавка занесло в политику? От халвы и семечек к царям? Да нет. Та же Екатерина II высказывалась: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать,

не говорено ли было уже о том при Петре Великом, – и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдуманно». Я не о Петре I, об исторической практике. Это только сейчас Дудинка, например, вместе с генеральным грузом получает килограммы героина. А в те годы анекдоты о торговле на Чукотке рассказывали только незлобивые и жизнеутверждающие. О Северном завозе их вообще не было.

Вы не поверите, но Моспромторг и Моспродторг вместе взятые завидовали Смешторгу...

СИРЕНИКИ

Между мысами Столетия и Зелёным, в окружении крутых кинжальных утесов и скал, напоминающих сторожевое воинство на привале, между подошвой огромной сопки, подавляющей своими габаритами и авторитетом высоты и коротким симпатичным галечным пляжем, наверное, уже тысячелетия стоит эскимосское село Сиреники – мир некрепких жилищ и сильных людей. По композиции природного ландшафта и пологой этажности плоскостей это место мне всегда напоминало черноморское побережье Крыма в районе Балаклавы. Для полного сходства не хватало лишь виноградников, лежаков с отдыхающими и парусиновых грибков над торговыми точками, которых, впрочем, здесь также не наблюдалось.

Эскимосское слово «сиг'ыных» то же, что мы с вами произнесли бы как «рога оленей». Поэтому рога оленей – это Сиреники, а в самих Сирениках тогда разводили в основном песцов, в то время как олени под руководством колхозных бригадиров и их семейств нагуливали в тундре жирок. В 80-х эскимосов и

чукчей в селе было немногим больше «приезжих русских», как на Чукотке называли представителей всех остальных наших социалистических республик.

Из Уреликов на вертолётке до села – десять минут полёта. Но если знать главные правила поведения в северных широтах, иметь ясную голову и обладать трезвым рассудком, то в Сиреники можно попасть и без железной стрекозы. Летом для начала нужно было переправиться на барже, плашкоуте или рейдовом катерке на другой берег бухты Провидения. У пограничников были свои катера в бухте Комсомольская или, как её ещё называли – в бухте Эмма. Это позволяло нам быть более свободными в выборе причальных твердынь, хотя этот выбор широким ассортиментом и не радовал. Понятно, что в зимнее время этот же кусочек пути требовалось преодолевать по льду. Дальнейший путь в Сиреники можно одолеть на вездеходе или на снегоходах, но лучше – в паре, и тогда при поломке железа – риск уменьшается в два раза. Но для аборигенов это пустыковый путь и на собаках, и на лыжах, и даже пешком. Каких-то 30-50 км, в зависимости от вида транспорта, времени года, количества груза и погоды конфигурация и протяжённость маршрута могла весьма заметно как удлинится, так и скукожиться.

В общем, этот рейд можно исполнить, гуляя и любуясь в одном случае самыми живописными, а в другом – самыми угрюмыми пейзажами, вслушиваясь в напряжённое дыхание тундры, вычитывая на снегу следы зверей и птиц, а летом – ещё и собирая грибы или опыльгын. Ягоды, значит. Но если зима, и намечается пурга, или вьюжит хоть чуток, то прерывистое дыхание тундры лучше слушать даже не на таком «детском» маршруте, а дома. Эскимос и чукча всё знает и всё умеет, а вот «приезжие русские», не взъщитесь за пикантные подробности, даже в отхожее место, чтобы не утратить ориентировку, нередко добирались, пристегнувшись карабином к лееру, тросу или канату. В случаях неоправданного героизма и наплевательского отношения к мерам безопасности даже на «сортирных» путях-дорогах в пурге терялись и гибли люди, не исключая пограничников.

В тот день, когда я увидел Сиреники впервые, местные жители после долгих поисков наконец-то обнаружили своего соплеменника-охотника, неделю как пропавшего в тундре. Всё это время милицейские и чекистские начальники, участковые, городовые и городничий не без участия пограничников накручивали головокружительные версии вплоть до вероятности его спланированного ухода на американский остров Святого Лаврентия в

поисках лучших условий жизни или со шпионской затеей и последующей изменой Родине. Условия жизни в Сирениках и правда были неважными, а вот продать себя можно было разве что за цифровые показатели, связанные с количеством песцов на звероферме или числом конвертов, купленных пограничниками в сельмаге. Но их земляк Родину не покинул, на охоте он примитивно переоценил свои силы, сорвался со скалы и погиб. Числился он в составе сезонной морзверобойной бригады, и по селу мгновенно загуляли пересуды, кто из числа кандидатов в добытчики теперь попадает на хорошую работу и крепкую зарплату. В те дни мне почему-то даже показалось, что этот вопрос больше взбудоражил местную общественность, чем собственно гибель их товарища и односельчанина. Тут же заштормили милиционерские следователи Аниськины: как выглядит очередь, кто её ведёт-утверждает, кто там числится в главных соискателях и кому это выгодно?.. Если есть закон гор, то есть и закон тундры. Попробуй разберись.

В национальных селах всегда как-то особому воспринимается смена природных декораций. Здешние декорации – это пурги и туманы, приход и уход льдов, невидимые, но хорошо ощущаемые тёплые и холодные ветры. Более радостные события связаны с при-

лётот птиц, появлением китов, лахтаков, нерп и моржей. Одни события наполняют жизнь красками, запахами и энергией, другие – сужают её прелести до четырёх стен и путешествия в сельмаг за новостями и хлебом. От этого и зависит: встретишь кого-то на улицах Сиреников или прошлёпаешь по селу от края до края в сопровождении недовольного бурчания и строгих взоров, внимательных и недоверчивых к чужим духам и запахам лохматых псов. Говорят, что когда-то и жить, и пурговать было проще – сидели вокруг жирника и сказки рассказывали друг другу. Потом появилась водка, и сказки стали забываться. Партбюро, правленье колхоза и сельсовет оказались бессильными. Тогда в Сирениках пили часто, много и профессионально.

Однажды возле колхозного штаба познакомился с охотником. Тот откликнулся приветливо, даже привстал. Потоптался, снова уселся на заснеженный древесно-рубериодный ящик и продолжил задуманное дело: спиливал мушку со ствола карабина, довольно ухмыляясь чему-то своему, потаённому. Угостил его «городской» сигаретой с фильтром, другую – дал про запас. Он снова встал, отложил дело, и мы пообщались.

– Зачем оружие портишь, – спросил безразличным тоном, чтобы максимально скрыть свою необразованность в стрелковом деле.

– Зверя целить мешает, стрелять мешает, видеть мешает, – ответил эмоционально и детально растолковал мне все секреты правильного прицеливания по стволу. В значении союза или вводного слова термин «однако» ни разу не употребил. На том и расстались, оставшись довольными итогами встречи. Он – тем, что меня научил, я – тем, что стал учёным.

Над Сирениками нависает угрюмая и неприятная с виду сопка, которая из села выглядит выше «неба». В дни, когда ключья облаков проплывают низко, сопка неожиданно «выглядывает» из густого свинца в рваные прорехи и проталины и кажется таинственным и злым монстром, готовым в любое мгновение раздавить село вместе с его беспомощными жителями-букашками. На самом деле на этой верхотуре, как тогда выражались, «сидели тропосферщики» – тропосферная радиорелейная станция, войсковая часть. Её «глаза» видели на пятьсот километров, и этому пограничники завидовали. К ним в гости я поднимался на вездеходе и понял, что это круто. В житейском отношении служба «тропарей», их и так называли, представилась на порядок тяжелее, а у нас – на порядок героичнее. Скажу правдиво и откровенно, для меня обратный спуск в Сиреники даже из невысокой кабины показался опасным, неприятно-жутким и неудобным приключением. Для них – это обыч-

ный ежедневный маршрут: офицерам – после дежурства домой, солдатам – за почтой или в магазин.

Невдалеке от села апофеоз войны с китами. Жуткое и неприятное место – кладбище китов – залежи их черепов, рёбер и хребтов. Это можно увидеть, но только один раз. Однажды в Сирениках оказался на празднике кита. Его действительно «привели» китобои, а затем вельботами подталкивали, а тракторами подтаскивали на «пляж», где долго и весело кромсали всем колхозом. Видел радостных, окровавленных и заляпанных жиром мальчишек и девчонок, а также их сосредоточенных и немногословных родителей. Было начальство из района, поэтому звучали очень правильные жизнеутверждающие речи по бумажкам, а потом – песни и пляски под звуки бубнов. Ветеринаров с синими печатями не наблюдалось, стерильностью и санитарией никто себе голову не забивал, исполинскую тушу постепенно растаскивали по домам и возвращались за новыми порциями. Шматы китового сала в руках детей напоминали мне школьные ранцы, а лица – дипломированных работников ножа и топора на романтиков с большой дороги никак не тянули. Всё это происходило как-то суетливо, с показушной неискренностью и с оглядкой на райкомовских и райисполкомовских начальников.

На Севере многие легенды включают в себя идею превращения человека в зверя или зверя – в человека. В радостный и праздничный для этих людей день я чувствовал себя нехорошо, как на публичной казни, может, и не родного, но достаточно близкого или хорошо знакомого человека. А в той внутриобщинной радости действительно существовало что-то не очень привычное и не такое уж и человеческое. Аж мурашки по коже ползали, хотя еды у аборигенов хватало и без кита, только водку продавали по спискам и нормам. Наверное, такое привиделось только мне. Всё.

ОКЕАНСКИЕ ПЕРЕХЛЁСТЫ

ЭКСКУРСИЯ В УЭЛЕН

Помню, что с капитаном Дамским летать слегка побаивались по причине его особой техники пилотирования. Пехоту он не то чтобы не любил, а, скорее, слегка презирал, считая цвет своих кровей соответствующим благородной голубизне лётчицкого мундира. Полетели на остров Ратманова на «мишке» или вертолёте Ми-8. Командир экипажа в тот раз воздушных ям, чтобы потешиться над пассажирами, не устраивал, «стрекозу на уборке тундры» чукчам не демонстрировал, в радиосети вёл себя цензурно и потому объяснительных о внезапно взбесившихся нисходящих и восходящих воздушных, магнитных или каких-нибудь геотермальных и околоземных потоках по факту совершённого полёта, вопреки обыкновению, не сочинял. Вертолёт был военный, на борту его были начальники в званиях повыше капитанских, а именно таких товарищей Серёга Дамской и предпочитал называть «пассажирами», как, например: «Штурман, тащи пассажиров, взлетаем!» В его исполнении подобные сло-

восочетания, как правило, имели изысканно-презрительное звучание, и мне всегда казалось, что в такие мгновения капитан был не просто доволен собою, а безумно счастлив и горд.

Поначалу невыразительное до обыденности пилотирование этого обычно хулиганистого капитана вызвало у пассажиров подозрения. Вскоре подозрения рассеялись, как с известных яблонь дым, поскольку за ближайшими сопками клубился густой туман. Таким образом, выяснилось, что метеоусловия на острове Ратманова «не пускали», экипаж об этом прекрасно знал, и у лётчиков, вероятно, уже проклёвывалась культурная программа на вечер. Таким бесцветным способом и без ущерба для наших вестибулярных аппаратов машина добралась до Лаврентия, приземлилась прямо перед носом затуманенной мути и в радостном ожидании отдыха своего экипажа притихла посреди центрального пустыря столицы Чукотского района, Чукотского национального округа, что был тогда приписан к Магаданской области.

Спустя пару денёчков шеф с помесью учтивости и безразличия выслушал мои впечатления о циклонических ужасах и нашей героической битве за север и решительно наказал рвать когти в Уэлен, где по ходу дальнейшего и ещё более полезного ратного труда активно

выжидать погоду, чтобы пробиваться на остров. Так я впервые оказался в самом восточном населённом пункте России – Уэлене, рядом с мысом Дежнёва, откуда в ясную погоду просматривался кусок Америки. Тот кусок, который когда-то был дикой окраиной Российской империи. Теперь окраина проходила уже через Уэлен. «Посёлок Уэлен расположен у мыса Дежнёва, – ещё в 1934 году сообщала газета «Правда», – всего населения в этом районе свыше 8 тысяч человек, из них 2571 чукчей береговых, 4359 чукчей кочевых, 1167 эскимосов и 129 европейцев». Спустя полвека столь мощного национального компонента здесь уже не ощущалось. А в тот раз всё наше время и труды ушли на разблокирование накопившихся на пограничной заставе производственных проблем, что в первую очередь требовало живого общения с наиболее авторитетным в сфере наших задач начальством посёлка. А именно: с котельщиками, сварщиками, токарем и другими наиболее заметными фигурами на небосклоне местного жилищно-коммунального хозяйства, хотя не обошлось без общения и с белыми воротничками сельсовета.

Из той экскурсии в Уэлен, а иначе поездку и не назовёшь, в памяти остался лишь примерный ассортимент сельмага и обрывки рассказов самых маститых местных советчиков, как

запустить размороженную систему отопления в заставской бане. А ещё рассказы сельсоветчиков и учителей о том, как работали в чрезвычайной тройке по спасению челюскинцев председатель их РИКа Натауге и уэленский начальник контрольно-пропускного пункта погранохраны ОГПУ Белобородов, как встречали и размещали в селе прославленных полярников. О самой надёжной на севере радиостанции «Уэлен». О победном финише лётчиков Леваневского и Слепнёва в Уэлене после их перелёта из Нью-Йорка. Об опасном для всех, но «сделанном» их земляками для челюскинцев практически прогулочным маршруте Уэлен – Ванкарем – мыс Шмидта, который многие уфологи в нынешнее время считают главной трассой НЛО на Чукотке. О собачьих упряжках, которых только в Уэлене мобилизовали под героев Арктики свыше 60. Учителя знали всё, и мне это понравилось больше всего.

Мне так и не удалось услышать тревожного голоса бубна под нарастающий гул прибора. В тот раз не были слышны ни радостные, ни жалобные крики птиц, ни ласковый всплеск волн, ни их свирепый грохот от ударов о прибрежные скалы. В тот раз просто была зима. А затем я вернулся в Провидение, поскольку чукотские боги погоду для Ратманова послать так и не сообразовали.

О ВЫСОТЕ МОРАЛИ И ЧИСТОТЕ ПРАВСТВЕННОСТИ

Спустя какое-то время начальники теперь уже целенаправленно направили меня в Уэлен для расследования, как это называлось, «причин нарушений социалистической морали и нравственности и выработки мер по недопущению происшедшего впредь». Всё по тем же погодным условиям знакомство с селом прихватило не менее двух недель. За это непродолжительное для Севера время я много чего увидел и запомнил. Например, то, что Уэлен от слова «увэлен» – «чёрная земля», что всем штормам назло село вытянулось в струну на незащитной косе, что люди поселились здесь ещё до нашей эры, что эта струна – часть берега Северного Ледовитого и Тихого океанов, который лишь на какие-то сантиметры высовывается здесь над поверхностью океанической стихии. Про океаны я высмотрел на карте, а по заснеженной косе, потому что снова была зима, походил самолично, невзирая на природные катаклизмы и личную занятость.

Запомнились разноцветные ледяные поля с преобладанием в своей гамме пятнистой голубизны и изумруда, затейливые торосы, изменяющие свой цвет в зависимости от времени суток и погоды. Морзвербои показались унылыми, может быть потому, что в прибреж-

ных делах у них что-то не заладилось, а там, куда они хотели пойти на охоту, было опасно из-за крошения льдов. Морзвербои неспешно бродили или ездили со своими потёртыми карабинами по прилегающим к посёлку ледяным полям в поисках добычи. Несколько раз, чтобы не навредить охотничьим делам, мы крадучись подбирались к ним и наблюдали, как они наблюдали за многоцветными и трёхмерными просторами, высматривая зверя. К тем охотникам, что были подальше от берега, к тем, что виднелись не яснее передвигающихся тёмных точек на этом светлом перламутрово-изумрудном чукотском холсте – мы не приближались. Мысли о сотне метров водной толщи, под которой даже океанское дно по причине своих разломов между плитами материков не вызвало никакого доверия, утоляли и приглушали любопытство, переводя его в плоскость теории. А теория говорила, что там, на льду и над бездной, нет ничего интересного и познавательного для нас.

У погранцов так принято, что любая прогулка вдоль океана – это уже пограничный наряд. И прогулку эту, хоть с автоматом в руке, хоть с сигаретой в зубах, следует запечатлеть в книге службы. Кроме того, выход на лёд это серьёзное нарушение мер безопасности. У надзирающих сразу тьма вопросов: «Куда и зачем ходил, что ты там делал? Какой тебя чёрт

понёс?» и всё такое прочее. Как ни крути, всё равно будешь в чём-то виноват. Далеко во льды мы не ходили ещё и по этой причине. Но вспоминается давно читанный эпизод из «Петербургских записок» Н.В.Гоголя. В 1836 году он писал: «У Чёрного моря безбородый, смуглый, с смолистыми усами казак, заряжая пищаль свою, поёт старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьёт острогой кита, затягивая песню». Точно помню, что тогда встречались на льду и эскимосы, и чукчи, и русские. Дружба народов – не просто слова. Считается, что морзверобойному промыслу чукчи научились у эскимосов. Имеется версия, что было это в те давние времена, когда в межплеменной войне за оленье стада чаша Виктории покачнулась в пользу коряков. Может, это и правда, но вот песен во время охоты во льдах, это уж точно помню, никто не исполнял. Ни в Уэлене, ни в Лаврентии, ни в Лорино. В этих широтах их когда-то пели, судя по сохранившимся дневникам, те же челюскинцы, освобождая из ледового плена всплывшие после гибели судна строительные материалы.

В ходе поисков истершейся в моей памяти цитаты классика, только для того чтобы вам её привести в точности, натолкнулся ещё и на «Записные книжки» Николая Васильевича.

Там Н.В. Гоголь пишет: «И одним цветом белым рисует зима. Бедный цвет, но... какая изобретательность... Эти роскошные завесы, снеговые глыбы, покрывающие от корней до верха большие и малые деревья; это множество жемчугу и брильянтов, сверкающих при свете солнца и луны; этот недвижимый, величественный вид растений, как будто выточенных из слоновой кости, это многозначительное безмолвие и тишина, этот полумрак днем и полусвет ночью». Может быть даже, что гений смеха готовил это наблюдение для второго тома «Мёртвых душ». На Чукотке мёртвые души – это разбросанные по небу разводы северного сияния. По чукотскому поверью, умершие или погибшие на охоте убывают в окрестности Полярной звезды и светят с высоты своего положения оставшимся на планете Земля. Деревьев, конечно, нет. Но именно такая, как и у Гоголя, жемчужно-бриллиантовая красота, будто выточенные из кости мамонта, моржа или кита сказочные изваяния на этом краю земли меня сопровождали постоянно, изменяя свою конфигурацию в зависимости от дня или ночи. Кстати, в Уэлене в те годы можно было комфортно посидеть на берегу океана, устроившись на позвонке кита. А можно было и поседеть, взирая на утлые лодчонки эскимосов, уклоняющиеся от ледяных исполинов или качающиеся с обманчивым спокойствием на

обманчиво тихой глади океана, накрытого одеялом зыби, сопоставимой по высоте разве что с этажами райкомов партии.

А ещё вспоминается неистовый ветер и колючий снег, легко пронизывающий своими острыми иглами неподъёмные армейские тулупы. Ездовые и не ездовые собаки, собаки-пенсионеры и вроде бы ничейные, но на самом деле строго чьи-то Шарики и Бобики с известной каждому уэленцу родословной в третьем колене. Они тоже запомнились. Как правило, крупные, свирепые на вид и чаще всего молчаливые. Идёт за тобой она (он) и молчит. Что у неё (него) на уме, никто не знает и не ведаёт. Хочется сразу же застегнуться на все пуговицы, а вот шевелить руками при ходьбе – не хочется, а то вдруг ещё не так поймаёт и укусит. Но визжать и лаять уэленские собаки, как оказалось, тоже умели мастерски. Особенно тогда, когда замечали, что кого-то из них собирался покормить хозяин.

Дежнёв странствовал в этих местах, пробирав себе путь из одного океана в другой, и по историческим понятиям это было сравнительно недавно. На мысу недалеко от Уэлена было когда-то небольшое Дежнёво. Не так чтобы село, а несколько яранг. Говорили, излюбленное место капитанов русских и американских шхун. Там всё было «баш на баш»: моржовый клык, китовый ус, олени, медве-

жь и песцовые шкуры – винчестеры, патроны, соль, бусы, косметички, кетчуп или что там ещё. Удобный берег, наверное, он и сейчас в летний период выручает уэленцев в качестве стартовой и посадочной площадки для сельского флота.

Памятник Дежнёву и крест видел, к своему сожалению, только из иллюминатора вертолёта. А ещё национальное село Инчоун – «обрезанный кончик носа» со знаменитым лежбищем моржей. А ещё развалины процветающего до 1958 года древнеэскимосского Наукана, некогда самого восточного посёлка СССР. Наукана, когда-то бескорыстно отдававшего свои силы для строительства взлётно-посадочной полосы для приёма ленд-лизовских самолётов из США, а затем, и уже не по своей воле, а по головотяпству властей, растворившего в белых снегах древнейший диалект эскимосского языка, оставшийся лишь в отдельных сказках и легендах.

Уэлен – родина ушедшего от нас в мир иной писателя Рытхэу, первого учителя Чукотки Татро, первого лётчика-чукчи и многих выдающихся мастеров-косторезов с известными во всех приличных музеях мира именами. Уэлен процветал. В тот раз я не смог увидеть брачных игрищ китов, птичьих базаров, древних могильников, туманов и штормов. Снова была зима и в этой колыбели, казалось, вечных сне-

гов, все древние мифы и легенды, загадки и тайны были наглухо прикрыты от постороннего глаза, несмотря на убедительно яркое северное сияние.

Помню только, что в тот раз где-то рядом с селом появлялся огромный белый Умка-медведь. В древние времена у аборигенов существовали правила, согласно которым, прежде чем убить медведя, следовало его «задобрить», «объяснить медведю», что это вынужденная мера, по ходу ритуальных действий попросить у него «прощения» за убийство, и тогда медвежий род не будет мстить за убийство. Медведя в посёлке все страшно боялись, но начальники из Лаврентия убивать его строго запрещали по причине его привилегированного положения или незнания начальниками аборигенных традиций. Тот умка был спокоен и уверен в себе. Может, знал, что под запретом, Красную книгу полистал и обнаглел по такой причине. Боялся он только собак.

Ещё помню, что в это время народ от мала до велика таскал из-под льда рыбёшку. Помню дух рыбы, которым был пропитан весь этот прибрежный мир.

В тот раз предметом моего изучения, как я уже и упоминал, было разбирательство по «нарушениям социалистической морали и нравственности». (Это я уже практически сам себя цитирую.) Прошло оно быстро и эффек-

тивно. Служили там пограничники из сибиряков с украинскими фамилиями, а в посёлке оказалось, что одна из девчушек внезапно засобиралась стать мамой. Произошло это, предположительно, не без участия очень дальних родственников Тараса Бульбы. Брехня такая по селу загуляла, и сигнал поступил... Ожидали «уа» и «уа» с мягким произношением, а глашатая с густыми чёрными бровями или с оселедцем за ухом. Да это и не важно, поскольку у аборигенов грешно представлять пол будущего ребёнка, мальчика или девочку можно только безмолвно желать.

Но ефрейтора вычислили. Тот наотрез отрицал тезис «переспать», но под нажимом инженеров человеческих душ сообщил, что «дело было». Без всякого там «спать и переспать», а накоротке. То есть никто и ни разу «спать» даже и не собирался. Так, зашли однажды в кочегарку, да и то ненадолго. В общем, насчёт «переспать» по содержанию неувязочка вышла, а вот с украинским корнем, по сути, увязалось. Гайдамака решительно перевели к другому месту службы, а начальнику заставы выговорешник за бесконтрольность залепили в приказе.

Думаю, что и сегодня нельзя однозначно ответить на вопрос, у кого мораль и нравственность была крепче? У тех, кого разогнали в разные стороны или тех, кто этот разгон ор-

ганизовал... Позднее нашёл, как строго писал Ленин Владимир Ильич по этому поводу, замечая, что для коммунистов «свобода любви» означает её свободу от материальных расчётов и забот, от собственнических и религиозных предрассудков, от запрета родителей, от узкой обстановки (крестьянской, или мещанской, или интеллигентно-буржуазной среды), от уз закона, суда и полиции....

Так что в данном случае всё было по-коммунистически, но в те дни я об этом ещё не знал.

КОГДА СТАЛКИВАЮТСЯ ТЕЧЕНИЯ

Ещё одна встреча с Уэленом произошла уже тогда, когда я на Чукотке стал практически своим. Во-первых, депутатом окружного Совета народных депутатов и председателем мандатной комиссии округа. А во-вторых, когда слава пришла даже в районных многотиражках в виде размытого на газетной бумаге и по этой причине невыразительного портрета, в котором, наверное, только я сам себя узнавал, перечитывая свои же яркие философские размышления о делах Советской Чукотки.

На Севере ведь время идёт медленно. День медленный, ночь длинная, олени спокойные, собаки скорость не превышают. Если и надо побегать, то разве что за песцом, соболем или росомхой, да и на тех капканы можно рас-

ставить. Скорость, конечно, нужна на морской охоте. Какая же нерпа или кит погибель свою ждать будет?

В то время газеты на чукотской периферии читали постепенно. Сначала рассматривали очень внимательно картинки. Затем обменивались мнениями об увиденном в них и возможном содержании там же написанного. Потом читали и обсуждали, насколько прогнозы совпали с настоящим содержанием, снова рассматривали и снова обсуждали. А если пурга, туман или циклон и почта в месяц раз? Тогда над газетой ещё поработать можно. Словом, портреты, видимо, запомнились, поскольку иногда даже совершенно незнакомые товарищи меня узнавали.

Летом в Уэлене хорошо. Как-то весело и многолюдно. Все куда-то спешат, что-то ремонтируют, что-то привозят и увозят, грузят и разгружают. Снуют совхозные судёнышки-вельботы. Жизнь кипит. Вода в проливе то голубая с белыми гребешками, то свинцовая от давящего на неё тумана. Тундра пятнисто-радостная усеяна на возвышенностях блестящими снежными звёздами и полумесяцами, искрятся нетающие снегом вершины сопок. Неугомонные птицы, галдящие на все голоса о своих текущих проблемах. Удивила сама коса, на которой растянулся Уэлен: совершенно беззащитная перед океаническими волнами,

легко перехлёстывающими её в дни освидрения океанов.

Тогда ещё удивили дети. Каникулы ведь, гуляй – не хочю. В школе обнаружил ребятишек: что-то шьют, клеят, вырезают. Прилежные, серьёзные, сосредоточенные, внимательные, даже не улыбаются. Поздоровались учтиво и снова склонили чернявые головёшки. Потом уже узнал от учителя, что те школьники, у которых в душе и в сердце есть искра, постигают премудрости и тайны живописи, резьбы по кости, шитья сувениров и т.д.

Я уже был опытным малым. Хоть и не заглядывал в мир предков, но уже не единожды в Эгвекиноте и в Майнапыльгино держал в руках и обнюхивал сушёные мухоморы, в Сирениках – бывал на празднике кита и едал китятину, в Лорино – печёнку из моржа и нерпы. Но вот копальку я по-настоящему впервые унюхал именно в Уэлене. Не знаю, как можно ею наслаждаться, но эта пища не для слабаков и чистоплюев, а дух её уж точно слабонервным будет не в масть. Для меня этот дух показался ужасным и страшным. Сейчас я уже не уверен в деталях, которые услышал в Уэлене, хотя кое-что в памяти сохранилось. На клочках воспоминаний запечатлелся такой рецепт. Наверное, не всё правда, потому, что рассказывали такие же, как я, «приезжие». Вроде бы выворачивают шкуру какого-нибудь мор-

ского зверя мехом вовнутрь и складывают туда сырое мясо моржа. Затем этот мешок укладывают в обычную яму, так называемую «мясную». Для верности, чтобы собаки не украли, сверху камнями или чем-то другим приваливают. Все эти немудрёные ингредиенты какое-то время киснут на солнышке, излучая неопишное амбре. Говорили, что зимой всё это можно порезать и получить изысканное лакомство. Ещё болтали, что эта еда кроме изумительного вкуса имеет огромную энергетическую силу. Слышал от людей, которые копальку никогда в жизни не пробовали, но знают, что после её употребления чукчи и эскимосы на снегоходах или на оленьих упряжках могут зимой свободно кататься почти что в майках или в футболках. Едва ли все эти детали истинно верны, но кто его знает...

После командировки рассказал о копальке супруге, а та в свою очередь поделилась заслуживающими доверия впечатлениями со знакомой чукчанкой.

– Ну, что вы, русские, понимаете в этом, Надя? Для меня копалька пахнет точно так, как для вас жареная картошечка, – заявила она с такой ностальгией и придыханием, которые могли бы свидетельствовать только об одном – эх, сейчас бы кусочек!

Как бы то ни было, а дух копальки в памяти остался, хотя анекдотов о чукчах даже на этот

счёт не было тогда и в помине. Ещё в Уэлене меня тогда деморализовали свалки. И казалось, что люди днём и ночью думали лишь о том, как бы навредить естеству. Груды бочек, каких-то полуистлевших агрегатов и остовов судов, ящиков и балок, свай и арматуры. Печальное зрелище. Но видел это я почти тридцать лет назад, и дай Бог, если хоть что-то изменилось.

И ещё неприятный осадок оставила непочётная цель очередного знакомства с Уэленом. Суть у неё простецкая как дважды два. Ну, о-о-ч-е-нь уважаемые командировочные товарищи посетили Уэлен. Из организаций со звучными адресами и уважаемыми реквизитами на бланках. Некоторые из них выменяли за жидкую валюту, как это и принято на Руси, что-то этакое приятное для памяти и продления воспоминаний об Уэлене у практикующих косторезов. Бутылки мгновенно обратились в пустую тару, один – налакался, другой – наклюкался, как это в жизни нередко бывает. И на работу эти художники или их подмастерья – не пошли. Следует ещё добавить, что кто-то из этих хитрюг с особым цинизмом сообщил своему начальству, что приезжие их обманули в цене. (Будто не сами с особым пристрастием канючили именно этот энциклопедический эквивалент рублю.) В общем, стало всё это притчей во языцех и в Лаврен-

тии гостей встретили молодые люди с маленькими звёздочками, но с большими полномочиями и возможностями... Без скандала, которым я по призыву партии впоследствии и занимался, здесь-таки не обошлось. По факту местные мастеровитые алкаши-доносчики выглядели жалко, высокопоставленные гости глупо, чукотские власти ничтожно, а я, вместе со своей дурацкой задачей доказать недоказуемость доказанного, мерзко.

3 ноября 1933 года, находясь всего в 35 км от Уэлена, О.Ю. Шмидт в радиোগрамме сообщил: «Челюскин» в Беринговом проливе, у мыса Дежнёва. Пролив забит льдом. Предстоит ещё много работы до окончательной победы». Тогда льды из двух океанов устроили в Беринговом проливе гигантский затор, фронт которого проходил именно здесь.

В период моей последней поездки через село снова проходил какой-то непустячный фронт столкновения социальных течений, связанных с плохим начальством и несправедливым распределением местных благ. Сегодня думаю, что в этом ничего необычного не было. Именно в тех местах, как я уже замечал, под многометровой толщей льда и морских пучин проходят тектонические разломы между материками. Именно там сталкиваются течения Северного Ледовитого и Тихого океанов. Умные люди не всегда столь умны, что-

бы просто жить, наслаждаться красотой голубых и изумрудных льдов, пасти сказочных оленей, ездить с преданными собаками по тундре.

Сегодня многие из тех учёных мужей, что тридцать лет назад писали учебники и читали лекции о социалистической морали и нравственности, считают, что *эта* академически правильная мораль, как и *эта* лишённая всяких недостатков нравственность вдрызг разрушили общечеловеческие нравственные нормы в советском обществе и сократили сферу морального долженствования, санкционировав право воровать, убивать, предавать родителей и прочее. Что напишут ещё через тридцать лет по этому поводу – не знаю.

Но пьяный чужак в валенках, в ушанке набекрень и с гармошкой под мышкой к северу всё же прирос, примёрз, прикипел, хотя медведя на цепь, чтобы тешить село, посадить и не смог. То, что припас на похмелье – у него всегда под рукой, потом ещё привезут. У него больше ничего нет, но он знает – где взять, и своё возьмет всегда.

КАК ЕЛЕНА СТАЛА ПРЕКРАСНОЙ

125 минут понадобилось 30-летней американской спортсменке Линн Кокс, чтобы вплавь преодолеть кратчайшее расстояние между СССР и США.
(Газета «Заря коммунизма», четверг, 13 августа 1987 года, № 97(5342). Орган Чукотского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов).

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ

На уютных берегах бухты Провидения пограничники чуть-чуть удивились и немножко взволновались. Удивились только потому, что женского пола шпион собрался вплавь пересечь Берингов пролив между островами Крузенштерна и Ратманова. Взволновались только потому, что «прорыв» границы со стороны США произойдёт в плановом порядке – 8 августа. Плыть будет не донская казачка, для которой остановить коня на скаку проще пареной репы. И не старшекурсница из центра подготовки боевых пловцов какого-то военного флота, что в горящую избу входит точно так же, как и на кухню. Барышня от них, Линн Кокс из Калифорнии, которая уже не раз проплыла лично вокруг мыса Доб-

рой Надежды, через Магелланов пролив, проливы Ла-Манша и Кука...

«Дело на особом контроле... Там!» – Владимир Тарасович глубокомысленно поднял вверх палец и посмотрел на него очень внимательно. Складывалось впечатление, что эту часть конечности он только сейчас обнаружил на своей натруженной командирской руке. Участники совещания сопровождали руководящий перст уважительным и серьезным взглядом. Наиболее опытные товарищи вздохнули театрально: выразительно, шумно и трагично. Молодые – склонили однообразно стриженные у сельской парикмахерши монополистки головы к тетрадкам. В воздухе повисли обречённость и ощущение того, что плыть между двумя океанами будет кто-то из участников совещания и назначат его сейчас...

8 августа, День физкультурника, у нас дело будет утром. Дистанция – 4 километра и 160 метров, через государственную границу по договору 1867 года о продаже Аляски, через границу часовых поясов, через международную линию смены дат. Поэтому... Поэтому у них всё не так, они наш день вчерашний. У них будет вечер, а на календаре будет – 7 августа. Империализм, и этим всё сказано...

В этот день страны и народы сблизят и объединят цифры на термометрах Чукотки и Аляски: вода – 7, а воздух 8 градусов.

«Нормально, Константин? Отлично, Григорий!» – говорил как-то один одессит по другому поводу. Люди приехали значительные: председатели спорткомитетов и райисполкомов, из райкомов и Госкомспорта, мастера искусств районного РДК.. Значительные лица прилетели накануне события, в день не то ясный, не то серый, в день цвета старых мундиров гарнизонных солдат, «...мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням», как замечал когда-то Н.В. Гоголь. И хотя значительные лица появились не в воскресенье, некоторые из них поздним вечером были «войском», уставшим и удивительно «мирным», потому что у них всё было.

Группа эскимосов из Анадыря, Чаплино и Провидения на острове Ратманова готовилась к радостной встрече со своими родственниками из Аляски. Предстоящая и очень приятная акция наших земляков взволновала крепко. Так крепко, что они всюду опаздывали, внезапно пропадали или неожиданно появлялись, как это умеют призраки очень известных замков.

Вскоре аборигенов заинтересовала палатка, предназначенная для международного ланча с бутербродами, конфетами, чаем и соками. Детей тундры многие годы тренировали и учили не ждать зверя, а догонять его. Суть палатки они «догнали» стремительно, и если об-

цепит от своих прямых обязанностей преступно отвлекался на фотосессии, то коренные люди советского Севера мгновенно оказывались там и решительно «сметали» со стола всё в общеизвестном понимании этого действия по значению «глагол». Налёты носили системный характер. Руководитель кормчих расстраивался. В адрес советских граждан он излагал всякие злобные и обидные слова, а подчинённым ему сотрудникам высказывал удивительные словосочетания своей личной озабоченности их уровнем профессионализма, после чего настольную красоту и дизайн восстанавливали специально обученные официантки.

Уже потом, когда советские и американские эскимосы исполнили песню «Полёт чайки против ветра», руководитель общепита частично их простил. Но, скорее всего, грехи аборигенов были списаны только тогда, когда из областной партийной газеты узнал он, что «на гортанные звуки выглянуло солнце из-за свинцовых туч, и не было границ восторгу и ликованию людей...».

ВСТРЕЧАЛИ ПО ОДЁЖКЕ

Из-за тумана о старте догадались по звуку взрывов и размытым сполохам петард где-то у них. Спортсменку сопровождали байдары, обтянутые кожей моржей, а на границе встреча-

ла советская лодка с мотором неизвестного происхождения «Судзуки», советским пограничником Владимиром Стариковым, группой из ЦТ и матросами – пограничниками.

Неожиданный трюк устроила семья моржей без гражданства. Быть может, на обшивке американских лодок животные заметили кожу кого-то из своих предков. Была и другая версия – они решили не допустить нарушения священной и неприкосновенной границы путём рассекания гигантскими бивнями и тушами морских волн в вызывающей близости от Линн.

Героизм проявил экипаж Старикова, бросив свою «грозную» резиновую посудину в гущу властелинов северных пучин. Моржи по-звериному дико испугались и исчезли с позором и паникой на усатых мордах. Тогда все подумали, что они забоялись незнакомого им рыка «Судзуки» или статного пограничника Старикова. Теперь всё известно. Лодка имела ярковыраженный цвет перманентной революции в Республике Украина. Моржи не были дальтоники, и боевая раскраска Майдана уже тогда им показалась весьма подозрительной, если не сказать опасной.

Следует заметить, что специалисты, привыкшие трое суток шагать и при этом не спать, достаточно умело изложили свою точку зрения на красно-белый купальник спортсменки. А

вот о шапочке что-то у них не заладилось. Во всех СМИ появилась меткая фраза одного из Творцов, которую переписали себе остальные Творцы: «Вот среди свинцовых волн мелькнула... шапочка». Внутри нетленной строки цвет шапочки забавно менялся от синего и бледно-голубого до жёлтого и полосатого. До национального флага США не хватало всего одной идеи о звёздах по количеству штатов, чему потом удивлялся даже малоизвестный боксёр из колымского прииска «Бурканья», один из участников событий, Александр Лебзяк, и чемпион мира. Среди юношей.

**«СЛОЙ ЖИРА ОЧЕНЬ
РОВНО ПОКРЫВАЕТ ЕЁ ТЕЛО»**

Драматизм наступил после финиша, когда температура спортсменки снизилась сначала до 35,3, а затем и до 33,6 градусов. Сто минут колдовали врач сборных команд Управления спортивной медицины Госкомспорта СССР Рита Захарова, британский медик Уильям Китинг и американец Йон Ниборн, приводя её в норму.

Пограничники в это время занимались своим обычным делом, но и для них эти сто минут оказались вечностью. Никто не знал, что происходит в палатке, но о Линн думали все, за неё переживали. На врачей молились, а изменения в ситуации по ходу развития собы-

тий на острове сообщались очень сложным и тернистым маршрутом в Госкомспорт СССР.

И когда улыбающаяся женщина отбросила полог и появилась в проёме палатки, один из воинов радостно воскликнул: «О, Ленка! И дышит!» Так названа она была впервые, а сказал он это, конечно, своему напарнику. Слово, которое не воробей, влетело в микрофон радиостанции, закреплённый у щеки автора, рядового Проценко из Донбасса. Дальше оно проскакало галопом по нашим необъятным просторам и вернулось из Москвы с вопросом: «Что случилось, почему не дышит?!» Напряжённость продолжалась недолго, но солдата чуть не наказали. Зато Линн стала Ленкой для всех, а обидная кличка «Коксиха», которую раньше придумали ей те же самые наследники «железного» Феликса, ушла в историю.

Известно, что журналисты в выдумках мастера. Вот и Елену постоянно подозревали в личной выгоде, в рекламе купальных аксессуаров, в желании прославиться и в других выгодных для нее задумках, хотя она лишь проверяла на себе возможности человека в условиях свеххолода.

Но чиновники у них ещё хуже наших журналистов. Спустя два десятилетия представляется, что о девушке её начальники отзывались грубо, заявляя, «что физические данные

спортсменки, особенности её сложения – равномерный кожно-жировой слой – вполне приемлемы для совершения уникального заплыва». Складывается впечатление, что янки примитивно подводили свою идею подчинённости эстетического начала и идеала в прекрасной половине человечества верховенству соображений грубой и прагматичной целесообразности бездушного механизма женского тела. Национальный тренер американцев Джо Коплин в интервью ТАСС сообщил ещё более цинично: «При росте 172 сантиметра Линн весит около 100 килограммов. Слой жира очень ровно покрывает её тело, помогая сохранить тепло внутри организма при самых сильных переохлаждениях».

Очень давно Даль писал, что «жиром» считать можно «...лишние затеи, на богатстве основанные». Если бы мы подозревали Елену в несметном богатстве и заплыве от скуки, то с американцами можно было бы не полемизировать. А «жирунья», по мнению того же Владимира Ивановича, это «хохотливая, весёлая, бойкая девка, которая любит шалить, возиться», и такое определение выводит на полемику. В эпоху Ренессанса монах Фиценцуола в трактате «О красоте женщин» отмечал, что телосложение дам «должно быть большое, прочное, но при этом благородных форм». Елена вполне соответствовала этому, а монах

в определении был тонок, заметив формы, а не их химический состав.

Ленку мы полюбили. Ни одному восемнадцатилетнему солдату-мальчишке не пришло в голову назвать её толстой или жирной. Запомнили её бледной, уставшей, счастливой и красивой, в лучах солнца, которое как бы вышло из-за туч «на гортанные звуки» аборигенов. А она вышла из палатки, чтобы лучше услышать эти звуки и увидеть солнце над страной Советов.

Тогда спонсором заплыва был директор исполнительного комитета Игр доброй воли 1990 года в Сиэтле Боб Уолш.

И на пути к Сочи есть немало новых дистанций. 8 августа 2007 года исполнилось 20-летие заплыва. Сегодня рекорд у Елены – 125 минут, и дистанция не изменилась – 4 километра и 160 метров. Через государственную границу, через границу часовых поясов и международную линию смены дат она может пройти из сегодняшнего дня в день вчерашний. Всё так же, только изменилось ещё одно имя. Имя страны.

НА ГРАНИЦЕ ИСТМАТА И ДИАМАТА

1. БЕЗ ПОБОЧНЫХ ЭФФЕКТОВ И С НИМИ

Бывает так, что на остров боязливо заходит лето. Если твой вестибулярный аппарат не барахлит, то морской путь до Ратманова выглядит беззаботным променадом вплоть до первой секунды с начала высадки из корабля. И вот, наконец, стоишь ты на семи ветрах, на чахленьком с виду и ненадёжном на ощупь трапе пограничного сторожевика под пресом переполненных состраданиями взоров чекистов из экипажа «фирмы-перевозчика» и с грустной обречённостью вглядываешься в свинцовую муть океана, размышляя: и зачем же я влез в это предприятие?.. И поджидаешь момента истины, мгновения, когда кажущаяся утлой, барахтающуюся где-то там, внизу, лодчонку поднимет на вершину волны. Именно такая диспозиция требуется, чтобы полёт – в оранжевый резиновый овал, напоминающий триста раз перезаклеенную камеру ЗИСа из рискованных рыболовных пацанячьих походов – в объятия матросов, выделяющихся на фоне моря своими крикливо-вызывающи-

ми оранжевыми спасательными жилетами, был нормальным. Т.е. тебе нужен полёт покороче, и не мешало бы ещё, чтобы он оказался поточнее. Чаще всего это удаётся, и не потому, что ты такой ловкий, а потому что матросики, несмотря на свою молодость, настоящие морские волчата с акулыими хватками. По содержанию страшновато о них здесь придумал, но по сути верно. Срок службы короток, поэтому их с первых дней службы приучают, как жить, чтобы выжить, как спасать, чтобы спасти, как искать, чтобы найти.

Через пару-тройку кабельтовых тебя ожидает ещё одно испытание, тебе предстоит ещё более отчаянный прыжок в состоянии полной неясности мыслей и перспектив – в железные объятия прихомученных канатами к сотоварищам и торчащим из подошвы острова кекурам ратмановцев, в руки самых смелых сухопутных погранцов. Всё это произойдёт тогда, когда лодка будет уже у подножья скал. Мотор многосильно отжимает лодку от берега, чтобы не излохматить зубастыми камнями её резиновые доспехи, а лить то внахлёт, то внатяжку. А для тебя всё те же оранжевые морячки, но теперь уже в дружбе с пехотой, заново вычисляют эксклюзивный апогей или перигей. И вот ты снова взмываешь соколом, почти что паришь, но пока ещё не в курсе: будет полёт над зыбью и рябью или позорно-це-

ремониальные водные процедуры. Да, я уже написал – лето ведь, поэтому вода уж точно не холоднее 5-7 градусов. Во второй вариации подвига валиться в море и барахтаться там для взбодрения духа совсем не обязательно. По цирковым штампам такой заплыв на грани «смертельного номера». Благородное окропление до последней нитки произойдёт по более простой методике: волна подло подкрадётся вослед за тобой, а затем с остервенением голодного коршуна бросится на твою спину так, что береги, брат, все свои конечности, и фас, и профиль. Сестре этого лучше не пробовать.

Что же остаётся в сухом и мокром остатке? В случае удачного десантирования с твоей души свалится тяжкий груз неуверенности в себе и в своих силах, твоё сердце под завязку заполнится скрытой гордостью за личную смелость и ловкость, но физиономия – доходчиво и убедительно покажет публике твоё полнейшее равнодушие к этому рискованному и отчаянному трюку. Любая патология полёта будет сопряжена с кратким испугом, а затем и с погребальной скорбью на лицах солдат (что мне будет: не поймал капитана, майора или другого слугу царя, отца солдатам, а тот лопухом оказался). После секундного замешательства глаза бойцов уже хохочут, а сердца поют: «Вот так растя-я-я-па!» На лицах же, как у

опытных театральных актёров – только печаль и скорбь.

Случается и другой вариант океанского финала. Как-то более двух суток простояли у подветренного берега Ратманова, но дать добро на высадку при сильном накате или принять решение на высадку, как говорят моряки, командир не рискнул, и мы возвратились на Лаврентия. Впрочем, такое бывает и с околосемными круизами. Вертушка легко проходит весь маршрут до острова Ратманова при прекрасной солнечной и тихой погоде, а над его пятнистой лысиной, будто бы зацепившись подтяжками, висит невесомое «облако в штанах». В его спину, словно новенькие стропила недостроенного коровника, упираются лучи солнца, где поначалу растворяются и тонут, а затем поочередно выскальзывают на зелёные разводы травы и светло-серые кляксы прошлогоднего снега в лике весёлых прыгающих зайчиков. Естественно, что первую часть такой картинки наблюдают вертолётчики, вторую – товарищи, которые подтянулись к «аэропорту», обозначенному на кривоватенькой площадке четырьмя флажками, с надеждой встретить друзей, почту и хлеб насущный.

В поле зрения Аляска и Чукотка, яркое солнце над головой, его застенчивое отражение на восточном берегу, загадочные полутени, ретуширующие в марево западные берега, сереб-

ряные разводы на сопках, прозрачный воздух вокруг, синь на небе и гладь на воде, а мы... возвращаемся обратно. Такие облачка-пушинки и их клише всегда выглядят очень мило, что им не мешает бесцеремонно ломать придуманные людьми планы. Хотя летом чаще всего планы здесь ломают дрянные и неприятные туманы, с которыми противно иметь хоть какие-то дела. Мокрые, промозглые, грязные, как обветшалые тряпки для мытья полов у дурных хозяек, как немые лохмы у бомжих с московской площади трёх вокзалов. Обычно непроницаемый туман подползает сворой бесформенных слизней медленно и молча, всё крепче и крепче цепляется за голову и плечи острова своими липкими присосками, а затем успокаивается и застывает здесь безобразными нагромождениями и бесформенными кучами на долгие дни, а то и недели.

С наибольшим вниманием на острове относятся к журналистам. Чтобы не напакостили... Эти весёлые и мобильные ребята цену себе всегда знают. Для них такая поездка – неплохая развлекуха. Весенние раскаты их оживлённости обычно громяхают ближе к маю, ко Дню пограничника, и с этим на острове давно свыклись. Погоду стократно оценят и переоценят, и не столько для того, чтобы те здесь ударно потрудились, а для того, чтобы побыстрее избавиться от их надоедливой любозна-

тельности. Поэтому журналисты здесь пробудут почти гарантированно – от часа до суток, чтобы с головой окунуться в дело, ухватить глубину проблемы, а затем и позабыть об этом моржовом угле родины до следующего мая. Тем не менее из разбитного, заносчивого и фамильярного всезнайки писчего племени, ежели подвернётся именно такой, здесь не поленятся подготовить учтивого и обходительного сельского интеллигента. Зарвавшегося репортёру, как правило, с клубнично-малиновой галантностью и неуловимой ухмылкой бойцы всего лишь зададут свой фирменный темп движения на маршруте, который очень быстро поставит клиента сначала на колени, а потом – и на четвереньки. А «сельским» интеллигент станет потому, что в нём пробудится горячее стремление при каждой малейшей возможности избавиться от грязищи на руках и брюках, не подозревая, что спина и затылок у него уже давно и качественно закамуфлированы под общий фон. Для этого маршрут выберут умело. Зато, в случае внезапно начавшейся войны, такой гость получит колоссальное преимущество с точки зрения маскировки на местности.

А пока музы очередного посланца творческого цеха традиционно закудрявятся вокруг Международной линии смены дат и вырубленных в скале 197 ступенек. По перемене дат

– не мудрствуя лукаво: «У них там вчера, а мы уже сегодня, и новый день шагает по планете», «Если бы я был *там*, то дело бы шло к ужину. А *здесь* я уже освежился ледяной и кристально чистой водой...» или сделал утреннюю физическую зарядку, или успел подумать о Родине. Да, ещё ступеньки. Здесь личные впечатления о том, как трудно побеждать вертикаль, потому что она не горизонталь и не диагональ, и даже практически не вертикаль, а «тропа мужества». Если уж на «пятёрку» постараться, то следует припомнить моржей, медведей, китов и основные виды птиц, которым отдых на острове или в его акватории приходится по душе. Нужно ещё сфотографироваться у пограничного столба с табличками, километрами и любимой газетой так, чтобы лица автора и газеты хорошо виделись на снимке. Затем упомянуть 2-3 реальные фамилии солдат, а также бросить парочку фраз о свежих впечатлениях ответственных за вкус рецепторов – насчёт каши (щей, салата, пирожков) или ещё чего-то с местными витаминами. Например, вместо чая – иван-чай, лично пробовал и теперь индийский (грузинский, краснодарский, цейлонский) никогда покупать не буду. Важно не забыть, сколько книжек (конвертов, авторучек, теннисных шариков или футболок с логотипом газеты) подарил заставе от редакции.

Репортаж получится чудненьким и ничуть не хуже прошлогодненького. В общем-то, точно таким же, как и тогда, хотя фамилии героев могут и поменяться, так ведь и автор уже другой. Но ратмановцы к прессе всегда терпимы и снисходительны, а камни и ступеньки любое давление пера выдерживают легко. Пусть гость даже нацарапает, что «Здесь был Петя», тем более что через неделю буквы срежет если не снег, то дождь, а автор всё равно на остров больше не попадёт.

II. ФИЛОСОФСКИЕ КАМНИ

Около двух веков отделяют нас от тех дней, когда знаменитый русский исследователь Мирского океана и его окрестностей О.Е. Коцебу, вглядываясь в камни, обрамляющие Берингов пролив, записал: «Это нагромождение страшных утёсов заставляет человека размышлять о великих превращениях, которые некогда здесь последовали, ибо вид и положение берегов рождают предположение, что Азия некогда была соединена с Америкой».

Здесь и правда, а в особенности на острове Ратманова, по-настоящему ощущаешь подлинное величие планеты Земля. Здесь сразу же думается о том, что под твоими ногами и вокруг тебя постоянно кипит, варится и зреет что-то новое, происходят процессы с неизвестным смыслом или скрывается, прячется, та-

ится нечто вечное и великое, однажды остановившееся, но в каждое мгновение готовое к тому, чтобы сорваться с этого беспокойного места и продолжить свой разрушительный либо созидательный путь по глубоко засекреченному от людишек маршруту.

Здесь невольно приходит мысль об Арктиде – таинственном континенте, который когда-то занимал место будто бы на краю Земли у Северного полюса, то ли у Гренландии или под Питером, а быть может, и здесь – на Чукотке. Версии об Арктиде и гиперборейцах, населявших её, ничуть не туманнее многочисленных утверждений и гипотез, построенных вокруг Атлантиды или Земли Санникова. Здесь почему-то верится именно в чукотскую прописку гиперборейцев. Но если это и не так? Тогда начинаешь доверять более простым теориям об ушедшем в морские пучины самом уязвимом звене во времена оны единого Евро-Азиатско-Американского конгломерата, моста, объединяющего три континента в суперматерик.

Море поднялось лишь на сто метров, а в его глубины погрузился этот нерукотворный мост вместе с платформой земной коры от Таймыра до севера Аляски, попутно прихватив ещё более двух тысяч километров суши, скалистых и болотистых просторов, простиравшихся к югу от Берингового пролива. Всё

это, по мнению учёных, случилось во времена мезозоя, до межконтинентальной «ссоры» и последовавшего далее «развода» тектонических плит Аляски и Чукотки, которые принято связывать с тогдашним глобальным похолоданием и особенностями строения земной коры. Стометровку человек способен преодолеть за 10-12 секунд. Сколько веков, а может быть, и тысячелетий потребовалось природе? Кто его знает, но все эти мысли здесь приходят в голову подсознательно – без слов, дат, цифр и размеров. Постоянно ощущаешь: здесь что-то было. И только потом, чуть глубже окунувшись в тему, прочтя научные фантазии о сценариях событий, начинаешь понимать – чего-то необычного здесь просто не могло не быть. Такая вот здесь наваливается философия, исторический и диалектический материализмы пространства во времени.

Остров Ратманова – это гора камней в скальном едином целом и в приложениях россыпью. Посредине Берингового пролива, открытие которого связывают с Дежнёвым и Берингом, хотя ещё в XVI веке он уже фигурировал под именем Анианского пролива. Остров напоминает огромную престарелую черепашу, застывшую в глубоком раздумье: ползти ли в Америку или повернуть в Азию? Вокруг её брони – завалы беспокойных камней, научившихся бойко высовывать свои понурые мор-

ды и гладкие затылки между дёргаными или монотонными набегами волн. Чаще всего морды острые, реже – полированные и облизанные, а на общей палитре, кажущейся ретроспективной – серые и пятнистые, красные, даже веснушчатые и конопатые в переливающуюся различными цветами радуги крапинку. Некоторые из них – замшево-зеленющие или чёрные, как почитаемый в этих краях ворон – Кутх. Отдельные камни с явно выраженным отпечатком окаменевшей тревоги. (Простите за такую придумку, но ведь и не скажешь же, что камень в одревеневшей тревоге?) Правда, тревогу ещё можно окрестить оцепеневшей. Важно, что её состояние имеет свою причину. Камни в мучительном ожидании, во внутреннем предчувствии того, что рано или поздно, но неизбежно многие из них будут слизаны штормами в океан, оторваны льдами или снежными лавинами от берега и повержены в глубины на ту стометровку, о которой вы уже в курсе. Каждый из камней ждёт своего часа, и надо сказать, что стихия не отказывает себе в удовольствии поупражняться в этих тяжелоатлетических забавах и в период своего очередного шабаша во мгле, мороси или тумане определить очередного жертвенного барана. А потом играючи утопить его без суда и следствия и тем самым привнести новизну в путаные зигзаги береговой черты. А сопро-

вождающий это криминальное деяние ветер продолжает яростно вдавливать в содрогающиеся берега тяжёлые свинцовые волны, а те в последнем броске, словно бы наслаждаясь предсмертной свободой, перехватывают эстафету дерзкой и необузданной силы, пытаюсь уже от своего имени втемяшить безмолвным скалам – кто здесь хозяин. Здесь мне часто приходила мысль, что на Ратманова Айвазовский мог бы обрести ещё более блистательную славу художника-мариниста. Эти скалы и камни в изобразительное искусство ещё не попали, но в жизни свою нишу заняли, хотя среди них нет равного по известности волжскому утёсу, что, как вы помните, в песенной легенде «диким мохом оброс». Но это уже по другой причине – на Ратманова мох долго не живёт.

У Ледовитого и Тихого океанов своя свадьба. Они постоянно состязаются в своей всеокрушающей силе и злобе. Никогда не подумаешь, что соревнование проходит по каким-то наставлениям и договорённостям. Это бои без правил. Как только ожесточение океанов иссякает и белая размазня по волнам фокусируется в валы, а затем в гребни и гребешки – опускается непроглядный туман, будто бы только для того, чтобы скрыть от чужих глаз временную нетрудоспособность или обманчивую немощь соперничающих атлетов.

В вечно цветущей и благоухающей тутошной розе ветров северные лепестки нагло теснят своих более деликатных западных, восточных и южных родственников и бесцеремонно выпихивают их на окраины бутона. Всё это хорошо ощущается вслед за тем, когда, строго придерживаясь курса в южные широты, мимо острова уже прошли эскадры китов. За ними, как бы потеряв всякий страх и почувяв ничейность плацдарма, начинают толпиться многомерные мелкокалиберные судёнышки айсбергов, чтобы застолбить освободившуюся от китов акваторию и поскорее устроить «революцию» со свержением власти 9-балльных штормов и провозглашением правительства 10-балльных льдов. Но до этого ещё пройдёт кое-какое время, до этого ещё в небесах заискрится северное сияние, которое как раз и просигнализирует – ждите, зима уже проснулась, удобно устроилась в расписных санях, а лошади переходят с шага на рысь.

Зимнюю битву стихий, когда океаны облачаются в ледяные панцири, чаще всего окутывает непроницаемая пурга или позёмка. Зимой нередко продолжается тот же беспощадный турнир, с теми же физическими расправами вплоть до ломки хребтов и конечностей. В турнирные дни и ночи слышен сухой треск и звон льда, его глухой рокот, стон, плач и рёв, что за снежной пеленой не скроешь. В эти ча-

сы титаны с купеческим размахом и с не поддающейся каким-либо измерениям энергией щедро раздают друг другу оплеухи в многобалльной ледяной горизонтали.

В такие часы невольно вспоминалась придуманная С.Туликовым и М.Пляцковским «полосочка ничейной тишины», которая, судя по тексту песни, тянется над островом Ратманова. Полосочки здесь, конечно, нет, а ничейного в разделённом границами мире не бывает. Но это не столь важно. Интересно, как они на острове запеленговали тишину, как выхватили её среди грохота прибоя, среди победного и в то же самое время предсмертного рёва полей с вмёрзшимися в них айсбергами, как они выдернули эту тишину из вытья ветродуя, как обнаружили её среди птичьего галдежа?.. Впрочем, Туликов здесь не виноват. Слова придумал поэт, а для него главное – художественный образ и результат. Результат – полновесная страничка среди фоток, цитат и обязательных хитов в дембельских альбомах, что является верным индикатором признания.

Но это отступление, а продолжение в том, что на Ратманова ты снова и снова задумываешься: на этом острове устоявшиеся представления о природе подвержены воздействию неведомой внешней энергии, скрытой и тайной, нарушающей внутренние представления о ней и сокрушающей казавшиеся ещё вчера

несокрушимыми и незыблемыми знания. Здесь вместо фотографического глянца и лоска в отражение окружающей действительности неизменно вползают контуры причудливых химер, к которым на протяжении их жизни так и не прикоснулись генетики, биологи, геологи, метеорологи, инструменты камнетёсов, руки скульпторов или кисти художников. Исподволь всё это пробуждает внутренние сомнения в собственных познаниях и недоверие ко всем ранее сложившимся представлениям об окружающем мире.

Считается, что философский камень первым придумал египтянин Гермес Трисмегист. Он же рассказал человечеству о том, что из этого камня образуется золото, серебро, ртуть, свинец, медь, олово и железо, которые его обладателю дают бессмертие, вечную молодость и знания. Позднее главным теоретиком среди алхимиков стал Платон, который утверждал, что из этого же волшебства произошли огонь, вода, воздух и земля, а Аристотель добавил к набору пятую сущность – квинтэссенцию. Вода, воздух и земля на острове Ратманова имеются. В своё время здесь было много огня у эскимосов, наследников ранней древнеберингоморской культуры, идентифицирующих себя с понятиями «юк» – человек или «юпик» – настоящий человек. Всё это было когда-то, а сейчас это уже история в

хаотичных осколках научных исследований и ностальгических пересказах чаевничающих в полумраках яранг и клубов дымов абorigенов. Здесь огонь остался лишь у пограничников – в топке бани, в цилиндрах дизелей и снегоходов, в зажигалках тех, кто в курении находит больше пользы, чем в традиционно презираемой солдатами перловке «дробь 16».

А местные камни хоть и не столь прославлены, но к философским размышлениям подталкивают. Здешний ветер научился подхватывать крыльями всё: от снежинки – до человека, от зловещего волнисто-холмистого облака – до безобидного булыжника, который ещё вчера лежал себе в сторонке и никого не трогал, а уже сегодня оказался камнем преткновения, т.е. в прямолинейном понятии – очувтившимся каким-то странным образом посреди натоптанной тропы. Здесь слова и строки эскимоски Татьяны Ачиргиной воспринимаются, правдой жизни без прикрас: «Снегов полёт горизонтален, / горизонтален ветра бег, / им дерзко противопоставлен / вперёд идущий человек!» Путь здешних камней за отдельными исключениями вертикален со стрелочкой вниз. В числе «идуших» здесь остались одни лишь пограничники, которые под удушающим давлением ветра с порывами за 30 м/сек, под копьями и саблями режущего и

колющего снега – столбенеют, деревенеют или дубеют, что, как вам известно, одно и то же. Но они не падают на колени, а продолжают свой путь вперёд, чтобы выполнить ту или иную задачу. Они отчетливо понимают, что на острове слова на ветер бросать не стоит, а за свои поступки надо всегда отвечать сполна, что за каждым словом всегда должно следовать дело, чтобы, не дай Бог, не оказаться в глазах товарищей болтуном или слабаком. Потому что где-то – таких не берут в космонавты, а здесь – с такими не захотят идти в пограничный наряд. Кстати сказать, встретите когда-нибудь в Домодедово дембеля с Анадырского рейса – спросите, где служил и он скажет: «На Ратманова». Другие адреса у дембелей не в почете, разве ещё кто-то придумает себе остров Врангеля. Но это не для того, чтобы нагло соврать, а так, для связки слов. Отцепись, мол, пиджак любознательный, мы лёгких путей не выбираем, Ратманова, и этим всё сказано, а мне ещё добираться до родной деревни, куда по известной российской причине автобус будет тащиться медленнее нашего кита.

III. КВИНТЭССЕНЦИЯ ЖИЗНИ

На Ратманова много опасностей. Некоторые из них обычно таятся во всяких горных породах, твёрдых, нековких и не распускающихся в воде в виде отдельного куска или массы, что,

как вы понимаете, является камнями. Спуск к лежбищу моржей – один из примеров. С одного куска – на другой, с массы – на массу габаритами с приличную московскую квартиру или продмаг шаговой доступности. Такие же нековкие монстры встречаются и на чуть приподнятом плато – «крыше», как островитяне когда-то обозвали макушку охраняемой тверди. Крышу крышей бойцы называют и сегодня, а «не бойцы» на Ратманова не водятся. «Не бойцы» здесь бывают так же редко, как и свежие овощи у заставского повара. По большому счёту, крыша – все 10 квадратных километров площади острова, куда раньше садились даже самолёты до тех пор, пока один из них так и остался здесь насовсем. А угрозу таит в себе даже обычная щебёнка, если вам известно, что это такое. Только и гляди, чтобы неосторожным шагом не устроить камнепад, сметающий на своём пути птичьи гнёзда, чахлую растительность, а то и человека, оказавшегося под обрывом в нехорошую минуту. Говорят, что судьба – это стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека. Остров – это испытательный полигон людских судеб, ибо здешние обстоятельства исторически сплетались в тугие и неподвластные людям узлы, перерастающие иногда в неотвратимую неизбежность.

Мне кажется, что квинтэссенция острова, если по Аристотелю, – тончайший элемент

основной сущности, как раз в людях. Здесь многие камни обагрены человеческой кровью. Вначале это была кровь эскимосов, которые выстояли в бесчисленных батальных против скооперировавшихся вместе индейцев Малого Диомида и мыса Принца Уэльского. Сегодня можно лишь представлять себе, сколько было этой крови, но ясно одно – она была от стрел, копий с наконечниками стреловидной обоюдоострой формы, а может быть, в те минуты, когда «боеприпасы» были уже на исходе, и от ударов поворотных гарпунов с отделяющимися костяными наконечниками. Ведь известно – когда вопрос жизни и смерти становится ребром – в дело идёт всё, что попадает под руку. Эскимосы не могли не гибнуть и от стихии, даже несмотря на свою приспособленность к Северу и осторожность в общении с природой. Это предположение, в основе которого всё те же штормы и скалы, осыпи, снежные заносы и лавины. Другое предположение можно уверенно связывать с медвежьими лапами и клыками, но это уже не собственно необузданная природа, а издержки в её активном и объективном познании.

Штормовые ветры, беспощадные волны и снежные лавины не раз намертво заключали в свои объятия, зачастую в вечные объятия, витязей границы отчизны. Пограничники «пришли» на остров в 1941 году, подняли флаг и

приступили к работе. Уже в 1942 году злые духи определили первую жертву – сорвали со скалы и до самой последней группы инвалидности искалечили политрука Козлова. Других фамилий хватит на приличный обелиск: сержант Демишев погиб от переохлаждения, младшего сержанта Азарёнова сорвало ветром и блином распластало на скалах, рядового Руднева смело лавиной в океан и унесло в безвестность и т.д. Причины «зарыты» в климате и рельефе, хотя результаты ЧП всегда валили на личную неосторожность и нарушения мер безопасности.

На острове тривиально не существует точек и площадей *без опасности*, ибо вся его территория является квинтэссенцией *опасностей*. После одного из ЧП вырубили в скале ступени, после другого – натянули леер, чтобы можно было пристегнуться и спастись от свободного полёта над скалами, после третьего – соорудили противолавинные ловушки и постоянно, постоянно, постоянно размечали маршруты, ставили ориентиры, строили обогревательные точки.... Но всего не предусмотреть. Остров – это квинтэссенция большой крови, солёного пота и слёз утрат, а мальчишки ещё и шутят. Говорят со ссылкой на кого-то из бывших гостей, что в Берингийских краях вымерли даже многотонные мамонты и носороги с полутораметровыми рогами на носу, а

они ведь ещё живут!? И это правда. Гранит торчит на каждом шагу, тут же проходит и граница, как рубеж между возможным и невозможным. Гранит и граница.... Между ступком опасностей и безопасностью, которую полномочные на то люди, выдавшие остров лишь на фотографиях, именем своих должностных прав когда-то засунули в инструкции, которые не нарушать так же невозможно, как и не дышать во время обеда или по пятницам. Прочтешь такую инструкцию и сразу поймешь – ты виноват уже в том, что приехал на остров.

Был случай, когда наших офицеров и солдат спасали мамы ратмановцев. На подступах к островной «крыше» в битве с морозом и внезапно взбесившейся пургой потерпел поражение и рухнул в январскую тундру «Ми-8». Пограничники выстояли всем смертям назло. Сделали снежные норы, содрали с разбитой машины и сожгли всё, что могло гореть.... А среди груза, предназначенного ратмановцам, обнаружили несколько посылок. В каждую из них солдатские матери, будто бы сговорившись, пристроили для своих сыночков шерстяные носки, сало, чеснок, печенье и конфеты. Спустя трое суток в непрекращающейся пурге терпящих бедствие обнаружил и вытаскивал из плена Герой Советского Союза вертолётчик Фарит Шагалеев. Сожалею, что не сохранились те уникальные «Акты вскрытия

почтовых отправок», свидетельства честности и порядочности наших людей. Тогда среди белого безмолвия и призрачных надежд на спасение мой заместитель Саша Воронцов, замерзающий и измятый при падении машины, сочинял эти почти фронтовые документы, а его коллеги по несчастью скрепляли их своими подписями. Уже после завершения спасательной операции мы собирали деньги, строго руководствуясь содержанием актов, покупали продукты и вещи, наши жёны приносили и добавляли свои подарки, комплектовали новые посылки этим же солдатам-ратмановцам, сочиняли и отправляли наши извинения за самоуправство и благодарности за помощь их мамам в Донецк, Омск и Новосибирск. Но это уже другая тема...

Мне осталось рассказать вам лишь о воде. Весной на Ратманова можно наблюдать «Ниагару». Представьте себе длиннющую верхнюю линию островного плато, через которую сплошным потоком течёт талая вода, искрится и играет на солнце, соединяясь прозрачной стеной с поверхностью океана. Трудно сообразить? Тогда поставьте кастрюлю под кран, а затем откройте воду на всю катушку, и пусть она течёт, невзирая на объём посуды. Это и будет Ниагара по-ратмановски, где кастрюля – остров, правда водопад у вас получится без подлинных звуков, запахов

и красок, что, естественно, скажется на полноте ваших впечатлений. На острове имеется и стационарный источник живительной влаги, вроде бы как нормальной питьевой воды – речушка типа ручья, сбегаящая в океан между скалами как раз мимо заставы. Зимой ручей типа речонки замерзает, и тогда у островитян появляется ещё одно развлечение, которое безо всякой принудилочки повторяется изо дня в день. Чтобы тело и душа были молоды и, невзирая на погоду, т.е. ежедневно, снег трамбуют в бочки-таялки и таким образом добывают воду для приготовления пищи и умывания. А ближе к лету речушка снова оживает, к ней примыкают щедрые потоки талых вод, и по её руслу и каменистым берегам открывается очередной культурный слой из прежней жизни эскимосов – россыпи каменных наконечников, скребков и ножей, неизвестные ритуальные штучки, каменные жирники-плошки, костяные иголки, металлические части огнестрельного оружия с читаемыми датами и местами их изготовления. Эскимосы всегда селились так, чтобы было удобно наблюдать за передвижением морского зверя – на высунувшейся далеко в море косе или на защищённой от бурь и выюг высотке. Когда-то на месте заставы было одно из двух островных стойбищ эскимосов – Аюклик. Здесь жили охотники, рыбаки и вои-

ны. Так что пограничники тоже не дураки – знают, где селиться.

Солдатики все попутные и случайные находки сначала тщательно изучают, всесторонне обсуждают варианты их возможного предназначения в прошлой жизни, а затем честно приносят на заставу и отдают начальству. Здесь бытует поверье, что предметы и амулеты чужой религии и культуры иноверцу могут принести беду. Наверное, когда-то эту эффективную идею выдвинули замполиты, а может, так оно и есть. Ведь эскимосы практически не подверглись христианизации. Они всегда верили в силу духов одушевленных или неодушевленных предметов, природы, направлений ветра, в родственную связь человека с естественным или с конкретным животным. У них и сейчас существуют свои представления о создателе мира, творце и хозяине вселенной, который следит за соблюдением обычаев предков, о злых духах, которые за различные провинности либо по причине врождённой вредности насылают на них всяческие неудачи, болезни и несчастья.

Среди эскимосов всегда был авторитетный арбитр между духами и людьми – шаман. Им мог стать лишь тот, кто услышал голос духа-помощника, кто наедине встретился с духами и заключил с ними союз о посредничестве. Затем посредников изгнали и уничтожили.

Может быть, и поэтому в 1943 году местные эскимосы, когда узнали о предстоящем переводе любившегося им начальника пограничной заставы к новому месту службы, придумали написать постановление правления колхоза: «Запретить товарищу Шишкину покидать остров...». Духи на острове где-то притаились и выжили, начальники заменились десятки раз, а посредников теперь уже нет. Правда, заявляется ещё в эти места демиург и трикстер чёрный Кутх, то ли для того, чтобы напомнить всем о себе, творце и создателе, то ли в очередной раз реализовать свои непредсказуемые идеи и страсти, выходящие далеко за рамки общепринятых правил и норм человеческой морали.

На Чукотке аборигены говорят: «Я раньше тебя увидел солнце», имея в виду, я старше тебя, я мудрее и опытнее тебя. Взрослее всех на острове остаётся начальник заставы, независимо от его возраста, а его воины встречают Солнце нового дня и правда раньше всех и не только в России, но и на планете. Витус Беринг нашёл этот остров в океане 280 лет тому назад. Проект тоннеля через пролив в начале XX века впервые одобрил Николай II с подачи премьер-министра С.Витте. Сейчас об этом проекте снова заговорили. На Ратманова или на соседнем американском острове Крузенштерна, конечно, можно сделать аварийный

выход из тоннеля, смотровую площадку для туристов или казино. Но зачем всё это, если цена вопроса вместе с инфраструктурой сопоставима с бюджетом страны? Библейский закон гласит: «Время разбрасывать камни и время собирать камни», т.е. всякому делу свой черёд. Кажется, что на Ратманова время для сбора камней ещё не наступило. Да и наступит ли?

Существует то ли обоснованная, то ли околону научная версия, что Аляска с Чукоткой в будущем могут вполне соединиться новым мостом суши. Вопрос лишь в том, как долго продлится этот процесс единения. Если моря отступят, то возродятся леса, а люди и звери вновь проследуют теперь уже мимо горы Ратманова, чтобы восстановить утраченные тысячелетиями ранее связи и отношения между континентами. Другие утверждают, что последняя трансгрессия морей Берингии менее чем за тысячу лет привела их воды к горе Дионисия в окрестностях Анадыря, а потому наступление не закончено. Так что всё может быть, но во всех этих версиях, как и во всей островной жизни, пока ещё больше тумана. Какое место в этих событиях займёт человечество? Этого не знает никто. «Мир рухнет, да и чёрт с ним, вот только культуру жалко», – писал Толстой. Культура первых покорителей острова – эскимосов – однажды уже рухнула,

хотя в тот раз мир устоял. Кто в этот раз окажется под камнями или водой? Трудно сказать.

Да, мне, видимо, следовало бы ещё удариться в размышления, связанные с бдительностью, смелостью, мужеством и самоотверженностью наших пацанов-ратмановцев. Но надо ли это? У погранцов характеристики оформляются влёт. У них сачок становится шлангом, ябеда – стукачём, копуша – тормозом, скупердяй – жмотом, слабак – медузой. Но если кому-то определили место службы – остров Ратманова, то его личная высота уже взята, а полёт проходит нормально и уже над планкой возможного. Главное – сохранить кредит доверия до конца службы. В чукотских сказаниях есть такое выражение: «Сильнее тот, кому нельзя отомстить». А чем отомстить природе, которая, может быть, и ненамного сильнее?.. Поэтому на острове о мужестве не вспоминают и не говорят, потому что мужество здесь неизбежно сопровождает каждого человека, каждый прожитый день, каждый сделанный шаг. Да и думать об этом некогда – у парней всегда полно работы.

ЧУКОТСКИЙ АВТОБАН

ДЛЯ КРАСНОГО СЛОВЦА

Любой чукотский школьник уверенно укажет вам на ту сторону горизонта, где прячется арктическая макушка земли. Любой здешний житель вас будет убеждать, что больше всего на 1 погонный километр пути как небылиц, так и подлинных историй приходится на Иульгинскую трассу. Это единственный Чукотский «автобан» – дорога между двумя океанами от Эгвекинота сквозь небогатые на градостроительные идеи, редкие и малолюдные пятячки обитания человека с транзитно-геологическими именами, раздвинувшая значки, вехи и сопки с приметами деловой топонимики, свидетельствующей о некогда богатой событиями жизни поисковых партий и трудовых колоний и доползшая к залежам полиметаллических руд. «Автобан» – это я так, употребил лишь для красного словца. Европейцам, взглянувшим хотя бы одним глазом на эту магистраль, красное словцо умом не понять, да и азиатский сервис ярдами не измерить, но проехать по ней – можно.

Трасса тянется от живописного фьорда, названного корифеями арктических просторов

В.И. Берингом и А.И. Чириковым в честь праздника Святого Животворящего Креста, к оловянным горам, а дальше – в сторону мыса Северного, ставшего после челюскинской эпопеи мысом Шмидта. А если вам вдруг захочется к разбросанным по тундре вдоль промёрзлых берегов Северного Ледовитого океана кладовым золотом, другого на вкус и цвет вольфрама и молибдена, или, скажем, уран срочно потребовался, то добирайтесь уже не по дорогам, а по пунктирам собственного воображения. Можно с Певека рискнуть или по легендарному Колымскому тракту пронестись с ветерком. Но тракт – это уже другая география, что не есть Чукотка. На Чукотке направлений изобилие, а дорога одна. Это своего рода устремлённый на север местный Транссиб.

Эгвекинот – начало пыльной или заснеженной (когда как) магистрали, ступок энергии работающих и умных людей, место старта в таинственные уголки ещё более Крайнего Севера. Посёлок сооружен руками рабочих и инженерно-технического персонала треста «Дальстрой». Трест был образован как раз «для дорожного и промышленного строительства» на территории более трёх миллионов квадратных километров со столицей в Магадане. Правда, столичный статус Магадана не признают ни Хабаровск, ни Владивосток. Всё это

понятно, как сравнение размаха праздничных мероприятий в столице Бразилии и карнавалов шествий в лишённом столичного статуса Рио-де-Жанейро. Как бы там ни было, но шествий на Колыме было много, и, как считают эксперты, через трестовский отдел кадров прошло 800 тысяч человек, 130 тысяч не выдержали каторжного труда и остались здесь навсегда, ещё более 11 тысяч человек были расстреляны как «враги народа». Словом, в этом тресте было вредное производство. Понятное дело, что речь идёт о советских заключённых периода 1937-1957 гг. Управление Чукотстройлага находилось как раз в Эгвекиноте, входило в состав «Дальстроя», впоследствии подчинялось Минюсту, затем МВД, пока и не было расформировано в связи со свежими ветрами перемен, долетевшими из главной столицы.

В Эгвекиноте я бывал не единожды, и он всегда мне казался тёплым. У семи тысяч постоянно голодных, оборванных, замерзающих и умирающих от нечеловеческих условий и скотского отношения к ним лишённых свободы советских граждан получился подомашнему уютный морской порт, лучший на Чукотке, и миниатюрный райцентр с типичными для морского побережья подковообразными улицами. Порт на фоне нередко гостящих здесь океанских сухогрузов и

предусмотренных протоколами Северного завоза редких танкеров мне всегда сдавался игрушечным, а местный рыболовецкий флот – детским. Сказочная гавань таит в своих недрах сезонную нерку, вездесущую корюшку и навагу. Исподволь предлагает вниманию людей, привычно взирающих на этот пейзаж, блестящие и усатые головы любопытных тюленей, а иногда и моржей, накапливающих жирок и любующихся этим великолепием. Невдалеке прогуливаются возмущающие зеркальную гладь исполинские киты, заглянувшие на мелководье, чтобы тоже перекусить и восстановить свои силы после дальних походов, скромно сигнализирующие о себе фонтанами и раздвигающие солнечные блики на воде мощными спинами и хвостами, напоминающие корпуса подводных субмарин ВМФ.

Невдалеке от Эгвекинота, а по чукотским масштабам сотня километров – ерунда, располагается менее цивилизованное, но ещё более экзотическое место – самое западное в мире эскимосское село Уэлькаль. Село к Иульгинской трассе отношения не имеет, но раз уж мы забрались в эти размытые даже на глобусе места, то появляется смысл в том, чтобы остановиться и в нескольких абзацах припомнить и о его роли в истории прозы советского периода.

Уэлькаль я созерцал лишь с моря и лишь панорамно представляю себе его архитектуру. Как-то оказался на попутном борту сухогруза, чтобы облегчить себе путь и без всяких пересадок в Анадыре попасть из Провидения в Беринговский район Чукотки. Помню, что полоסקало меня в тот раз всю дорогу, потому что море было совсем не для экскурсий, и этот факт заметно улучшал общее настроение экипажа. В Уэлькале тогда случилось ЧП, и пострадал человек. Невзирая на приличную волну, к нашему долговязому «грузовику» с удивительно немногочисленной командой из Уэлькаля смело подошёл и решительно подцепился колхозный вельбот. На нём доставили искалеченного аборигена, которого вместе с местным эскулапом моряки сняли корзиной на свой борт, а уже на следующий день передали медикам райцентра Беринговский, где находился самый ближайший на тот день хирург или травматолог Берингии.

Считается, что в районе Уэлькаля киты крупнее, моржи жирнее, а нерпа хитрее. Ну, это всегда так: где больше ловят, там больше побед и поражений, а у рыбаков и охотников самая крупная добыча почему-то всегда где-то поблизости, но только не в руках. Существует версия, что взлётно-посадочную полосу в Анадыре построили на многослойном пироге из металлических бочек, засыпанных грун-

том. А через Уэлькаль когда-то проходила знаменитая воздушная трасса Аляска – Сибирь (АлСиб), которую американцы называли «Аляска хайвэй», и деревянную взлётно-посадочную полосу здесь строила вся Чукотка, включая известный контингент. Подчеркну ещё раз, что полоса имела деревянное покрытие. В её надёжности имели возможность лично убедиться нарком иностранных дел В.М. Молотов, тогда ещё будущий глава внешнеполитического ведомства СССР А.А. Громыко, патриарх Московский и Всея Руси Алексей, вице-президент США Генри Уоллес, многие чужестранные послы и другие заметные люди, для которых Уэлькаль оказался откровением, поскольку в рекламных проспектах «Аэрофлота» и других воздушных флотов ничего подобного с таким именем не значилось.

Но аэродром активно и полезно трудился. Несколько тысяч ленд-лизских «Аэрокобр», «Кингкобр», «Киттихоуков», «Бостонов», «Митчеллов», «Дугласов» и «Тандерболтов» удостоили его своим вниманием в те драматические дни и годы, когда для фронта и для победы нужны были самолёты. Для их перегона из США были и другие взлётно-посадочные полосы в Марково, Сеймчане и Оймяконе, множество запасных полос, но Уэлькаль занимал главную ступень к пьедесталу этого исторического подвига авиаторов двух

стран. Это отступление, а без отступлений о Чукотке и не расскажешь, тем более ещё и потому, что здесь торопливых рассказчиков не любят.

БЕЗ НАУЧНОГО ОБОБЩЕНИЯ

Эгвекиноот окружают сопки и тундра. В карликовой берёзе не сразу угадаешь дерево, а среди разнотравья сходу не распознаешь шикшу, голубику, бруснику или золотой корень, который сегодня китайцы и корейцы самыми немислимыми способами выискивают по всему Дальнему Востоку. Тундра сливается в пятнистый ковёр, который надо рассматривать избирательно, по частям, учитывая даже тени от облаков. Здесь полно грибов, но ещё больше полезных ископаемых и рукотворных памятников старины. Говорят, что страничка с таблицей Дмитрия Ивановича Менделеева здесь могла бы быть учебно-методическим планом для экскурсоводов турфирм. Где не копни, что-то да и обнаружишь на память, если не золото, то непременно что-то другое и не менее полезное и нужное для любого хозяйства.

Хватает и такого рода богатств, которые сейчас в Ираке да Иране выискивают любопытными американцы, сумевшие своими мрачными прогнозами задолбить всю Генеральную Ассамблею ООН. А на Чукотке будьте

нате – хоть карманы набей, хоть за пазуху насыпь. В те годы уголь и золото на Чукотке рыли и мыли здоровенные украинские хлопцы из Донбасса, а из других б. союзных сестёр народ тянулся больше в сферу обслуживания населения. Невдалеке от Анадыря тысячи ударных метров мастерски протаранили в вечной мерзлоте питерцы из Ленметростроя. Кажется, так называли себя строители на объекте «Портал», Анадырь-1 или просто Гудым. Они вырубали в скалах ошеломляющие своими габаритами, надёжностью и качеством ангары для ракетно-ядерных сил СССР, отвечая на вызовы и недружественные устремления зарвавшихся соседей. Глаза дивятся, а в разум не втискивается то, что всё это зодчество находится ещё дальше, чем воспетые поэтом глубины «сибирских руд».

Когда-то глобальное оледенение ударило по мамонтам. Теперь наступает глобальное потепление и, говорят, что за два века на севере температура поднялась на два градуса. Пишут, что 65 процентов территории России расположено в зоне вечной мерзлоты, а также о том, что за последние 28 лет количество северных льдов уменьшилось на 40 процентов. Значит, я был там в точности тогда, когда льдов было на 40 процентов больше, чем сегодня, хотя ни в Эгвекиноте, ни в Иульгине в те летние дни льдов не наблюдалось.

Зато в этих неохватных просторах мне подфартило подержать в руках золотые самородки размером с пирожок, блины и шпаги из горного хрусталя, булыжники с яркими вкраплениями золота или тёмных жил серебра, яшмы, обсидиана и разглядывать удивительное сияние мраморных обрывов. Про Чукотку учёные пишут, что в добрые, древние времена здесь мамонты травку щипали, бродили шерстистые носороги и бизоны, пещерные львы и их друзья из семьи кошачьих, саблезубые тигры. Поначалу не верится, но только до тех пор, пока в твоём же присутствии небритый работяга Коля в руде или земле, а то и в разутюженной для стройки песчано-щебенчатой сопке не наткнётся на бивни или на другие части мамонта. Удачливому Коле помогает бульдозерист Вася, а затем фотографируется вся бригада, а то и всё райначальство. Не из рая, конечно, из райкома или райисполкома. Потом ещё милиция. Тоже фотографируется...

Вот здесь и набегает любопытство, а где тигр саблезубый? С мамонтом согласен, а где лев пещерный? И не верю ни во льва, ни в тигра до тех пор, пока археологи, немножко обветренные и чуть-чуть с устатку, откуда-то не примчатся за тушёнкой, водкой и квашеной капустой, не вскроют по просьбе трудя-

щихся с изяществом рецидивистов-домушников уже подготовленный к отправке и опечатанный ящик и не скажут, как бы между прочим: «Это позвонок четвёртый, этого саблезубого, а этот – пещерного, но уже пятый». Разберёмся после экспедиции. Наливай». Лишь потом узнаешь – надурили ребята. Они действительно отправили кости чего-то из древности, но сами мало что соображают, поскольку – всего лишь снабженцы-экспедиторы и приличные болтуны. Но предметов быта и орудий охоты по многочисленным местам древних стоянок и могильников в районе Иульгинской трассы по весне можно набрать сколько хочешь, чему и способствовало обычное равнодушие к истории, бесконтрольность и жалкие возможности специалистов. В окрестностях и вдоль трассы пытливым умом и напряжённым трудом Н.Н.Дикова и его коллег-археологов найдены и описаны десятки мест стоянок древнего человека времён неолита, т.е. II тысячелетия до н.э. Это очередное отступление, построенные на личных впечатлениях и без всякого научного обобщения.

ПОДВЕРНУЛСЯ УДАЧНЫЙ СЛУЧАЙ

По Иульгинской дороге к отрогам Эквива-тского хребта на большегрузах носились сибиряки, как мне вначале показалось, –

хмурые нелюдимые рвачи и в чём-то, как часто сегодня называют определённых людей, пофигисты. Такими они представлялись и мне до тех пор, пока не напросился в рейс. Подвернулся удачный случай, 27-летний водитель из Кемеровской области и на Чукотке уже четыре года. Здесь он обзавёлся семьёй, здесь он поначалу слесарил и ждал машину. Прошёл конкурс толерантности во взаимоотношениях с начальством, а шофёрские этюды об условиях проведения конкурса рассказывал уже в пути.

Долго собирали дополняющие основной груз посылки, ящики и промасленные свёртки, с трудом причесали суету чьих-то обещаний, и поэтому встреча с воротами, обозначающими «Полярный круг», для меня случилась неожиданной. Когда-то на близость круга как такового и белые ночи как объективную реальность, пронизывающую северное бытие, я впервые обратил внимание в Уреликах. Качели-карусели вертелись на пределе возможностей металла, давно уже уставшего и извлечённого из лома автотракторной и отопительной техники. Взглянёшь на циферблат. Ба, третий час ночи. Каникулы... Но игры детей к этой самой трассе тоже не относятся, на самом деле в Уреликах Полярного круга нет, есть лишь полукруг, да и тот в виде дороги вокруг бухты Комсомольской.

У ворот Полярного круга на мою просьбу об остановке водитель откликнулся без энтузиазма, но отреагировал правильно. Из кабины вылез нехотя. Здесь сфотографировались многократно и поочередно. Как потом оказалось, надёжно сработали обе системы отечественных производителей: и «Вилия – авто», и кинокамера «Кварц – 8М». Двинулись дальше. Километры вокруг и до ворот и после них, во многих местах утыканы тем, что осталось от хорошо раскрученного Солженицыным Гулага или Дальстроя. Шеренгами и колоннами – развалины лагерных землянок, бараков и вышек, с обрывками полуистлевшей колючки, заросшие карьеры, канавы или окопы, просевшие ямы, которые чудились могильными. Честно признаюсь, что в последней из прочтённых вами фраз много фантазийных домыслов и заключений. Но по-другому и не получится. Бараки и землянки можно было угадывать с высокой вероятностью на правду по размерам и рельефу того, что когда-то было какими-то строениями, вышки – по просевшей по углам периметров тундре и полуразрушенным пирамидам камней, а колючка сохранилась и её угадывать не требовалось.

Все эти равнобедренные и равнососторонние свидетельства другой жизни Чукотки ясно указывали на то, что с геометрией у ко-

мандиров производства было всё нормально. Окружающий пейзаж в части, касающейся рукотворных влияний на него, не давал повода для того, чтобы усомниться – дорога скорее на костях, чем на вечной мерзлоте. Наверное, Эдуард Петрович Берзин тогда получал ордена не только за статную выправку, умелый доклад и рьяную кремлёвскую службу. Делом управлял умело, хотя на финише карьеры не повезло и ему. В сентябре 37-го Сталин, Молотов и Ежов сначала прислали Дальстрою «большевистский привет» и наилучшие пожелания в связи с большой трудовой победой – 50 тысяч тонн золота за год. А в декабре этого же года Берзина вызвали в Москву и расстреляли как предателя и японского шпиона. Только сейчас подумал: конец земли, а о причастности к нему В.М. Молотова замечая уже второй раз.

С водителем мы сдружились быстро, говорили об олове, жизни и зарплате. По-другому не могло и быть. Касситерит или оловянный камень является талисманом людей, чья деятельность связана с активным общением. Не обошли стороной производственные темы. В этом вопросе я был неплохо подкован местным райкомом партии. Благодаря политработническим привычкам водителя удалось вытащить на откровения. Он рассказал версию, которая опровергала мнение райкома в

том, что здесь работяги развращены деньгами и рвут их зубами при каждом удобном случае. У водителя получалось, что вроде бы как маршрут до ГОКа имени В.И. Ленина составляет 201 или даже больше километров, а деньги насчитывают не с места старта, а как-то по-другому, где фигурирует 199 километров. Отсюда суточные, коэффициенты, тарифы, надбавки и зарплата. Может, в чём-то и ошибаюсь, но точно помню – корни проблем и разногласий он находил именно в километрах, чему можно было как верить, так и не верить. В моей памяти этот факт отпечатался чётко.

Через некоторое время наш самый лучший и, быть может, единственной в мире обладатель деревянной кабины КРАЗ хрюкнул, хмыкнул, заскулил и обиженно замолчал. Уже не первый месяц, как водителя развлекали легендами о «Татре» или МАЗе, и ему надо было держаться.

Я предположил, что он тут же кинется в смесь дорожной пыли и грязи, примется елозить пузом по радиатору или заляжет под капотом. Но нет, он выразился примерно так же ёмко и коротко, как и Г.Вицын в период работы дворником в бывших хоромах Ипполита Матвеевича, изрёкши что-то похожее на «туды его в качель». Потом, с учётом удалённости от культурных и интеллектуальных центров страны, что-то перчёное добавил от

себя лично, вытащил закопчённый чайник, набрал из ручья воду и развёл костёр. Затем он так пристально взглянул на меня, что любому другому бездельнику-пассажиру стала бы яснее ясной перспектива в дальнейшем развитии чайного проекта. Водитель же вытащил из кабины груды железок, резинок и проводов, что изумило и ассортиментом, и количеством.

Насобирать дровишек оказалось делом пустячным: здесь встречались и обломки цивилизации, и обычные коряги. Покрышек не трогал – это зимнее топливо. Разнопрофильный труд был увенчан простой снедью и даже банкой морской капусты. Чтобы отогнать злых духов и ублажить дух огня, чуть-чуть покормили пламя. Думаю, что духам это понравилось, поскольку к нам они не приставали. Напомнивший с виду харьковскую махорку чай в конечном итоге оказался первостатейным продуктом.

Параллельно прояснилось:

а) что к прославленной матери «полетела» та катушка, какой у нас в запасе нет,

б) что без неё к нам незаметно подкралось несклоняемое местоимение «каюк» в значении сказуемого «конец» – в смысле дальнейшему движению,

в) что водитель встречного ЗИЛа, который только что возле нас останавливался, пере-

даст кому-то из числа «кому надо» сообщение о делах наших,

г) что всё это хорошо, поскольку стужу наших утрат компенсирует летнее солнце, пробивающееся сквозь клочковатый туман. В смысле плохо, что обломались, но хорошо, что не зима.

Покой нам снился, но не долго. Сначала из непроглядной пыли возникла вахтовка, потом из её кабины выкатился колобок в потёртой камуфляжной куртке, в нарядных торбах и с обширными знаниями о состоянии здоровья нашей машины. Колобок был речистым малым. Удивительно, но каждое его слово в конечном итоге носило скабрёзный смысл, а каждое движение отдавало отточенной уверенностью в себе, холёностью и глянец. Последних качеств с лихвой хватило бы для любого начальника районного звена. Это чудное сочетание в характере колобка мне понравилось. К тому же ещё, хоть и не без матерных слов, адресованных кому-то из руководства автоколонны, новая катушка уверенно легла на место своей сгоревшей подруги.

ВСТРЕЧА С НАТУРАЛИСТАМИ

Как суеверу, мне иногда мерещилось, что где-нибудь у ручейка мы ощутили на себе гадкое дыхание фантастических духов-людое-

дов Кэле. Предчувствия отчасти оправдались, когда на краткосрочной остановке на нас вылезла троица мужиков со свойственными одичавшим первопроходцам внешностями и таким же духом. Обрадовался, что мой командир оказался из бывалых, организовав простукивание баллонов монтировкой, вычерчивая алогичные развороты и зигзаги около машины, придерживаясь линии колёс и стоп-сигналов и не выпуская пришельцев из общего сектора обзора.

Приметил сразу, что товарищи в своём коллективе кореша притёртые и что дарвиновскую теорию знают, но энергично раскручивают её в противоположную сторону и этим занимаются не первые сутки. Это были опытные прилипалы, хотя и старались вести себя куртуазно. Для установления светского контакта призраки амгуэмской тундры вежливо осведомились, какой нынче день, а на правдивое уведомление, что это вторник, озадаченно переглянувшись, уточили число. Месяц они, видимо, знали и без нас.

Может быть, что-то в соотношении сил сложилось не так. Скорее, у них были планы, а камней за пазухой в тот вторник не имелось, поэтому в наш огород ничего угрожающего настроению и здоровью экипажа не полетело. Попросили сигарет и, почти как в подмосковной электричке, «поесть чего не жалко», а при

уплотнении контакта назвались «природоведами из-под Урала». О предмете изучения вразнотык плели всякую галиматью, напускали туману про тяжёлую работу и богатую флору, но такое слово не употребляли. Утверждали, что собирают и изучают растения, которые именовали обобщающим термином «травка». С коноплей на Чукотке я ещё не встречался. Может быть, трудяги промахнулись с регионом, поскольку за травкой обычно наезжают в Амурскую область. На северах путешественники всегда помогают друг другу, и мы их не обделили.

– Полная херня вся эта травка, – позднее резюмировал водитель, – точно, откуда-то выгнали, деньги пропили или в карты продули, теперь ищут, как к металлистам пристать, а может, где-то уже моют или икры надербанили, да не знают, как увезти. Не уголовники, но наших пацанов предупредить надо.

Оценку «херня» поддержал сразу же, поскольку натуралисты и правда были в своей науке ни бе ни ме. Потом предупредили, и не только пацанов, потому что погранзона. Впоследствии их искали и нашли. Ботаники не успели ни убить, ни украсть, и с Чукотки уехали с чистой совестью, правда с пустыми карманами.

Думаю, что мне не стоит останавливаться на производственных делах этого богатейшего

уголка Чукотки. Теперь Иульгин позабыт и заброшен ввиду нерентабельности, бесперспективности и весьма сомнительной гениальности социального философа и геолога Гайдара Е.Т. Чукотка всегда славилась магнитными бурями. Причину их возникновения учёные хорошо знают. В том же 37-м, когда прервалась связь с дрейфующей во льдах Арктики станцией Ивана Папанина, связисты были в шаге от того, чтобы загреметь в эти края для преумножения славы горнорудной промышленности. А дело тогда было не в связистах, а во вспышках на светиле, что смельчакам удалось донести до высокого уха Сталина. Бурри всегда сопровождают Чукотку. Их характер, направленность, масштаб упирается не только в солнце.

В последний раз был на Чукотке на пике романтизма. В те дни не было там ни Романа, ни повести, ни поэмы. В тот раз столичный градоначальник с думскими депутатами побаловали меня баней, где я твёрдо для себя уяснил, что жизнь здесь налаживается. Понял по знакам, приметам, симптомам, хотя это одно и то же. Понял по исландской селёдке, по расфасованным в Подмосковье крабам, по чешскому пиву и по лишённым всякого пафоса будничным рассказам бессменных в этих краях слуг народа о редующем народонаселении. Конечно, тысячу человек прокор-

мить и обогреть всегда легче, чем пять или двадцать пять. Вот только чем они будут заниматься?..

Ещё вспоминались ни в чём не уступающие Михаилу Задорнову байки бывшего 1-го секретаря райкома партии из Певека, позднее главного федерального инспектора дальневосточного полпредства Бори Ветосева, так и умершего на этом посту. Бориса Александровича в Администрацию Президента я когда-то рекомендовал с должности главного федерального начальника по чукотским автодорогам и направлениям. Сказывал он, как его проверяло министерство, как ругали, клеймили его позором и всякими нехорошими словами за отсутствие рекламы на местных дорогах. А потом ещё и прислали методичку, густо усеянную мудрыми формулами, из которых следовало: как ставить и крепить рекламные щиты, какого угла обзора и дистанции читабельности добиваться. Борису не хотели верить, что дорог нет, что даже бизнесмены в пургу или в весенне-летнюю распутицу не высовываются из амбразур гусеничных тягачей для того, чтобы увидеть рекламу, что чукча или эскимос на зубную пасту и швейцарский шоколад не купится, а в Техносилу или Арбат-Престиж за восемь тысяч вёрст не помчится даже на хороших оленях или обученных собаках.

Наверное, эту рекламу прочли бы те «природоведы», которых мы угощали тушёнкой и сигаретами. В конце нашего маршрута водитель сказал, что пройденный нами автобан – хорошая дорога, надёжная, многолюдная. Что запчастей у них бездна, бензин, как и везде, урезают, но главное состоит в том, чтобы не пробить картер. Такая вот простая история о хрупком картере и славной дороге, по которой раньше очень часто ездило множество добрых и приятных людей, а картер Иульгинского ГОКа, как я понял, уберечь не удалось.

НА ВСЯКИЙ ПОЖАРНЫЙ СЛУЧАЙ

1. ТАКИМ МАКАРОМ СРАЗУ ВСЁ ПОЙМЁШЬ

На Северо-востоке нашей Родины граница особенная. Здесь она никогда не выпячивает своих особенностей среди других типов рубежей, межевых крепостных стен и заборов, которые в отдельных местностях и странах постоянно возводят, городят, копают, а то ещё и минируют. Здесь она дремлет на ярких или белых коврах тысячекилометровой тундры, долгими полярными днями и ночами бездельничает на бесконечных и пустынных океанских пляжах или тихо и задумчиво томится в секретных засадах среди таких скал, где ещё не ступала нога человека. Снежного человека нога, может быть, всё же и ступала, а вот не снежного, а обычного человека – маловероятно.

Совершенно неожиданно сверху свалилось боевое задание на бреющем полёте, то есть, не опускаясь с неба на бrenную землю, осмотреть такой уголок Чукотки, который примыкает к угольям камчатских наследников славы Ильи Муромца. А это в районе южных берегов Чукотки, пока ещё не вовлечённых в пляжный

и развлекательный бизнес, в сотне миль от аборигенного села Мейныпильгино. На карте – лишь маловразумительные цифры. Что-то вроде высоты 314,5, что свидетельствует о неполных метрах над уровнем моря. В принципе этот пригорок теоретически мог быть неизвестным даже наиглавнейшему пограничнику края, тем более что на севере командиры менялись не реже, чем погода. Но высотка значила, что она-то и является «границей» между пограничниками Чукотки и Камчатки, а отвечают за охрану этого пупка не пограничники-камчадалы, а зеленопогонные чукчи. Хотя дерзко заявлять, что возвышенность никто не обозревал и не сторожил, было бы выводом и фактом опрометчивым. Взять хотя бы моментик, что у речушки Каканаут археологи откопали кости доисторического ящера. Сейчас находка хранится в единственном, а поэтому центральном музее города Анадыря и верно доказывает историкам погранохраны на то, что государственная граница в Беринговском районе Чукотского автономного округа была традиционно если и не на крепком замке, то, по крайней мере, в надёжных челюстях неслабого ЧОПовца.

Дело было в СССР. Подвернулся Военный совет округа, заседание. Что-то там такое очень важное и про воспитание. Лететь предстояло двум руководящим пассажирам: на-

чальнику политотдела отряда и замполиту лётчицкой авиаэскадрильи. Так и полетели, чтобы ещё и границу попутно проконтролировать, да и убедиться, что З14,5 в отсутствие ящера в полном ажуре и на месте. Мало ли чего? Для этого определили дальнобойщик Ил-14, что по натовской классификации «Crate», а по нашим понятиям пенсионер, который уже давно имеет все северные льготы, но привык к хорошей зарплате и на материк улетать не хочет. Начальство решило, чтобы из Провидения этим соколом мы пошли на разведку в район рыболовного промысла в Беринговом море, там произвели на память фотосъёмку всех бортов, находящихся на путине, внимательно осмотрели кусочек границы с соседями и без всякой посадки постепенно добрались до Петропавловска-Камчатского. Такая вот незамысловатая затея. Часов 6-9 в воздухе и все дела. Важным, конечно, в этом процессе было и фотографирование. Мы всегда имели полные списки кораблей, которым рыбу удить позволено. Даже с фамилиями рыбаков и печатями, а вот какие корабли там околачиваются, в самом деле? В этом вся собака зарыта. А так, фотографируй борт с именем судна, и таким макарон сразу поймешь, где живёт правда. По радио ведь любой район лова можно заявить и легко обмануть кого хочешь. А с доказательствами любого расхитителя нашей

всеобщей социалистической собственности можно даже в тюрьму посадить. Так что дел было немало, и покровитель авиаторов архангел Михаил к нашим затеям отнёсся с пониманием.

Стартовали в лучах богатого ездока на белых и сытых оленях, чем у нашего чукотского народа, естественно, является Солнце. До начала фотосессии болтали о жизни, играли в шахматы и даже в шашки. Мой попутчик и коллега Сергей был выпускником авиационного училища, я – общевоинского, и тем хватало: об экзаменах, шпаргалках, преподавателях, потом о работе и обожаемом личном составе. У нас были даже карты – топографические с военными секретами и игральные в комплекте. Те, что «в комплекте», вытаскивать из портфеля в присутствии подчинённых коммунистов слыло не по-партийному. Тогда проходило немало образцово-показательных публичных казней, в процессе которых партийные комиссии сурово убеждали коммунистов даже в том, чего нельзя делать на боевом самолёте, например, или по жизни в целом. Где-то карты, где-то вино, далее их логика вела к самому прекрасному: к блондинкам и брюнеткам, курносеньким, рыженьким, стройненьким и пышненьким тоже. Ну, как обычно... Прославленные специалисты и практики этой отрасли бытия, приглаживая

усы и подымая очередной стакан, всегда терпеливо поучали молодёжь: «В этой жизни всё так переменчиво, валится из рук перо. Позади беременная женщина, впереди партийное бюро... А всё, ребята, начинается с пустяковин». Но это я уже накручиваю и без того сложную обстановку в Олюторско-Наваринском промысловом бассейне, чтобы убедить вас в том, что мы летели правильно, ничего не нарушали и даже в карты при этом на спички или шнобеля не резались, потому что это нештучный срыв в поведении. К тому же ещё и женщин с аморальными наклонностями и привычками на борту не было.

Вышли, как сейчас помню, на шестнадцатый квадрат, в тот район, где пароходы необходимо поголовно перефотографировать и закрепить это письменно, поскольку несметное количество сейнеров не способна удерживать ни одна память, а таких компьютеров, чтобы по габаритам были хотя бы с прикроватную тумбочку, у нас не было. Аэроплан над бескрайним ледяным полем и торосами летал так низко, что, казалось, вот-вот кого-нибудь зацепит за мачту без паруса, но с флагом. (Здесь и далее природу Чукотки не описываю, потому что, во-первых, не писатель, а во-вторых, в её цветах в тот день красок было мало.) Поначалу казалось, что экипажи вмёрзших в ледяные поля судов спали по своим каютам и

приумножали свои суточные. Но это лишь казалось. Работал ледокол, и появлялись сети, в которых агонизировали молчаливые существа с рыбьими глазами, другие снасти соскальзывали с барабанов и уходили за новой добычей. Лётчики тоже трудились слаженно, и захватски раскручивали виражи, выбирая удобные ракурсы и фиксируя на плёнку паспортные данные промысловиков: имена, номера и флаги.

Вместе с лётчицким замполитом Серёгой мы всего лишь тёрлись то об один иллюминатор, то о другой, выглядывали из прозрачного колпака, устроенного над кабиной, и таким образом наслаждались возвышенными чувствами личной причастности к эпохальному процессу воздушной разведки. Считалось, что мы руководили работой, продолжая вялотекущую битву на шахматной доске, силясь не наносить экипажу самолёта особого вреда, не путаться у него под ногами, и, замечу без ложной скромности, это у нас получалось качественно. Совесть не бунтовала и не мучила. На любой заставе я смог бы границу охранять и разведку проводить не слабее прославленного Цербера, а в небе – это уже другая кафедра.

Именно в это время я заметил, что правый двигатель нашего самолета приобрёл удивительно непривычный для летающих объектов внешний вид. Я бы даже отметил – чёрно-бу-

рую расцветку получил он, продолжая наращивать новые оттенки и как бы даже силясь достичь ещё более противного и злобного колера, даже в сравнении с тем, что использовали янки для раскраски своих агрессорских пилотируемых аппаратов.

– Серёга, наверное, горим справа.

– Да ну, – сдержанно ухмыльнулся правому иллюминатору Серёга. – Тебе «шах» и твой ход, пехота.

– Именно «пернатые» в противопожарной безопасности не рубят, – констатировал я этот давно известный каждому юному другу пожарников факт, но из-под «шаха» как-то выполз.

– Ходи...

В промежутках между аллюрами коней и беспорядочными метаниями ферзей сквозь стекло иллюминатора я продолжал внимательно мониторить процесс формирования новой гаммы красок и по-дилетантски комментировать происходящие трансформации. Вскоре мне уже почудился дымок. И если это был даже и не дымок, то уж совершенно точно можно было утверждать, что не только двигатель, но и крыло самолёта изменило свой имидж точно до таких же пятнистых разводов, которые рисуют на своих крыльях и фюзеляжах наши самые близкие заокеанские соседи и наиболее вероятные враги. Гамма получалась серо-буро-

зелёная, демонстративно заносчивая и вызывающе неприветливая. Казалось, что человеку, избравшему такую расцветку, было глубоко плевать на мнение общественности, соседей, друзей, знакомых и близких родственников. Такой цвет можно было избрать и для обоев, но только в тещиной комнате и лишь в том случае, когда другие меры мести и вредительства, ей посвящённые, успеха не принесли.

– Так ведь горите же, пернатые!?! – продолжил я буднично проталкивать свои идеи и сомнения по поводу пожароопасного состояния самолёта так, будто бы происходящие события затрагивали какой-то вражеский авианосец или НЛО с недружественной нам планеты. «Пернатыми» лётчиков обзывали только потому, что те для пехоты тоже набирали немало презрительных словечек.

Серёга поначалу пространно рассуждал по сути моих антимоний, потом ещё долго пудрил перед иллюминатором, протирал очки, всматривался в унылый пейзаж Чукотки и наконец отправился в кабину. А вернувшись из неё, тут же воткнулся в ранее отложенную книжку примерно страниц за сорок до торчащей из неё закладки и затих. Наверное, перечитывает заново моменты, затронувшие его самые нежные душевные струны, – подумал я, чуть послонялся по салону и отправился инспектировать экипаж лично, потому что обо

мне забыли все, а желание принести пользу – оставалось нерезализованным.

II. БАЛЛАСТ

Все версии и догадки командир экипажа встретил спокойно, живо развеял мои страхи, аргументированно устыдил мою непрофессиональную болтовню, упрочив её основу конкретными аргументами и фактами. Сказал, что в правом двигателе всего лишь падает давление масла и об этой ерунде он уже давно и хорошо знает лучше меня. Во-вторых, сообщил командир, самолёт у нас очень хороший и в отличие от других воздушных судов спокойно летает даже с выпущенными шасси, в-третьих, – лететь даже без одного из двигателей нашему самолёту почти что раз плюнуть. Он хотел ещё что-то прибавить, что было бы в-четвёртых, и я уже разинул рот, чтобы обалдеть от возможности летать совсем без моторов или без экипажа, но в это время в разговор наземного и воздушного начальства влез правый пилот. Правый пилот наклонился и что-то невнятно, но коротко пробурчал левому пилоту, т.е. командиру. Тот буркнул ему в ответ внятно, вроде как «ёклмн» и, даже не протрившись, покинул кабину.

Промелькнула думка, что их лётчицкому замполиту Сергею не с кем играть в шахматы и пилот ринулся в этом деле подменить меня.

Но нет, командир всего лишь выглянул в окошко и тут же вернулся в центр управления полётом. Потом в салон выглянул стрелок-радист, который исполнил свой ритуальный танец перед иллюминатором. Затем притащился штурман, правый пилот и, наконец, снова командир – Виктор Иванович Ножин, капитан, который так и не успел мне сообщить, что значит «в-четвёртых». Ощущение было таким, что в кабине уже никого не осталось и самолёт летит сам по себе, и это укрепило мою версию о том, что «в-четвёртых» был, конечно же, полёт без экипажа. Мы продолжали лететь параллельно земле, а воздухоплаватели деловито шныряли по салону и обсуждали всю эту ерунду с давлением масла.

Затем командир, видимо, припомнив, что наша беседа была прервана не по моей инициативе, ещё раз рассказал мне о том, что у нас всё нормально. Что давление масла в правом двигателе хоть и хорошее, но оно по-прежнему продолжает неторопливо падать, и только поэтому двигатель этот «мы сейчас зафлюгеруем к чёртовой матери», а летим мы уже теперь не на Камчатку, а в аэропорт Беринговский на вынужденную посадку, но это так, на всякий случай. Правда, до Беринговского ещё двести километров, и он закрыт по метеословиям аэропорта Беринговского. Но низовая метель для нашего самолёта – не про-

блема, поэтому нам бояться практически нечего. Вот если бы метель была другой, то это было бы скверно и серьёзно, а первая метель – это наоборот другой метели, что, стало быть, хорошо и смешно.

О Беринговском райцентре я подумал с большой душевной теплотой, поскольку там есть даже пара километров железной дороги, а я уже год как не был в отпуске и даже забыл, как выглядит настоящий паровоз. Всё самолёты да самолёты...

– А Вы флюгеро-вы-ва-ли когда-нибудь, – заинтересовался я трудновывоживаемым термином, чтобы поболтать с командиром о чём-то для меня новом и поддержать нашу беседу, так как выражение «к чёртовой матери» к тому времени я уже знал неплохо.

– Это не проблема. Даже на земле флюгеровал не раз. Как флюгеровать, отлично знаю и на тренажерах флюгеровал, трудностей не будет, зафлюгеруем как надо, – усладил перспективу наш капитан, обойдя практику флюгерования на лету стороной, и обречённо побрёл к своим штурвалам.

К этому времени шахматные фигуры уже изрядно умаялись и сиротливо замерли в своих блиндажах и окопах. Эта игра вообще в полёте над Беринговым морем дело занудное, и прав Каспаров, что рванул в политику. За это я его практически поддерживаю – там можно

прекрасно развеяться или даже выступить, например, в поддержку отечественной авиации. А тут ещё умолк наш правый двигатель, и его неподвижный пропеллер удивительно точно напоминал памятник лётчикам, погибшим при исполнении своего долга. Такие обелиски нередко встречаются на братских могилах, где, как известно, не ставят крестов.

Оптимизмом дышал ревущий с удвоенной энергией левый агрегат. Он был прекрасен в этом гневе!..

Лётчицкий майор Серёга, в очередной раз вернувшись из кабины, констатировал ещё одну небесную затею. Суть её состояла в том, что мощности «для подъёма машины в эшелон» не хватает. В этой связи, вероятно, придётся что-нибудь из совершенно ненужных нам, то есть лишних вещей, выбросить за борт, чтобы уменьшить вес самолёта. Трудно сказать, правда ли это была, или попытка на меня нагнать больше страха, но я легко поверил, вспомнив, как придиричиво члены экипажа осматривали салон.

Под надрывный рёв двигателя над бескрайними тородами и экологически чистыми полянками набегали философические мысли о чём-то бессмертном. Наиболее забавно мне представлялась картина, как белые медведи, моржи и тюлени изучают найденные ими на льду топографические и игральные карты,

бочки с моторным маслом, кресла, чехлы для двигателей, лестницу, ящик с тушёнкой, пачки с чаем и даже наши командировочные портфели, надежда на сохранение которых ещё теплилась. Пришла мысль, что из шестёрки неустрашимых полярников на борту лишь один пехотинец, который не то чтобы отважный, а даже не умеющий чётко произнести слово «флюгеровать». Словом – балласт. Вспомнил о трагической судьбе бедного Кука, за гибель которого по закону так никто из аборигенов и не ответил. Высотой нужного нам «эшелона» даже не поинтересовался.

Тем временем в головах пульсировало русское карнавальное веселье, необъяснимая радость ожидания чего-то неизведанного, вспоминались давно забытые погребальные анекдоты и кладбищенские афоризмы. Активизировался обмен оригинальными проектами: настолько торжественно будут нас хоронить и что скажут. Какие цветы принесут пионеры, поскольку на Чукотке лишь фикусы и кактусы, да и те в коридорах райкома партии и в нашем клубе. Что было бы правильным назвать нашими именами, где лучше всего поставить памятник... Коса Двух Пилотов на Чукотке уже есть, а что нам достанется? Сознание создавало образы, потом вваливался закон отрицания отрицаний, и возникали другие, ещё более абсурдные и свежие идеи.

Мы уже прошли мыс Наварина – самое дьявольское место, прославившееся на весь Советский Союз абсолютным максимумом среднегодовой скорости ветра и повторяемости штормов и ураганов. Нам оставалось менее ста километров, когда завязалась партийная тема и навалилась грусть, так как в экипаже беспартийных товарищей не оказалось.

– Покойный Леонид Ильич Брежнев в таких ситуациях на Малой земле уже вручал бы партбилеты. Представляешь, Серёга, – обосновывал я новый проект. – Находят обломок кабины, а там заявление кровью нацарапано: «Прошу считать меня коммунистом». Подпись и число. Вокруг этого можно было бы очень продуктивно поработать с молодёжью.

Больше о покойниках ни слова, прикусил я язык, но коллега неожиданно поддержал тему.

– А что? У нас ведь стрелок-радист кандидат в члены КПСС.

– Это хорошо, что у нас такие люди имеются, – подхватил я дискуссию, которая так притягательно сверкнула исторической перспективой.

– Так кандидатский же стаж меньше года. Устав же...

– Особый случай, бывают исключения. А потом у нас пять членов КПСС на борту. Мы ведь можем и партсобрание организовать. Победителей не судят, а побеждённых не будет.

В таких проектах полёт проходил нормально. Стрелка в члены КПСС так не приняли, но зато вещи выбрасывать не пришлось. Кто-то из членов экипажа выскочил в салон и жестко призвал «держаться руками и зубами»: «Как сядем, сразу же стопорнём второй двигатель, чтобы не крутануло». Крутануться никому не хотелось.

III. О РОЛИ ЭТИМОЛОГИИ В ЖИЗНИ АВИАЦИИ

Прикосновение к полосе было предсказуемым, но неожиданно ласковым. Мгновенно смолк левый двигатель, и самолёт подобно фантому, замедляя ход, покатился в будущее. Метель и правда была своеобразной. Ниже иллюминаторов сплошное молоко, а выше – сквозь негустую облачность пробивались лучи солнца, виднелись строения и макушки привычных чукотских сопок. Среди них высоты с отметкой 314,5 замечено не было.

Экипаж ещё раз продемонстрировал свою мудрость и прозорливость тем, что лестницу медведям не выбросил, и по ней мы вылезли на родную твердь. У здания аэровокзала, смахивающего на старую деревянную голубятню в районе Перхушково, Немчиновки либо Малых Вязём Подмосковья, в ломаном строю замерла лучшая техника Беринговского района: из райкома партии, райисполкома,

РОВД, РОКГБ, а также пожарные, санитарные и частные авто. Численность встречающих граждан зашкаливала за сотню, что для этих глухих мест слыло чуть ли не первомайским митингом. Советский народ мужского пола напряжённо курил, а женского – утирал подсыхающие слёзы, дети носились между полами в ожидании чего-нибудь увлекательного.

Ощущения, которые испытывал Валерий Павлович Чкалов после перелёта 36 года из советской столицы на североамериканский континент, становились более понятными и близкими, хотя наши гражданки чепчиков вверх не бросали, а цветами, в отличие от американских гражданок, не баловали. Мы же возбуждённо сыпали остротами, глупо и громко смеялись и шутили. Тут же выяснилось, что зубоскальство, истерическое веселье и прочие приметы коллективного благодушия в данную ситуацию не вписываются. Оказалось, что все «встречающие» нас в аэропорту люди собрались исполнять роли «проводящих» героический экипаж в последний путь. Оказалось, что наша слава уже прошагала часть пути от легенды – до свершившегося факта, и на этом фоне мы выглядели неважно.

– Деточки, да мы же вас всех уже оплакали и похоронили, – громко известила пессимистическую настроенную беринговчанка. Ещё насколько беринговчанок словно по команде

принялись причитать и креститься. Трудно предположить, к какому из богов они обращались: христианскому, эскимосскому или чукотскому. Может, корякскому или к ительменскому, поскольку до Камчатки было рукой подать. Но Ил-14 привёз только коммунистов и последовательных атеистов, и мудрость женщин была понята позднее, как и понимание того, что их кто-то услышал.

Небритый эксперт в замасленном комбинезоне и в унтах, из числа местных авиаспециалистов, умело приладил не доставшуюся медведям лестницу к крылу. Затем легко взлетел по ней вверх и распахнул кожух двигателя, а после непродолжительной паузы и в полной тишине профессионально и чётко сформулировал диагноз. Мы прилетели в шахтёрские места, а этот лётчик был, наверное, из шахтёров. Я предположил, что у телевизионщиков при подготовке к эфиру материала о нашем приземлении трудности бы возникли, т.к. небритый лётчик из местных шахтёров заявил прямо: **ти-ти** мать, сколько лет, **ти**, на Севере, а такой, **ти, ти** ни **ти** не видел. Далее он добавил ещё, что сорвана головка цилиндра, и назвал его номер, не упустив возможности кое-что добавить для электронных СМИ.

Лётчик Серёга остался в аэропорту вместе с экипажем. Они собирались изучать свои головки и цилиндры, в чём от меня проку не

ожидалось. На райкомовском узике я отбыл на заставу, находящуюся в пяти километрах от аэропорта, чтобы рапортовать в штаб о наших неземных делах. Застава жительствовала жизнью не связанной с небом, но по-своему интересной и насыщенной. Поскольку об авиационных делах её коллектив был не в теме, то появление на пороге их начальника из Провидения для последователей славы Карачупы было внезапным и даже вредоносным по причине отсутствия твёрдого уставного порядка как раз в этой точке государственной границы нашей необъятной Родины. То есть на всех 67 тысячах границы СССР в тот день были полезные дела, чистые помыслы и порядок, а вот лишь только здесь, на заставе «Беринговская» – всё было немножко наоборот. Поэтому не буду наводить тень на весь плетень, а то ещё ветераны из других уголков Родины за это обидятся.

Первый доклад последовал начальнику войск. Сообщение о какой-то по счёту головке цилиндра на него должного впечатления не произвело. В то же время слово «флюгеровать» ему страшно понравилось. Он даже поинтересовался его этимологией или, по крайней мере, грамматическими формами, ударением и другими характеристиками, необходимыми для правильного употребления этого непривычного для слуха набора звуков.

– Все живы?
– Так точно!
– Скажите лётчикам, что по вашим зигзагам будет комиссия из Москвы, у вас там получились предпосылки к авиапроисшествию. Сегодня разрешаю по сто грамм. Подготовьтесь хорошенько и выполняйте.

– Есть, товарищ генерал-лейтенант.

Обрадовался, что меня не ругали, и задумался над его последним указанием. Получалось, что «выполняйте» может быть связано только со ста граммами, а под словами «подготовьтесь хорошенько» подразумевается качественная закуска.

Мало того, что начальник штаба был по-отцовски строг и требователен, так его даже моя лексика за сердце не зацепила, а рассказ о головках цилиндров он обозвал «лепетом». С остервенением начинающего доцента на допросе студента НШ выяснял, были ли на борту шубы и валенки, лыжи и запасы дров, продукты, топоры и ещё что-то такое. Поскольку всякое враньё уставами строго воспрещается, то пришлось аккуратно проталкивать личные впечатления об изобилии предусмотренных правилами полётов на севере предметов и вещей на нашем подгоревшем борту. Дескать, всяких нужных имуществ было так много, что даже трудно сообразить, чего там только не было. Но утверждать категорически о том, что

там были интересующие его вещи, либо категорически отрицать всё это практически невозможно, поскольку чего-то всякого и разного было просто завались. От такого умственного напряжения перед глазами даже всплыла картина, на которой медведи или тюлени изучают найденные ими на льду две бочки с маслом, тушёнку и чай, а также кресла, чехлы и лестницу. А вот если бы медведи ещё стали на лыжи, да похватали бы своими лапами палки и устроили с нашими пистолетами биатлон!? Да ещё вокруг костра, который из наших же дров и разожгли бы моржи с тюленьями, лёжа на тулупах с валенками под головой!? Казалось, что с таким холстом «Охотники на привале» В.Г. Перова нам бы проиграли всухую. Хотя, как и у Перова, у нас и анекдотический сюжет, и драматический пейзаж, что прочно объединяло идеи этих произведений. Правда, как раз дров, шуб, валенок и лыж у нас в тот день не водилось.

Начальник политического отдела был по-матерински внимателен, нежен и заботлив, а выслушав поэму «О бедной головке», «зафлюгеровал» её в другую сторону. О новом для него слове он всё же спросил, а затем перешёл к земной жизни. Как действовал экипаж? Кого можно выделить в лучшую (худшую) сторону? Была ли растерянность на борту? Обеспечили ли лётчик Серёга и капитан Ножин личную

примерность? В общем, не утратили ли эти коммунисты своих чистых образов. О намерениях усилить партийные ряды за счёт стрелка-радиста докладывать ему постеснялся по причине врождённой скромности, а вот была ли растерянность в моих глазах – он не спросил. Наверное, потом он осведомился на этот счёт у Серёги.

Начальник своеобразного отдела говорил так, будто бы мы с ним летели одним бортом и только что расстались, поскольку он был вынужден сойти чуть раньше. Он интересовался, как там «у нас» общее настроение, не уточняя, где: в посёлке, в шахтёрском районе или на всей Чукотке. Какая там «у нас реальная и фактическая» погода? Затем он выразил искреннее сожаление в том, что наша «головка» повела себя предательски, и «на всякий пожарный случай» справился о наличии огнетушителей. Было приятно, что слово «флюгеровать» он даже выговорить не смог. Я же к тому времени уже научился и смог бы, попадись под руку, кого угодно зафлюгеровать в бетон или асфальт, правда, такого покрытия в Беринговском не было. Впрочем, начальника ранее отменного отдела больше интересовали археологические ценности.

– А где и в каких условиях сейчас хранится «наша» карта участка границы? А действительно ли «мы» должны были на Военном совете

округа отчитываться в своей работе? А кто там «у нас» готовил «наши» материалы к выступлению и т.д.

В общем, обычное любопытство. Звонков было ещё много, а я так вошёл в роль, что теперь уже главным было не завратиться в деталях. Запомнился разговор с главным лётчиком, моим земляком полковником Юрой. Блок лопотания о головках блока цилиндров, какими бы они ни были по счёту, а также впечатления о героическом флюгеровании он выслушал скептически. Что же касается чисто профессиональных аспектов проблем, то они, как и его изысканная терминология, меня выводили.

– Что, что?! Кардан застучал об обшивку, карбюратор в крыле заклинило, вот что!

– Какой кардан, какой карбюратор?! Георгий, ты как себя чувствуешь? Что ты мелешь? Уже празднуешь?

Быстро сообразил, что не по делу зарвался – равносильно нанесению обиды – и начал выкручиваться. Но Юрий Александрович не обиделся, дурь простил, остудил пыл десятком специальных терминов из лексикона выпускников ПТУ страны и потребовал «тащить» к телефону кого-нибудь из лётчиков. Радовало то, что любого из лётчиков он разрешал «тащить» как сноп соломы, как мешок с картошкой или какое-нибудь чучело, невзирая на голубизну их кровей. Послал машину за лётчиками.

Качество связи через три коммутатора соответствовало параметрам среднестатистического волчьего угла, и, конечно, никому из друзей дозвонится до меня было нереально. А я уже без славы себя не представлял. Фантазия моделировала предстоящие рассказы о тревожном вытё мотора, заполняющем кабину и салон ядовитом дымке, о медных касках огнеборцев, кислородных масках, зловещих языках пламени, выбивающихся из-под обшивки, и умелой воспитательной работе с экипажем. До того, что в критические минуты управление бортом взял на себя, кажется, не додумался, но основную массу горьких слёз и жарких объятий субтильных чукчанок в аэропорту замыслил принять на себя.

Далее ещё в общих чертах проинформирую читателя о том, что на разведку промысла в 16-м квадрате из Провидения вышел второй Ил-14, где экипаж возглавил командир авиаэскадрильи. Работники «нашего» аэропорта сказали, что у них метель и они закрыты. Тогда командир «нашего» экипажа поднялся на пульт голубятни, сказал магнитофону московское время, произнёс ФИО и сообщил: «Управление полётом принимаю на себя». Он мастерски обеспечил эту посадку, как «вынужденную», повторил часть своего сообщения магнитофону ещё раз, заметив в конце: «Дальше *ти-ти-ти* без меня».

Из прибывшего борта бойцы перегружали в закопчённый самолёт тулупы и лыжи, валенки, дрова и продукты. Север есть север. Мало ли чего? А комиссия по изучению причин, приведших к предпосылкам к лётному происшествию, к тому времени была уже в Новосибирске. На дозаправке.

Много чего интересного мы узнали уже потом в Провидении. В то время, когда мы бездельничали над торосами, всех наших жён на всякий пожарный случай отправили с работы по домам, придумав для этого весьма существенные и правдоподобные легенды. Детей отрядили из школы и садика к мамкам, чтобы педагоги чего-то лишнего не наболтали, а телефоны в квартирах аккуратненько и точно отключили.

Для моей Нади неожиданный выходной день был как подарок. Столько дел полезных переделала в тот день по хозяйству. А тут ещё и я появился дома вместо того, чтобы звонить вечером из Петропавловска-Камчатского. Она об этом до сих пор вспоминает... Я тоже вспоминаю, потому что наш экипаж наградили деньгами «в сумме 30 рублей каждого», а мы с Серёгой сутками только и слушали *ти-ти-ти* да *ти-ти-ти*. В рассказе я их практически пропустил...

НА ВРАНГЕЛЕ Я ТАК И НЕ УВИДЕЛ...

Не буду долго мудрствовать и нагонять туману, а сообщу вам сразу правдиво и прямо: на Врангеле я так и не увидел овцебыков, леммингов, полярных сов и розовых чаек. Кроме того – незабудку, сон-траву, примулу и мак, а также образчики палеоэскимосской культуры, что древнее Рима и Афин, как пишут признанные ассы Севера, а также давнее Киева и даже Химок, где я сейчас проживаю. Ну, о Химках я лишь только из регионального патриотизма, а остальное – вселенская правда. Говорят, что всего того, что я вам перечислил на острове полно в целом, а древностей много, но только в частности и лишь в Чёртовом овраге, где я тоже не был. Добавлю ещё, что мне так и не удалось увидеть летнее солнце, которое там висит постоянно и светит без отдыха, неспешно прогуливаясь по кругу. Вспомнил ещё, что был я на острове, когда по календарю там была уже не зима, а по барханам снега и глыбам льда она вроде как и была в это время именно там. Накрутил я о себе, конечно, «был-была-было», на суконном языке получилось, но остров на

протяжении многих тысячелетий как жил когда-то, так и живёт в настоящем времени.

А тогда мне оставалось сомневаться даже в том, что воздух над островом «прогревается» до 0°C, поскольку и в эти познания, опять-таки почерпнутые из стихов и прозы, не вписывались байки любителей экстрима о воздушных ваннах и обгоревших спинах. А ещё на острове Врангеля я не узрел гнуса и мошки, поскольку этих кровососущих там, как говорят, не водится даже летом. Потому радостно сообщаю, наконец, что в студёную пору я не контактировал с кусачим комарьём и ничуть не жалею об этом.

На Врангеле кажется, что до ближней сопки рукой подать, а шагать до неё нужно полдня. На Врангеле и до солнца рукой подать, хоть яичницу глазунью жарь. И если солнце улыбнулось над метелью или между облаками, то никогда не поверишь, что до него, как и над Рязанью, 150 миллионов км. Здесь царство вечной мерзлоты и самый северный в мире заповедник. Наш заповедник, с нашими бело-снежными сопками, с нашими пустынными берегами, согнутыми в косы и пляжи, изрезанными устьями сотен речушек и ручьёв, с нашими лагунами и лиманами, заливами и бухтами. Они могли бы быть американскими, английскими или канадскими, но остались нашими, и это весьма приятно.

Следовало возвращаться на материк. Денёк выдался сухим, мягким и солнечным, но мыс Шмидта пурговал, и самолёт к нам не пустили. И вот тогда не по годам зрелый начальник погранзаставы, чтобы избавиться от лишних недочетов и проколов в своей работе, вызвался представить, «если повезёт», пред руководящими очами белых медведей. В тот день наши влечения совпали, кабина и броня гусеничного вездехода стали родным домом, а тяготи́на с ожиданием борта сразу же позабылась. По ходу маршрута на горизонте видели силуэты местных бояр – диких оленей, а наголоватые песцы практически путались под гусеницами, начиная с сельской окраины. Вскоре мы остановились под невыразительной сопкой, где механик-водитель разломал руками хлеба, сдобрил их для аромата и вкуса армейской тушёшкой и раскидал на снегу эти незамысловатые по составу и оригинальные по формам кушанья. Дальше по распадку им же была устроена пунктирная тропинка из галет и сухарей, которую венчали сияющие серебром металла и манящие своим числом и содержанием банки со сгущённым молоком. Полным составом экипажа мы устроились за соседней сопкой, где и затаились. Таились долго, понемногу коченея, размышляя неодобрительно и абстрактно обо всех косолапых как о млекопитающих, затем конкретно уже

только о белых медведях, вглядываясь в окуляры биноклей.

Остров Врангеля зовут роддомом царей севера. Может быть именно для того, чтобы этот статус укрепить в наших глазах Настасья Петровна появилась в сопровождении медвежонка, но так, что это явление удалось засечь не сразу. Она долго топталась на месте, внюхивались и вглядывались, несомненно, чуя и посторонний дух, и неведомую опасность. Малы́й был уже не ясельного возраста, и казалось, что на соревнованиях мы могли бы выступать с ним в одной весовой категории. Вместе с тем, как и в парном фигурном катании, вначале он старался воспроизводить чуть ли не синхронное топтание, потом заинтересовался выступающими из-под снега камнями и полез их изучать, время от времени внезапно замирая на месте и настороженно оглядываясь – сначала по сторонам, потом забавно и, казалось, даже виновато – на матушку. В конечном итоге их консолидированное любопытство одержало победу. Звери медленно и осмотрительно спустились в распадок, где после обстоятельного изучения ситуации принялись за угощения. Мамаша съедала хлеб неторопливо и на месте, сопровождающее лицо косолапо отбегало с ломтём в зубах в сторону, стремительно съедало и несло за добавкой.

Затем семейка двинулась в сторону нашего укрытия, строго придерживаясь «съедобного» пунктира. Казалось, что приоритет в обнаружении галет и сухарей родительницей был осознанно отдан в пользу молодёжи, а всякую очередную находку сопровождало уже не столь длительное изучение и наблюдение за окружающим миром.

Венец нашей авантюры засветился в те минуты, когда дело дошло до молока, и медведица-мать улеглась на снегу, а её спутник скромно пристроился бок о бок. Уже привычная для них ритуальная пауза, затем – короткий шлепок лапы, преобразующий банку в блин, суета и урчание малого. Он не давал матери опустить голову, путался в ногах, пытался даже по мере своих неокрепших голосовых связок грозно рычать на неё, затем, будто осознавая свою вину, снова взвизгивал и ластился, жадно облизывая мамкину лапку, втискивая под неё голову, чтобы куснуть сладкого снега. Очередную банку сгущёнки медведица подгробала к себе, не вставая с места, плющила её легко, аккуратно и, казалось, что прилагала ровно столько усилий, сколько для этого требуется. В конце концов, она грозно рыкнула на медвежонка и отмахнулась от него другой, «несладкой» лапой так, что тот кубарём отлетел в сторону, а сама принялась за сладкое. Тот озадаченно и обиженно замер на месте и... по-

пластунски, на животе теперь уже пополз к мамаше, где к тому времени на снегу оставались лишь сияющие жемчужно-белые блины... К этому моменту я уже не сомневался в том, что в жизни этих особей мы уже не первые их поклонники. Что это уже не совсем дикая природа и не самые настоящие цари Арктики, а приученные к вкусной и здоровой пище хоть и дикие, но всё же – лицедеи.

Позднее мне не раз попадались на глаза свидетельства очевидцев поведения этих вальяжных великанов. О том, как умеет белый медведь подкрасться к тихоокеанскому моржу и стукнуть усатого земляка камнем по затылку. Как он залегает в торосах и, шевеля поднятыми вверх лапами, имитирует очертания зверобоев делящих добычу, а потом вскакивает и нападает на расслабившуюся охотничью публику. Как он мчитя в атаку, вынося вперёд ударную лапу и опустив голову вниз, чтобы противник не смог нанести ему смертельный удар в ключицу. Как он, предчувствуя поражение в бою, убегает на тонкий лёд, ломает его и прячется в проруби, оставляя над поверхностью воды лишь нос. Всё это я прочёл уже потом, а в тот день на финише обогащённой калориями тропинки медведи были уже в метрах от измятого камнями и торосами, истрёпанного бурями и дождями тягача. Из его окон и люков мы опасно разглядыва-

ли братьев наших меньших, где один из них был точно сестрой. Не стану детально обрисовывать габариты и осанку медведицы. В те мгновения мне не верилось, что когда-то люди выходили на медведя в одиночку, с примитивными копьями и каменными наконечниками.

Из той поездки на остров остались в памяти ещё полторы сотни торосистых километров пролива Лонга. И не славой «Челюскина», что бороздил их в 1933 году, а самолётом Ан-2, у которого всякие рычажки, трубочки и лючки были прикручены проволокой, изоляционными лентами и обычными тесёмочками. И посадка на примыкающий к твердыне Врангеля Фердинанда Петровича лёд по пути «туда» мне тоже запомнилась на веки вечные. Как и во времена челюскинцев, мы, подобно белым гусям, плавно и медленно кружились над льдами и скалами, а местный народ ударно трудился над расчисткой площадки для лыж нашего всё же надёжного и многократно испытанного Севером «кукурузника». На четвёртом круге тракторишка отъехал из полосы в сторонку, а лётчик весело прокричал мне: «Ну, всё, теперь, кажись, сядем!». И у него всё получилось отлично.

ЗАТУПИТЬ ПЕРЬЯ!

Указания начальников всегда портят нервы и здоровье. Так было и в этот раз: куцая директива с красной строки извещала, когда к нам в Провидение приедут журналисты из отдела партийной жизни центральной газеты. Дальше снова с красной строки чуток лицемерия, типа как о свободе совести и печати. Ещё дальше двуличность растаяла и пошли искренние слова, как бы чего не вышло, чего избежать, чего не допустить, что в обязательном порядке обойти стороной, что если даже и показывать, то лишь «под личную ответственность», а что категорически запрещается рассказывать и являть при любых обстоятельствах, невзирая ни на чью ответственность. В последних словечках, как обычно, наспех упакованная в ровный шрифт просматривалась небрежно измазанная размашистой подписью вкривь угроза: «мероприятия осуществить лично». Напечатано, конечно, ровненько, на машинке, но всё равно кажется именно «вкривь». Коротенько и смачно приляпано, будто бы верблюд плюнул, а отомстить заказано, поскольку тот устроил свой гадкий акт

сквозь решётку вольера, радуясь своей полной неуязвимости.

Так как приказы начальства публично обсуждать не принято, то этот документ я секретно лишь для себя только обозначил скверным, если не сказать мерзопакостным термином, за то что, во-первых, там написано «осуществить лично». Как-то у нас уже отбывала командировку испанская журналистка. Потом она сочинила столько разлетевшейся по всем Европам всячины, что будь бы такое в середине XIX века – командир полка тут бы застрелился из своего табельного пистолета, не поднимаясь даже для приличия из-за карточного стола. Впрочем, наш командир после прочтения этих рассуждений испанки в журнале счёл её письма следствием незнания реальной жизни, магнитных бурь в голове и чего-то ещё другого, наподобие хронической неудовлетворённости в интимных делах и приключениях. Не знаю, уж с чего он всё это взял, может, из личного опыта, но тогда сказал мне об этом открыто и безо всяких украшательств, что гнусностей в бытие нашей прославленной части он знает в сто раз больше испанки. Заметил ещё, что написать настоящих и действительно стоящих гадостей о наших делах и людях, он мог бы целое «Преступление и наказание» или «Сагу о Форсайтах», а испанка всё, что нашла, только испортила, трижды ис-

похабила и настрочила в сто раз хуже, нежели он надеялся от неё дожидаться.

Но я отвлёкся, да и век уже был другим. Офицеры в карты уже не резались, но в тот раз перед испанкой к нам залетала инструкция в виде сценария с припиской «организовать лично». Почувствуйте разницу между «осуществить» и «организовать». Для вас это, конечно, ерунда и игра слов, а вот для нас это даже с бредом сивой кобылы не спутаешь, потому что это нечто бюджетоемкое и обладающее мистической энергетикой. «Организовывая» лично, можно сказать, кому и что сделать, выделить машину или вертолёт, а дальше – хоть ягель не расти. «Осуществляя» же – следует горбатиться лично и вертеться на полную катушку. Мистика мною улавливалась в предшествующем скверном опыте и в поставленной задаче сделать так красиво, чтобы ничего не сделать, но гостям, а главное начальникам из округа – понравилось. Мистика ожидалась в повторении конечного результата.

Что означает, «во-первых», я уже вам кое-как поведал, а теперь ещё и про «во-вторых» прочтите. Эти журналисты нам были совершенно не в масть, поскольку как никто другой, а наша самая центральная районная газета «Полярник» где-то раскопала в эти дни курган всякой дребедени и при этом, по точному соображению нашего командира, потеряла всю свою

наглость и страх. Газетёнка бесстыдно и едко растрезвонила по всем ярангам и сельсоветам собственные побасенки под названием «Не стреляйте в белых журавлей». Суть её линотипно-свинцовой стрельбы и немотивированной наглости сводилась к тому, что на нашем авиационном полигоне какие-то человечешки в камуфляже стреляли то ли в белых журавлей, проживающих в нашем районе постоянно, то ли в пролетающих транзитом на остров Врангеля канадских гусей. А камуфляж на северо-востоке страны в то время по уровню потребительской доступности соответствовал пыжиковой шапке в Урюпинске. Только в Урюпинске пыжиковые шапки были лишь у секретарей горкома КПСС, а в Провидении камуфляж – только у пограничников КГБ СССР. В общем, тогда мы только-только успели обосновать, что таких браконьеров у нас нет, а у других – пусть другие ищут, потому что тундра крупнее ряда европейских стран, полигон не огорожен и не охраняется, и потому на нём даже аборигены в любое время года могут собирать и грибы и ягоды, а ещё и потому, что там всего лишь пустое место, куда падают наши бомбы и ракеты и то не каждый день. Кое-как мы едва лишь успели сочинить и распространить письма, что браконьеры – это не мы, а наш командир по инерции всё ещё подбрасывал поленья в принадлежащее ему лично пла-

мя рецидивной неприветливости и внутренней озлобленности к характеру нашей печати.

Таким образом, представленную мною телеграмму командир части принялся изучать с обычной тщательностью самого головоломного в своей карьере дела. Он у нас всегда выделялся из общего строя и папахой, и штабистской мудростью, и талантом устройства маниакального контроля над всеми событиями. Он у нас всегда требовал только от Адо-Яческой пунктуальности и строгого следования отштампованным им лекалам. Словом, он требовал воплощения подчинёнными своих решений и воли без всякой эластичности и собственной инициативщины. Он даже лейтенантов ругал не за то, что они в общаге гульнули и с сизыми носами припёрлись в штаб, чтобы у кого-то дёрнуть пятёрку до зарплаты. Он их угнетал и третировал за изначальные провалы в понимании офицерской чести. За то, например, что вместо бутылки благородного коньяку и лимона те на глазах у всей сельской элиты бесстыдно проволокли по плацу ящик дрянной хабаровской водки, а, хотя бы такой же по качеству, магаданской колбасы – взяли лишь полкило. Разъяснял, что денежная зависимость для русского офицера – это прямой путь к бесчестию, утрате собственного достоинства, и т.д., обычно завершая этот позорный перечень возможной изменой, боюсь даже се-

годня сказать кому. В подобных случаях, а они происходили только после наиболее славных революционных, боевых и трудовых праздников нашего народа, он, как правило, резал лейтенантам не в бровь, а в глаз такую правду, что полковников из них никогда не вырастет. Не получится из них даже подполковников, сколько бы он для этого не прикладывал своих сил и здоровья, сколько бы он не вскармливал их, как говорится, собственной грудью, а на оправдательные лейтенантские слова всегда находил свои удушающие или нервнопаралитические слова и умозаключения.

В общем, командир над адресованной мне директивой на этот раз вначале капитально застыл, а затем стал багрово-красным, и я тотчас понял, что это мимикрия, которая синхронизирует цвет его щёк с окрасом его дум и помыслов. Всё вместе базировались на его излюбленной аксиоме, что все журналисты сволочи, от них все неприятности, ими должен заниматься политотдел, а в политотделе люди хоть и хорошие, но к журналистам относятся не так, как следовало бы, так что в любой семье не без уроды, как и в нашей прославленной части. С оцепенением злостного неплательщика алиментов на товарищеском суде части я всё же ожидал его повеления на прикосновение к чему-нибудь пьяняще-неизведанному, типа как к свободе совести и печати.

И действительно, командир снова изменил свой цвет до гранитно-мраморного, после чего забронзовел и, не поднимаясь из кресла, взмыл вверх над ситуацией, как это он всегда делал перед практическим употреблением своей безграничной власти. Затем было провозглашено его решение: «Берите, что хотите, делайте, что требуется и затупите им перья так, чтобы у нас новой испанки не было. И надеюсь, что на территории моей части мне с этими журналистами встретиться не удастся, хотя было бы нелишним взглянуть в их бесстыжие глаза». То есть если и взгляну как-то невзначай, то лишь из-под забора нашей прославленной части или поверх забора, но сквозь колючую проволоку, которая над ним привязана для борьбы с нашими наиболее физически подготовленными самовольщиками и безответственной сельской пацанвой.

В тот раз для успешного выполнения приказа потребовалась дружеская поддержка начальника тыла, административный нажим на одного нашего многоопытного офицера, который увлекался местной историей, никогда в пьянстве замечен не был, но по утрам и обычно по понедельникам жадно хлестал воду из-под крана, не обращая внимания на её температуру и качество. Начало заполнения редакционного портфеля было положено в малюсенькой бухточке Пlover, где в 1958 году под

снежной лавиной в одночасье погибло пятнадцать пограничников и эскимосов. Там же состоялась фотосессия. По пути в гостиницу возникла ещё копчёная уха, что и позволило с темой героизма в пограничной службе покончить. Для раскрытия темы единства армии и народа сгодились товарищеские завтраки, плавно перерастающие сами знаете во что. Промелькнул денёк в музее – в гостях у моего друга талантливого фотографа Володи Журавкова, вечерок-другой в столовой райкома партии – у властелинов судеб всех местных народов, ночка в баньке СМУ «Провиденстроя», отискрился костерок под шашлыками на косе дальнего привода аэропорта, что почти что на берегу океана и т.д. Потом ещё я многократно по буквам диктовал в Москву фамилии наших лучших воинов и указывал места их призыва, название сёл и бухт, разъяснял по телефону, из-за какой сопки высовывается солнце или наплывает туман, чтобы нагнать больше суровости о нашей жизни, а борзописцы и острословы своими перьями не дали географического маху. Пришлось даже за межгород со своего кармана доплатить немножко, но жена об этом до сих пор не знает.

Командир на служебном совещании озвучил газетную полосу лично. Офицеров или прапорщиков, из числа названных в публикации лучшими из лучших, он поочерёдно под-

нимал со своих мест и детально разжёвывал собранию характер имеющихся персонально у каждого из них недостатков и упущений. Затем он досконально растолковал положение дел в части и заметил, что оно у нас в сто раз хуже, чем написано в газете, и на эту тему он мог бы написать в тысячу раз больше всяких вопиющих примеров, которые примерами являются в кавычках, а без этих кавычек это не примеры, а преступления и разгильдяйство, на которые наши глаза уже замылились, а журналистские глаза, как обычно, даже не раскрылись, хоть и имеют эти глаза московскую прописку, а он тут служит в деревенской глуши и до сих пор без всяких очков и биноклей всё это прекрасно замечает на каждом шагу.

А в самом конце он ещё и сказал, что в нашей части без няньки ничего не умеют делать, что даже журналистами он вынужден заниматься лично, хотя это и не его дело, и что ему нянькой здесь быть уже надоело, а у него других дел практически по горло, хоть он и живёт не в Москве, как те приезжие, а где попало и практически без выходных.

По такой причине я и не могу вам сообщить точно, удалось ли нам затупить перья до требуемого угла тупизны, потому что оценка проделанной тогда работы оказалась сложноватенькой.

МЫС ОКОЛОВОЕННЫХ ДОКТРИН

Когда Витус Беринг обозначал на карте этот мыс и нарекал его в честь своего мичмана Петра Авраамовича Чаплина, здешним аборигенам скорее и в страшных снах не приходило, чем эти события для них обернутся. Жили тогда на этом мысу эскимосы, что есть «едящие сырое мясо». Но какая разница, что они здесь едят? – поразмыслили отосланные правительством для сбора налогов казаки. Кто на Чукотке живёт – тот и чукча! Тем более ещё, что невзлюбили царёвы ратники «немирных чюкоч» за нежелание платить ясак и сотрудничать с новой властью, более полутора века воевали с ними, а эскимосы в ряды казачьих союзников не рвались. Другое дело – коряки, якуты, юкагиры... Это – свои люди. К тому времени «чюкочи» своими налётами на их оленьи табуны и поселения успели принести немало бед. Поэтому, зацепившись за российское покровительство в баталиях с непримиримыми туземцами, коряки и Ко охотно прикнули к лихим казачьим дружинам.

А чаплинцы жили своими заботами. Они охотились, рыбачили, собирали дикоросы, но

всегда знали, как свою родину-мыс защищать. Несколько тысячелетий назад они уже ведали, как отражать нападения на свою древнюю столицу Уназик, и соорудили здесь крепость, сложили из камней оборонительные редуты и наблюдательные башни на сопках Гуйгунгу и Рыгнахпак у другого эскимосского села Униырамкыг и, по сути, укрепили фортециями самые уязвимые места мыса. Рассказываю вам об Уназике, а пишу – «чаплинцы». Поясню, что это древнее село располагалось на косе мыса Чаплина, между морем и лагуной, поэтому эскимосов называли «чаплинскими». И если приходил к чаплинским эскимосам враг «так себе» или «ни то, ни сё» – у них было куда укрыться, откуда запустить в толпу агрессоров ледяной шар-таран или ледяную нарту-таран, с замороженными в неё копиями, было, откуда пощекотать вражьи силы стрелами, а затем атаковать – добить или разметать по тундре. Если враг серьёзно превосходил возможности и силы защитников мыса, то в таких случаях – можно было на время и в море уйти, а там – ринг покажет.

Кстати, и перед американцами чаплинские эскимосы шляпу, то есть малахай – не ломали, а смело устремляли свои байдары и каяки в 80-километровые походы к острову Святого Лаврентия, что на языке юитов – Сивукак. Высаживались там, устрашали своих давнишних

врагов леденящим кровь волчьим воем, объявляли здешней Америке войну, а когда командир поднимал обращённые к солнцу луки, смело шли в атаку, чаще всего побеждали и с трофеями возвращались в Уназик. Понятно, что до американского острова не близкий путь, а война на чужой территории предприятие опасное. Но в легендах чаплинских эскимосов помощниками были такие шаманы, которые могли и шторм остановить, и добиться от духов безболезненного изъятия вражеских копий и стрел из полученных в боях ран. А не любили они сивукакцев ещё и потому, что сивукакцы любили с гестаповским садизмом высверлить в черепах военнопленных дырки и наслаждаться мученьями своих жертв. Тем не менее как у чаплинцев, так и у сивукакцев имелись свои приятели – «напарники», которые перед сражениями малевали себе лица углём, чтобы указать воюющим сторонам на свой нейтралитет. Таких – не трогали.

Мыс Чаплина всегда притягивал внимание властей, а власти всегда мыслили стратегически. С новой эпохой к эскимосам Уназика пришла новейшая советская власть, которая для начала построила красную ярангу и объявила вне закона шаманов. В 1926 году некоторых чаплинцев власть забросила для освоения Арктики и защиты острова Врангеля от чужеземных посягательств, а остальных туземцев

завлекла в колхоз. В годы войны власть поручила эскимосам заняться авиацией, и автохтоны построили на своей косе приличную полосу для приёма американских «Аэрокобр» и «Дугласов» и отправки их на фронт. У эскимосов ещё был запас прочности: ловкость, обретенная в упражнениях с гарпуном и копьём на охоте, смелость – в бою, северная выносливость – в морских походах, житейская мудрость – в университетах выживания, на кафедрах эпидемий, голода и холода.

Закончилась война, но стратегическое значение мыса Чаплина только возрастало. Здесь уже появилась пограничная застава и полярная станция, потом – «точка» противовоздушной обороны. Если кому получится попутешествовать сегодня на вертолёт из Providenia до мыса Чаплина, вам не удастся обойти вниманием рукотворные проявления в нерукотворном ландшафте. Здешняя тундра усеяна, унижена и изрезана окопами, блиндажами и бункерами, дотами, складами и казармами армии маршала Рокоссовского. После войны именно его танковая дивизия, артиллерийские и ракетно-зенитные полки тянули лямку на этих непрестижных просторах. Естественно, что для танковых армий здесь никогда не существовало дорог, а для артиллерии – таких врагов, каких можно было бы достать пушечными калибрами. Удалые фронтовики даже в

Уреликах, под носом у штаба своей армии, жили воспоминаниями о собственном героизме, мечтали о «дембеле», беспробудно пьянствовали и цинично насиловали женщин. Самых отъявленных беспредельщиков, по свидетельствам очевидцев и в назидание другим – периодически расстреливали перед строем, но это существа их доктрины или взглядов на военную кампанию – не меняло.

Потом Чукотку вовлекла в свою карусель «холодная война». И, может быть, поэтому эскимосов, чтобы те своими поворотными гарпунами не повредили невзначай какую-нибудь атомную лодку, а их собаки и олени – шаман их знает, что у них на уме – не искушали и не поцарапали зенитку, поначалу мягко депортировали из села Аюклик, т.е. с острова Ратманова. В конце 50-х очередь дошла до эскимосов Наукана, а затем и Уназика. Так легендарный Уназик, который к тому времени был уже Чаплино, «переехал» на берег бухты Ткачен и поселился там под именем Новое Чаплино. Так великий северный народ оказался там, где раки, может быть, и зимуют, но моржей и тюленей не наблюдается, а традиционная для эскимосов морская охота является таким же иллюзорным предприятием, каким стало бы в Берингии производство матрёшек либо выращивание кукурузы. Оставалось догонять и ловить руками мчащихся песцов и

зайцев, что в легендах и сказках эти люди всегда умели, или с помощью пращи и болы – бить уток. Таким образом, власть завела эскимосов в социализм, социалистический труд освободился от морских опасностей, а «новорождённая свобода, – как когда-то писал А.С. Пушкин, – вдруг онемев, лишилась сил».

Сёла-призраки Уназик и Униырамкыг словно бы растворились во мраке вечной мерзлоты, преднамеренно обронив знаки древней эскимосской культуры в виде крепостных стен и башен. И лишь 12-километровая коса между морем и лагуной стойко выносит удары стихий, чем-то напоминая широкую беговую дорожку – акфакугвик, которую эскимосская молодёжь когда-то устраивала для тренировок и соревнований возле отчих яранг. Надо ещё сказать, что на первых страницах истории «советизации» Уназика имеется версия о несанкционированном властями уходе части чаплинских эскимосов на остров Святого Лаврентия в США, что оставляет какую-то надежду на сохранение их глубинных традиций, самобытного чаплинского диалекта и культуры.

Летом 1988 года мы получили свежее повеление о повышении степени милитаризации мыса Чаплина. В те дни пограничники, вгрызаясь в вечную мерзлоту галечной косы, рубили блиндажи, укрытия и оборонительные траншеи вокруг заставы, где и обнаружили

грудю обломков бивней мамонта, пару пудов морёных клыков и окостенелых моржовых гениталий. В районной культуре археологов не числилось, а энтузиастов, готовых продолжить изучение клада с ломом и киркой, не нашлось. А вот из Нового Чаплино к заставе трудящиеся подтянулись. Дело обретало политическую окраску, поскольку каждый из гостей был так же твёрд во взглядах, как и любой соратник Ленина в воспоминаниях о перемещениях исторического бревна по территории станции Москва-Сортировочная.

С угрюмой озлобленностью и презрением разглядывали мешки с «рыбьими зубьями» трудящиеся РОВД, упирались, что для них главное – борьба с криминалом и рецидивом, собачились, что «они не склад», и долго уклонялись от сочинения расписки в получении. А уже потом, длинными полярными ночами райцентровские умельцы ваяли из этих клыков сувениры, сообразительные начальники всегда впопад умиротворяли этими северными фантазиями областные и центральные инспекции. Смекалистые уста дары подносящих излучали просветлённые знания истории нашего района, а их лица лучезарно сияли.

Больше четверти века прошло. Что там сегодня на мысу Чаплина? Уверен, что там живут пограничники, думаю, что, скорее всего – военные связисты, пеленгаторы или ракетчики.

Знаю, что там имеется радионуклидный термоэлектрический генератор (РИТЭГ) со стронцием–90 или плутонием–238 и 25-кратным превышением уровня допустимой радиации... (Если не вывезли в последние год-два.) На сто процентов убеждён, что эскимосов на мысу нет.

Предполагаю, что полвека назад побережье Чукотки избавили от эскимосов не потому, что их древние поселения утратили свою социалистическую перспективу, о чём так часто и много пишут. Думается, что произведены эти местечковые переселения лишь для того, чтобы отодвинуть аборигенов от привычных для них коммуникативных маршрутов и связей и тем самым обеспечить полную безопасность берегов Родины. Как бы чего не вышло... Вероятно, что в такой версии можно укрепиться окончательно только в том случае, когда будут изучены все прежние места перемещённых и нерентабельных сёл Чукотки.

В древние времена после успешного сражения аборигены отпускали не менее двух пленных, чтобы те донесли своим соплеменникам новые угрозы и требования победителей, разнесли славу об их силе, рассказали о своём позоре. Одному пленному верить нельзя. Так и хочется эту заметку в соавторстве с кем-то. Чтобы поверили или проверили и такую версию.

ЕСЛИ БЫ НЕ БОЯРСКИЙ СЫН...

Считается, что когда-то давно глобальное обледенение на Чукотке напрочь извело крупногабаритную и уникальную живность. А теперь весь мир в ожидании глобального потепления, и о перспективах возрождения живности мы пока ещё ничего не знаем, хотя с мамонтёнком Димой эксперименты проводим. Учёные гадают: один градус для Санкт-Петербурга или для Амстердама это глобально или не глобально?

Для Провидения – глобально, и уже давно. Это же вам не какой-нибудь Рейкьявик, хоть и «сидит» на той же параллели. Для Провидения пик волнений уже позади. Судите сами – наиболее удачливые покорители Севера дерзко променяли свои квартиры и виды на сказочную бухту, отправили свой скарб на материк и убрались восвояси. Замечу, что за трёхкомнатную квартиру просили 5-тонный контейнер, а соглашались и на 3-тонный... Село Урелики оставили на дрова, дрова сразу же сожгли, и теперь ни одному врагу, если он, сбившись с пути, забредёт сюда невзначай, ничего не достанется.

Спрашивается: зачем же тогда в 1660 году сюда заходил боярский сын Курбат Иванов? Зачем же он об этой бухте докладывал своему шефу – якутскому воеводе М.С.Ладыженскому? Мог бы и промолчать, тем более ещё и потому, что воеводе к тому времени северные просторы уже изрядно надоели. К тому времени он уже глубоко запустил свою руку в царскую казну, бессовестно «корыстовался» ею, а после отстранения от должности по пути на допрос загадочно и внезапно помер в Маковском остроге на Енисее.

О незавидной роли сослагательного наклонения в истории писано немало. Что из этого? Не поспешил бы боярский сын с докладом и, может быть, бухта так бы и оставалась никем не разведанной. По крайней мере до тех пор, пока стихия не забросила бы в неё моряков английского судна «Пlover» под командованием Томаса Мура, пока они здесь не провели бы зимовку 1848-49 гг. и посчитали бы, что Святое Провидение помогло им обнаружить эту бухту посреди зимы духов и мрака неизвестности и, благодаря этому, выжить.

В 1920 году в бухте Провидения, берега которой сложены природой из затуманенных сопок, отвесных скал и уютных бухточек Цветок, Эмма, Всадник, Хед и Пlover, побывал корабль береговой охраны или попросту БОХР США. Американцы по причине своей тради-

ционной заносчивости и врождённой хвастливости сделали вид, что они никого не боятся, а эти сопки и скалы принадлежат им. Тогда им особенно приглянулась бухта Эмма, на берегу которой они и поставили свой знак, правоустанавливающий над обледелеными далями юрисдикцию США. Если бы не боярский сын, бухта бы к России отношения не имела и могла бы воистину остаться американской, так как англичане завязли в Индии и им было мало дел до находок и открытий капитана Мура. Тем более ещё и потому, что ещё раньше, по пессимистическим выводам Анадырского коменданта Ф.Х.Плениснера, эти земли были представлены руководству России как «...последнейшие и беднейшие всего земного круга в последнем краю лежащие». Да и Сенат отличился. Сенат тогда уже убедил императрицу Екатерину II, что «чукоч, в разсуждении лехкомысленного и зверского их состояния, також и крайней неспособности положения мест, где они жительство имеют, никакой России надобности и пользы нет, и в подданство их приводить нужды не было».

А ещё нам известно, что в бухте Эмма, как раз напротив тех Уреликов, которых теперь уже нет, на ещё не взошедшей над Чукоткой заре советской власти образовалось крепкое хозяйство знаменитого и алчного американского купца и живодёра Томсона с ярангами и

складами, ломящимися от обилия товаров, и меновыми лавками. Томсон славился белозубой американской улыбкой, деликатными манерами, вежливым обхождением и умением хитро выманывать у аборигенов за бесценок меха, бивни мамонта, клыки моржа и китовый ус. Томсон загонял туземцев во всё возрастающие долги, поскольку у обитателей убогих эскимосских Авана, Киги'ни, Кивака, Уназика, Униырамкыта, Укигырака, Уреликов, Сиреников и Яндракинота не имелось антимонопольных приёмов и способов продать свои товары хотя бы другим, но не столь бесстыжим спекулянтам, кровопийцам и душителям трудящихся народов ничейного Севера.

Но если бы не боярский сын, то получилась бы фантазмагория с забавной конфигурацией. Под американским флагом внуки и правнуки Томсона продолжали бы здесь приторговывать. Но затем сюда набежали бы и другие любители экзотической торговлишки, которые бы и завалили все сельмаги и супермаркеты бутылками виски и кока-колы, качественным секонд-хендом, вкусным фаст-фудом, горячим попкорном, а также бананами и фруктовой жвачкой. Сюда бы понаехали зубры и акулы Голливуда, которые снимали бы себе триллеры о доисторических динозаврах и последних мамонтах, мелодрамы о трагической любви 3-метрового юноши-Yeti к сержантке

ВВС США Мэри, экранизировали бы похождения Джека Лондона в период золотой лихорадки и присуждали бы сами себе различные статуэтки. Да ещё туземцев объединили бы в резервацию, потому что после глобального потепления в бухте Провидения навигация стала бы уже круглогодичной, и там поставили бы военно-морскую базу, чтобы защищать свою Арктику, и радар, устроенный для перемигивания с Польшей.

Чукчи и эскимосы по-прежнему считали бы себя истинными и доподлинными людьми. В их мифах и легендах теперь уже не русские, а американцы считались бы «ведущими себя драчливо» монстрами, с «усами как у моржей, глазами круглыми, железными, копыями длиной по локтю». В чукотско-эскимосской концепции о сотворении мира мы стали бы прекрасными и добрыми соседями, а предназначением американцев считалось бы производство чая, табака, сахара, соли, железа и торговля.

Зато мы были бы здесь ни при чём, боролись бы спокойно за всякие свободы в целом и даже лучше, чем любые правозащитные организации и комиссары по правам человека. Мы выступали бы за спасение генетического фонда коренных малочисленных народов в условиях глобализации, а также за развитие оленеводства и охотничьего хозяйства, за со-

хранение и поддержку этнических культур и языков народов Севера. Мы потребовали бы от Генеральной Ассамблеи ООН принятия Декларации о правах циркумполярных народов, от ВТО – каких-нибудь послаблений, а от Всемирного банка и ВОЗ – много денег. От Джорджа Буша – введения должности полномочного представителя Президента США по правам малочисленных народов, а также запрета на разработку Восточно-Чукотской ураново-рудной конференции в Провиденском районе и подговорили бы ещё японцев, чтобы они тоже выступили против добычи валяющихся там 10 тысяч тонн разведанного урана. Ещё мы бы заклеили их позором, за то, что спаивают аборигенов, продавая на каждом углу вместо хлебного кваса виски. Да, мы решительно поддержали бы законные требования американских налогоплательщиков Чукотки о снижении транспортных налогов на энергетические напитки, гамбургеры и чизбургеры, а также услуги ЖКХ, повышения госгарантий по ипотечному кредитованию продукции «Крайслера» и «Дженерал моторса», а также налогов с прибыли от всех казино и термальных источников Лас-Лорино.

Тогда бы наши люди, даже из числа диссидентов, инакомыслящих и политических анекдотчиков, чукотский климат не ругали бы, а в рассуждениях о Гулаге и Дальстрое у

них получился бы полный облом. Россияне не так сильно переживали бы о погибших на Чукотке саблезубых тиграх и дальнейшего глобального потепления в Проведении не опасались бы, потому что без наших чиновников политика освоения Севера здесь уже ни чем бы ни напоминала ту истеричную барышню, которая в любое мгновение может выкинуть что-то новенькое и преподнести сюрприз американскому автохтону..

P.S. Фантасмагория – это, как вы правильно понимаете, причудливое бредовое видение. Я, как и боярский сын, за нерушимость границ и территориальную целостность государства.

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МОСКВЫ

1. ВЗВЕСИЛИ И РАССМОТРЕЛИ

Позвонил мне начальник мой главный. Точнее будет сказано, совсем даже не он, а из его приёмной сварливая женщина голосом чужой бабушки дотянулась трубкой до наших сугробов и выговорила строго: «И.О. приказали Вам связаться с ним срочно». Для неё-то И.О., а для меня даже ФИО не скажешь, тем более ещё после такого Их приказа. Так что позвонил я, а генерал-майор взял и сказал такие добросердечные слова, что тут-то я и понял: по-хорошему не кончится. Лучше бы он поругал, и всегда ведь было за что. Я как в воду глядел, а генерал сказал так задушевно или даже по отечески, что мы тебя мол, Георгий, *рассмотрели* и утвердили кандидатом в депутаты Совета народных депутатов Чукотского автономного округа. Так что валяй, дескать, в стан больших и государственных людей.

– Так ведь командир же наш депутатом ходит? Как же я его буду вытеснять с поста, это же неправильно, что народ подумает?

– Ротация, понимаешь... Ротация. Здесь мы всё правильно *взвесили* и не один раз, подготовься, открой глаза людям на Чукотку, доложи о своей работе, список реальных обещаний возьми в райкоме партии, а командиру я об этом как-нибудь сам сообщу.

Представил себе, как они там, в Петропавловске, сидели и «рассматривали» меня, а потом собрались вокруг напольных весов и «взвешивали»: то – командира, то – меня, то – полковника, то – майора. Хоть убейте – все замеры не в мою пользу. А командиру видимо ещё до взвешивания и без генерала что-то курлыкнули, потому что начал он смотреть на меня без всякого интереса. Не так, как на своего заместителя, а словно бы на постороннего и не самого лучшего трудящегося с морского порта или ПТУ, которые нам в основном до лампочки.

В райкоме приняли без проволочек, однако с радушием, сдержанным. Осмотрели пристально-оценивающе с ног до головы и так внимательно, будто бы я заявился в это заведение, по крайней мере, в комнатных тапочках и с берёзовым веником под мышкой, спутав его дверь с чем-то другим. Чуть ли удостоверения личности не потребовали, будто бы позавчера им без моей помощи удалось поменять полсотни метров дюймовых труб на трубы в три четверти с доплатой за услуги мне персо-

нально в виде фанеры, ватмана, эмульсионки и краски.

Но ничего. Аккуратно поинтересовались, когда переводится командир и куда? Спросили, кто будет новым полководцем, и перешли к фабуле презентационной речи. В полученных мною материалах были очень толково перечислены «болевые» точки объектов недвижимости, инфраструктуры и социальной сферы Провиденского района и теперь уже моего избирательного округа. Под каждым из абзацев помещалась выписка из плана социально-экономического развития на ближайшие годы: что и когда будет спроектировано и построено. Избиратели ведь уже не дети и должны себе понимать, что проблемы я вижу насквозь, а их решение – для меня дело пустяковое.

И когда же по ходу беглого прочтения той полезной и важной информации заикнулся я невзначай, что в районе Гнилого угла по дороге из Уреликов в Провидение следовало бы сделать подсыпку и отремонтировать дорогу, что и было бы разумным посулить сельским и поселковым труженикам, мне вручили ещё одну шпаргалку. Этот документ сопроводили такими словами, которые удостоверяли, что каждый, дескать, овощ должен хорошо знать свою грядку. А в шпаргалке призывали конкретно и доказательно превозносить мудрость и внимание к чаяниям народа окружно-

го Совета народных депутатов Чукотки в целом и Провиденского начальника райисполкома в частности, которые располагали другими шпаргалками. И лишь тогда я усёк окончательно, что у нас никто не забыт, ничто не забыто, а Гнилой угол так тот вообще попал в вивовский план и в центральный замысел.

Но про Ленина в бумагах ничего не было, что меня, как наследника славы комиссаров, полпреда партии в войсках сильно озадачило и удивило. Кроме того, большинство избирателей носили солдатские и сержантские погоны, которые через год-полтора теряли свою актуальность в жизни точно так, как и мосты, которые на Чукотке будут построены эдак лет через 10-12. Поэтому я придумал такое выступление, чтобы Ленин в стороне не остался, а продолжал воспитывать наших людей и был везде с ними. Вот под таким прицелом и начались мои камлания по всему району.

Из давнишнего ежедневника вычитал, что в среду 22 апреля 1987 года выступил с докладом в Уреликовском клубе «Полярник», что находится и, может быть, кому-то даже известно об этом, в Провиденском районе Чукотского автономного округа, который в те годы относился к Магаданской области. Понятно, что доклад вряд ли «открыл людям глаза на Чукотку», как того требовал начальник, тем не менее, сейчас набрался-таки я наглости цити-

ровать самого себя, Ленина заодно и таким образом к его славе незаметно примазаться. Тема кандидата в депутаты Совета народных депутатов Чукотского автономного округа по избирательному округу № 89 так и звучала «Ленин и Чукотка». Доклад был длинным, как и список встреч с избирателями. В тексте я всегда отмечал известными себе знаками, цветами и линиями, что из него вычитать на этот раз. Таким образом «пройдусь» по строкам абзацев над зелёным пунктиром с цифрой 22.

2. ДАЛЬШЕ ПО ТЕКСТУ

Получается, что в докладе я детально убеждал аудиторию в том, что возрождение коренных народов Чукотки связано с именем Владимира Ильича Ленина, что «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», подписанная нашим вождём, своевременно и верно провозгласила принцип национального равноправия, который блестяще корреспондировался с интересами народов Крайнего Севера.

«Можем ли мы признать правильным утверждение, – цитировал я речь Ленина на II конгрессе Коминтерна, – что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых, после войны замечается движение по пути про-

гресса...». Конечно, нет, – безапелляционно отвечал я самому же себе. – Тем более что учение Ильича о некапиталистическом пути развития отсталых народов стало победоносной Программой социалистических преобразований на Чукотке.

Удачно перекинулся на местных классиков. «С именем Ленина, – писал Юрий Сергеевич Рытхэу, а я это читал, – были связаны: работа первой советской школы в Уэлене, открытие первой советской лавки, справедливые цены на пушнину, организация первых артелей, создание чукотской письменности. С именем Ленина работал первый доктор, излечивший больных, приговорённых местным шаманом к неминуемой смерти. Первое слово, которое писали ранее неграмотные люди, было – Ленин. С ним появилась надежда на будущее, на избавление от голода и болезней, надежда на жизнь». В тот раз Рытхэу я процитировал ещё раз четыре, наверное, для того, чтобы аудитория ещё больше влюбилась в Ленина и в прославленного сына чукотской земли. Затем я справедливо напомнил присутствующим о том, что слова «Ленин» и «коммунист» коренные народы Чукотки всегда считали тождественными, а по их рассуждениям, каждый приезжий коммунист был послан Лениным помогать бедным и дарить им счастье.

«С первых дней нашего приезда в Уэлен, – вставил я предлинную выдержку из воспоминаний секретаря Камчатского областного ревкома в Чукотском уезде Г.Г. Рудых, – мы начали знакомиться с населением, их бытом, методами охоты, их нуждами. Конечно, сразу бросалась в глаза отсталость населения. Школа не функционировала, так как учительница с появлением у нее ребёнка прекратила работу, а в течение полутора лет она не смогла научить детей ни писать, ни читать. Топлива в школе не было. Медицинской помощи по всему Чукотскому уезду не было никакой. Население жило в тёмных, без окон, ярангах, которые освещались и отапливались жировыми светильниками. Основное питание было мясо тюленей, моржей, китов, часто в сыром виде... При знакомстве с людьми оказалось, что чукчи и эскимосы – народ очень трудолюбивый, честный, гостеприимный (как и все народы Севера), но в то же время очень невежественный, суеверный, верил в злых духов. Столкнувшись с таким положением, нужно было помогать людям выходить из нищеты и бескультурья...». Этой цитаты мне показалось мало, поэтому об отсталости аборигенов я на всякий случай озвучил избирателям и избирательницам ещё пару страниц заполненных региональной безграмотностью и нарушениями санитарно-

гигиенических норм жизни, которые здесь пропускаю.

Затем я рассказал присутствующим некоторые чукотские легенды и сказания о великом вожде – друге всех обездоленных, передававшиеся от яранги к яранге. Из их числа выбрал ту, что в январе 1928 года появилась в Хабаровской краевой газете «Тихоокеанская звезда» под названием «Самый старший – большой Иличич». «Самый старший у них Иличич, – пишется в газете, – большой, большой, больше чем та светлая гора, за которой нашли чёрного дьявола. Иличич научил людей быть хорошими. Он рассказал им, в чём справедливость. Он велел им быть справедливыми с нами. Теперь Иличич тоже ушёл в большую туманную тундру, но и оттуда он говорит своим людям, те слушают его». Уже сейчас подумал: здесь что-то не так. Образ В.И. лучезарный, гора – светлая, однако за ней «нашли чёрного дьявола»? Спрашивается: кого же там нашли, и какое он отношение имеет к светлой горе? Сосед, попутчик, коллега, единомышленник? Это я уже сейчас стал так смело думать, а тогда лишь прочитал и точка.

Там ещё было много сказок о том, как Ленин приезжал на Чукотку, заходил в чукотские яранги, рассказывал, как прогнал богачей и шаманов, что привело к радостной жизни. Эти сказки пропускаю, чтобы сюда втиснуть

для примера легенду заслуженного художника РСФСР Вуквутагина. В ней голос Ленина доносился из Москвы и приводил в ужас угнетателей трудового народа: «...на небе ярко загорались сполохи, и услышали чукчи голос Сильного Человека из Москвы. Этого человека звали Ленин. Он сказал чукчам: Не слушайте шаманов и богачей, они хотят, чтобы у вас ничего не было, чтобы вы всегда, как и до сих пор, работали на них. Этого больше не будет. Испугались шаманы и богачи, разбежались, попятиться».

Потом ещё была выдержка из архивной копии резолюции собрания жителей села Имтук Чукотского района от 20 января 1930 года, где значит: «Выслушав доклады, мы, граждане села Имтук, в тяжёлые годы строительства государства, обещаем строго хранить заветы В.И. Ленина, и поддерживаем Советское государство». Поскольку села с таким названием как-то сразу не обнаружил, то на вопросах хранения заветов вынужден был остановиться в целом. А спустя десятилетия в одном из источников случайно обнаружил, что села уже нет, зато к востоку от села Сиреники археологами давно уже обнаружено многослойное поселение «Имтук» датированное I-м тысячелетием нашей эры.

А вот с Уэленом оказалось проще, он оказался на своём месте, и воспоминания этно-

графа Б.И. Баума о том, что 21 января 1933 года там прозвучал «первый доклад о Ленине на чукотском языке», который был «прослушан с напряжённым вниманием» и прошёл «на ура», своим избирателям я довёл. Правда, в конспекте не написано, какое впечатление произвели на уэленцев остальные факты из тех давних событий. То, например, что гвоздём программы было включение электрического освещения в школе, что пионеры подготовили первый номер газеты на чукотском языке о Ленине, комсомольцы живую газету о нём, а хор исполнил любимую песню вождя «Замучен тяжёлой неволей».

3. ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Следует честно признаться и обратить ваши взоры к тому факту, что в ходе предвыборной гонки за мной никто не гнался, ввиду отсутствия других кандидатов во власть. Замечу, что глаза «открыл» всем, позаботился о праздничной обстановке в части, об участии в голосовании нарядов и караулов и даже о том, чтобы всех отъявленных нарушителей дисциплины вызволили из гауптвахты и проследили за тем, как они распорядятся бюллетенями. Перспективы развития района я выучил не хуже лучших специалистов исполнительной власти.

Но на выборах «не дотянул» даже до 99,5 процентов «за», что было не такой уж и безо-

говорочной победой, поскольку у 0,5 избирателей оказались другие взгляды на прошлое и на будущее Чукотки. Понял, что 0,5 процента – это не совсем наши люди, и потом ещё часто всматривался с виду как бы и в наших людей, которые думают не по-нашему.

Конечно, это были не выборы, а ритуал со всеми элементами театральной постановки. В её сценарном плане я и сам говорил одно, думал другое, а делал третье, чем-то манипулировал, что-то моделировал.

Приятно, что командир сделал всё необходимое для того, чтобы всё было хорошо. Привидевшаяся мне его неприязнь и невнимание оказались лишь продуктами моего сомнения. Ему и правда пообещали перевод, но сделали всё это размазану и малопонятно, а затем и последовал мучительный процесс его перевода: то в Рязань, то в Казань, то кумом королю – то дальним родственником неизвестно кому. Так бывает, но в этом деле даже Ленин ему помочь не мог, хотя на Чукотке помогал – каждому.

ОСОБЕННЫЕ ЛЮДИ НА ЦВЕТНОМ БУЛЬВАРЕ

Одна из столбовых дорог царицы наук философии очень давно проторена от **единичного** к **особенному**, а затем и к **общему**. На пути к культуре и просвещению маршрут тот же. Более двадцати лет тому назад мне посчастливилось познакомиться сначала с **единичным**. Посланцы «Литературной России» прилетели на Чукотку. Зрелища им требовались только **единичные** и **особенные**. Эти ребята удивительно хорошо понимали Север со всеми красотами, которые тот мог им подарить, представить, показать, выложить на белоснежной тарелочке независимо от цвета её каёмочки или привезти на вельботе, вездеходе, оленьей или собачьей упряжке, на лыжах, а то и пешком доставить. Тогда я ещё не знал, что у одного из наших гостей счастливое детство прошло на Колыме.

В то время любое несанкционированное общение с журналистами было нежелательным, а то и опасным, а последствия рассуждений о работе, границе и шпионах, ночных схватках или погонях по тонкому льду Берин-

гового пролива могли быть просто губительными. Схваток таких, к счастью, не было, а Д.Шпаро ещё не успел сообразить, чем бы ему заняться на этом зеленоватом и торосистом льду. Не было ещё и дамской «Метелицы» на лыжах. Гостям нужен был остров Ратманова с полосочкой ничейной красоты. А туда было ни-з-з-зя! Мне оставалось лишь вуалировать в более-менее приличном, по собственному убеждению, смысле этого слова, затеня существо дела, или канителить в смысле позорном и действовать бестолково, чтобы затянуть решение вопроса. Кстати, и принятие окончательного решения в мою компетенцию никак и не входило. Но таковы были правила. Отметчу при этом непоседливого и неугомонного магаданца В.Огрызко, который был уже москвичом и, кажется, ситуацию усёк сразу же, хотя разоблачать меня в двурушничестве внешне не стал.

Литературная тема возникла сама по себе, как бы второстепенной, сопутствующей, попутной и не главной. В моём сознании и понимании она была уже сформирована на базе десятилетки и прочтения книг А.Пушкина, Н.Гоголя, М.Шолохова, В.Кожевникова, К.Дойля, А.Хейли, купленных в командировках в солнечной Молдавии. Правда, за плечами была ещё КИСка. Так назывался курс культуры и искусства в период учёбы в вузе. Подразумева-

лась же не аббревиатура наименования предмета, а преподавательница – тихая, скромная, старенькая, ласковая, пушистая Л.Дорохова, что, однако, не помешало ей потом на экзамене перецарапать половину наших красных дипломников и препарировать сообщество в подгруппы толковых, бестолковых и безнадежных.

Вкусы и предпочтения к периодике у меня уже сформировались на базе «Правды», «Комсомольской правды», «Пионерской правды», «Магаданской правды» и многих других правд, которые в то время были не только правдивыми, но и обязательными даже для подписки.

В один из дней шустрый гость берега двух океанов вспомнил некоторые фамилии. Оказалось, что **особенное** рядом, и оно не только на страницах печатного органа райкома КПСС и районного Совета народных депутатов газеты «Заря коммунизма». Слово «заря» уже тогда вызывало какие-то мысли: затемнение или просветление, восход или закат, гамма иссера-голубая или багрово-чёрная? Со вторым словом, с «коммунизмом», проблем не было, там было всё предельно понятно каждому. Мне больше нравилось «солнце» коммунизма. Выходит оно у нас, заходит где-то в Москве, через девять часов, что потом окончательно и произошло в окрестностях Белого дома.

Но самое удивительное оказалось в том, чего не писал этот орган с небесным именем. Москвичи оказались **особенными** людьми. Встреча с литроссовцами открыла мне глаза на талантливую эскимосскую поэтессу Зою Ненлюмкину в то время, когда местные начальники, а значит и пресса, её попросту не признавали. Под влиянием этого факта я познакомился с самобытными произведениями чукотской писательницы Валентины Вэкэт и встретился с ней в Анадыре. Был случай, когда в Магадане мы пили чай с печеньем дома у замечательной чукотской поэтессы с героической судьбой Антонины Кымытваль. Спустя годы удивлялся картинам корякского художника Кирилла Килпалина, постановкам ансамбля «Мэнго», читал и слушал эвенские сказки Кирьяка Черканова, заметки и наблюдения ительмена Георгия Поротова. Но это было уже потом...

Наверное, именно тогда в селе Урелики Провиденского района Магаданской области я понял для себя, что у каждой должности есть фамилия, но далеко не у каждой фамилии есть Имя. А «Литературную Россию» в те дни интересовало всё: жизнь морзверобоев села Сириныки, находки местных краеведов в селе Чаплино, состояние креста на мысе Дежнёва...

А были ещё вечера в редакции газеты на Цветном бульваре, где посчастливилось по-

знакомиться со многими такими людьми, чьё литературное творчество равнодушным не оставляет. Люди **особенные**. Они и сейчас трудятся в редакции, публикуются в газете. Фамилий не называю, чтобы кого-то не забыть и не дать повода для пропаганды культа личности на страницах истории российской журналистики. Спустя десятилетие с тружениками литроссовского цеха мы уже летали вместе: в Провидение и на Камчатку, в Приморье и в Каспийск, встречались в Махачкале и на Лубянке.

Уже на Камчатке прочёл труды Н.Н. Дикова, который ещё в 60-е годы в Елизовском районе области открыл и исследовал ительменскую стоянку с четырёхтысячной историей. Неоднократно проезжал по мосту через реку Авача и видел кафе «Хазар», построенное на месте этой стоянки, представлял себе, что может испытывать сердце и душа ительмена, обозревая разогретые компании вокруг пивных бочек и шашлычных мангалов на том клочке земли, где рождались и умирали предки ительменов. А чуть севернее Диков открыл ещё одно ительменское поселение с айнскими чертами пятисотлетнего возраста. Что там сегодня? Дача, ресторан, гараж, ...даже не знаю.

К чему это я? Сожалею о том, что в период работы на Чукотке не открыл для себя своего земляка сумчанина Николая Николаевича Ди-

кова, который и там произвёл уникальные исследования. Я же мог бы тогда легко сделать это, если бы внимательнее относился к публикациям в «Литературной России» и книгам журналистов, работающих в этом вечно молодом **особенном** коллективе, где творчество всегда сопровождается высокая культура и гуманизм.

В конце 90-х посчастливилось принять участие в совещании писателей-баталистов и маринистов, пишущих на пограничную тематику, которое проходило в Брянске. Совещались – дискутировали. Любитель изящной словесности и бывший губернатор области Юрий Евгеньевич Лодкин был тогда не у дел. Помню, как его никуда не пускали, да и в целом обстановка в области была политизированной и нервной. Гуттаперчевым хозяевам уходить от политики было просто. У них имелись имена и традиции. Они рассказывали о Ф.Тютчеве, А.Толстом, Д.Андрееве, К.Паустовском, Н.Грибачёве, П.Проскурине и других прославленных земляках. Одна из поездок была в партизанские места, в пушу. Осматривали новодель: землянки в три наката, сгоревших сосен не было, но водки из алюминиевых кружек немножко повыпивали и закусили её салом, луком и чёрным хлебом. Рухнула завеса жеманной вежливости, осторожности и протокольного радушия. Их сменили сердечность и

простота. Пошли разговоры о том, какие умные все присутствующие и какие глупые все начальники. Затем кто-то читал стихи. Сначала Твардовского и Симонова, затем современников. Из стихов современников кто-то Ю.П. Кузнецова цитировал. Прочтено было что-то пронзительное.

Недавно, когда одна часть нашего общества реализовала свои замыслы по достойной замене Куршавеля, а другая под неизгладимым впечатлением от «Иронии судьбы» и фабрично-заводских тусовок и потасовок поедала последние миски оливье и винегрета, от своего давнего приятеля и товарища, главного редактора еженедельной газеты писателей «Литературная Россия» Вячеслава Вячеславовича Огрызко я получил в подарок сборник воспоминаний о Ю.П. Кузнецове «Мир мой неуютный».

По хронологии творчества и поездок поэта понял, что с Юрием Поликарповичем я вполне мог бы познакомиться ещё там, в неуютном мире Севера. Очень жалею, что это сделать не удалось. Значит, не судьба. Но «Литературная Россия» привела меня к общему пониманию красоты человеческого общения и понимания глубины дружбы. Она привела меня к необычной России – литературной. А это судьба.

ИЛЛЮЗИЯ ДВИЖЕНИЯ

I. КОЛДОБИНЫ ОДИЧАНИЯ

Демократия невозможна без единичных проявлений и частностей, которые могут укреплять её стены либо разъедать фундамент. Другими словами, устремлениям людей и в новых условиях доступны как славные дела, так и пороки, которые генерирует поражённая ими часть общества. Как только предельно допустимый баланс даёт крен в сторону дефектов, наступает духовное одичание, чего видеть на нашем Севере не хотелось бы, но...

Однажды натолкнулся на тот факт, что у нас уже не осталось людей, говорящих на восточном диалекте мансийского языка, а шаги по его восстановлению сродни панике, которая случается там, на сопровождающих разведку нефти и газа пожарах. Как и всюду по северам, свою роль сыграла кампания по изоляции детей от родителей, их содержание и воспитание в условиях, не учитывающих особенностей психологии и традиций. В публикации было сильно сказано, что сердцевина культуры этого народа ушла в дым и уже не социалистические, а демокра-

тические ценности для аборигенов становятся враждебными.

Сейчас среди «бесписьменных» народов называют орочей, нганасанов, энцев. Оказывается, что сегодня уже не учат детей родному языку командорские алеуты Камчатки, юкагиры Чукотки и Якутии, тофалары и ульчи. Да и как их учить, если нет пособий, учебников, художественной и детской литературы? До сих пор не изучены диалекты сахалинских и хабаровских нивхов, нижнеколымских и верхнеколымских юкагиров. И это закономерно: термин «исчезающие малочисленные народы» у нас произносят только шёпотом, хотя специалисты Института цитологии и генетики Сибирского отделения РАН и Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН не стесняясь называют более десятка этносов, оказавшихся в зоне исчезновения. Этому списку суждено расти, поскольку по статистике в 1998/1999 учебном году среди учащихся из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока родной язык как самостоятельный предмет изучали 48,8% детей. Этот уровень превышали чукчи – 75,6%, долганы – 73,9%, кеты – 66,2% и ненцы – 57,9%. А вот у саамов этот показатель – 13,7%, у удэгейцев – 18,2%, нивхов – 27,6%, селькупов – 28,9%. При этом 3,9% детей изучали язык факультативно.

Что сообщает нам статистика за 2002/2003 учебный год¹? Начнём с того, что число общеобразовательных школ в районах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера сократилось. Но дело даже не в этом. Как изменилась численность детей, изучающих родной язык? В сравнении с 1996/1997 годом их количество уменьшилось, например, в Хабаровском крае (2034/1068) и в Камчатской области (1553/843) в 2 раза, а в Республике Саха (Якутия) (2304/1802) и в Магаданской области (375/290) более чем на 20 процентов. Потребность интеграции в общую языковую среду? Думаю, что скорее разбазаривание национальной идентичности.

Конечно, есть и объективные причины, которые заведут нас в сферу размышлений о никчёмной эффективности в решении демографических и социальных проблем. А иллюстрацией к этому можно считать тот факт, что в 1998 году (в сравнении с 1990 г.) естественный прирост коренных народов сократился в 2,3 раза. У хантов, эвенов, тувинцев-тонгинцев и ороков – в 3,4 раза, нанайцев – в 5,6 раза, ульчей – в 6,5 раза, нивхов – в 8,6 раза. У саамов, нганасанов, негидальцев, алеутов, энцев,

¹ См.: Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. Государственный комитет РФ по статистике. М.: 2003.

эскимосов, кумандинцев и шорцев смертность превысила рождаемость.

Но будем последовательны и назовём ещё одну угрозу, которая затрагивает российскую общеобразовательную школу в целом. Школа на волне свободы и демократии решила вдруг удариться в образование ещё глубже, а параллельно возжелала, чтобы воспитанием занималась семья и какие-нибудь партии. Потом оказалось, что деидеологизация школы умерла ещё раньше, чем уволилась последняя пионервожатая, состоявшая даже не в декретном, а в очередном отпуске. Будущее России усекло это быстро, и его диалоги с каменщиками, инженерами и другими прорабами перестройки, т.е. родителями, стали ему по барабану. Даже на выборах активность избирателей в возрасте до 20 лет сравнялась с возрастной категорией 51-60 лет. А суть вопроса и в том, что «...за годы реформ у молодёжи снизился фактор доверия к государству», – замечал даже начальник всех избиркомов страны А.А. Вешняков.

Истоки доверия к государству в практических результатах работы власти и в состоянии работы по привитию, в том числе и молодёжи, потребности быть и являться носителем национальной культуры. В качестве примера можно сослаться на выводы социологов, которые сигнализируют, что в последнее десяти-

летие среди героев, которым стремятся подражать школьники, чаще встречаются Черепашки Ниндзя или Гарри Потер. Этот набор ежегодно меняется, но былинные герои с местом прописки в Пскове, Махачкале или Анадыре там не числятся. Почему? Может быть, у Голливуда спецэффекты богаче Мосфильмовских, а у Муромца или Вернигоры оружие не того поколения. А может быть, школа поспешила стать своей «хатой с краю»? А может быть, и потому, что идеология нуждается если не в общественной реабилитации, то, по крайней мере, в инвентаризации с определением набора «полезностей» для сплочения и воспитания общества.

На заре XX века обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев замечал, что светская школа вытесняет из своих стен духовность. Поэтому она и столкнулась «...с обманом, нечестием, обидой, словоблудием, растлением молодёжи, пьянством, курением, развратом <...> и явным, уже узаконенным служением сатанизму». В XXI век мы вступили с набором рисков именно в молодёжной среде. Историей доказано, что во времена любого кризиса идеология всегда скрывает свою близкую кончину пышной терминологией, расцветает демагогией и заболевает многословием, а общество теряет идеалы. Отсутствие стержня воздействия, неоспори-

мых идеалов и ежедневное телемычание лишают смысла даже надеяться на молодёжь. Освобождение от нелепых и унижительных советских идеологических ограничений обернулось оголтелым уничтожением общественного этикета и критериев стыда. Но социальный опыт без внимания к нему превратился в сентиментальную мишуру, замешанную на распущенности нравов, инстинктах и эгоизме, что является признаком болезни государства и указывает на трансформацию брака в сделку, где главенство принадлежит уровню доходов от вложений.

Стыд это стеснение сердца, а сердце всегда стынет от мысли о дурном и низком. Когда-то порядочность и честность не были писаными законами, а существовали только в совести и сознании. Но именно они определяли развитие. В молодёжной среде идеология может «держаться» только на мерах по укреплению доверия к государству, к традиционным общественным ценностям, к идеалам добра и патриотизма. А если этого нет, то за нарушениями генетической наследственной «программы» социальной нравственности возрастает моральное безначалие, и тогда для любой особи своя рубашка, если она одета даже поверх шестисотого «Мерседеса», оказывается ближе немощной старушки у наземного перехода.

Стоит ли нам удивляться примитивизму размышлений, связанных с дикостью и отсталостью людей на Чукотском полуострове или на севере Камчатского полуострова, хамским и глупым анекдотам о жизни или традициях аборигенов? У меня нет социологии, но ясно и без неё, что о советском периоде в жизни страны на севере говорят больше хорошего, чем видят в современных преобразованиях и ценностях. «В нынешнем образе мира, – писал Ф.М. Достоевский о другом времени, конечно, – полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведёт лишь к рабству вашему».

С завистью узнал, что в пролетарской России успешно работали Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Мархлевского, Университет трудящихся Китая имени Сун Ят Сена, Коммунистический университет трудящихся Востока имени Сталина. Нет никаких гарантий в том, что это перечисление полное, как и «не слышны в саду даже шорохи» о подобном внимании к коренным малочисленным народам Крайнего Севера и Дальнего Востока. Заметим, что вначале 30-х гг. у 16 малочисленных

народов уже имелись свои алфавиты и буквари. Боюсь, что вскоре, как и в послереволюционные годы, для аборигенного населения потребуются курсы ликвидации неграмотности. Чтобы учить, как жить, как питаться, как зачинать и рожать, как воспитывать и любить Родину, страну, землю, тундру, как объясниться с бабушкой или с дедушкой на языке эпоса. Как вернуть в себя национальное сознание и гордость за принадлежность к Великому Чукотскому, Эскимосскому, Корякскому или Алеутскому народу. И это без всяких кавычек и анекдотов...

пгт. Палана, 2004 год

II. СМОТРИМ В КНИГУ..

Двести тысяч наших соотечественников – коренные малочисленные народы. На Дальнем Востоке это эвенки (тунгусы), эвены (тунгусы-ламуты), негидальцы, ульчи (ольчи), нанайцы (гольды), орочи, удэгейцы (удэ), ороки, алеуты (унунганы), ительмены (камчадалы), эскимосы (инуиты), чукчи, коряки, кереки, нивхи (гиляки), юкагиры (одулы), тазы, чуванцы (этели), долганы.... Наверное, перечислены не все.

Выделение аборигенных народов в особую группу инородцев и фиксирование их статуса произошло в дореволюционный период, ког-

да они стали объектом политики власти, а государство озаботилось повышением управляемости территориями и собираемости ясака. Дело было в России и, естественно, сопровождалось злоупотреблениями. А к власти аборигены всегда относились в зависимости от того, что она делала. Тем не менее эти люди всегда разделяли трудности и радости страны, будь то Империя, СССР или Федерация.

«Особое» место аборигенов советской власти умело использовалось для обличения политики царя и демонстрации побед социализма. Для них учредили ступеньку «малых народностей». О депутатах Верховного Совета СССР – чукчах или нанайцах и торжестве социализма в «красных ленинских ярангах» писать не буду. Сообщу лишь, что теперь аборигенным народам Севера «назначено» имя коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Ещё в 1990 году 30 марта возникла Ассоциация КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока страны (Russian Association of Indigenous Peoples of The North), которая получила поддержку федерального центра.

К сожалению, сразу о законах не подумали, а региональное регулирование обрело черты деклараций и официальных намерений. Получилось то, что получилось, а о случаях, которые иногда происходят во взаимоотношениях паровоза и его гудка, вам известно и без

меня. Монополию КПСС сменила демократизация, а за нею вдруг замаячили контуры саморазрушения общества. Увлечённость модернистскими процессами западного покрова привела к постмодернистскому декадансу. Финальные метаморфозы модернизации принялись активно разъедать национальные черты обитателей тайги и тундры. Поэтому чаще звучал вопрос о строительстве общества с опорой на ценности государственности и сохранения национальной идентичности. Вспомнили даже, что содержательное определение жизни народов Севера зиждется на понимании родового способа бытия человека и его деятельности в роли субъекта природы. Что люди, как и сто лет назад, стремятся к известным в социальной науке понятиям тотема и табу. Поскольку в обновлённой России глядели лишь в западные учебники, то удачно подвернулся О.Шпенглер со своим выводом о том, что культура выражает душу народа, будто бы об этом у нас никто и не писал. Но Освальд Шпенглер был и правда умным человеком и смелым. Он даже Гитлера не боялся, хотя жил в Германии в самое тяжёлое для неё время. А свои воззрения и взгляды на развитие общества он формулировал предельно ясно и точно: «...Тотем и табу обозначают последний смысл существования и бодрствования, судьбу и каузальность, расу и язык, время и прост-

ранство, стремление и страх, такт и напряжение, политику и религию». Это и понятно, поскольку социокультурные реалии всегда формировали вокруг глубинных традиций народов свою ауру и активизировали интерес общества к механизму сохранения ценностей.

И всё было бы хорошо, если бы у нас признакам культурной среды не отвели роль простого, абстрактного и полиморфного понятия. А поэтому сейчас любому чиновнику средней руки суть культурной среды кажется такой же простой, как для опытного шамана техника извлечения из бубна необходимого звучания, чтобы быстрее привести себя в экстатическое состояние, а участников действия в трепет. Отличие лишь в том, что шаману до ухода к верхним людям таинства ритуалов успел поведать его отец. Чиновник же всю свою жизнь формировал анкету, а затем и получил власть вместе с должностью, кабинетом, машиной и секретаршей предпочитаемых им моделей и форм. Он всегда в теме, как поправить рождаемость, усилить собираемость или расширить продаваемость. Наконец, он знает, как правильно работать с документами, потому что постоянно читает чужие документы, инструкции и книги, да и сам немало пишет.

Представьте себе картину, когда в меру трезвый и крупный чиновник нетерпеливо хватается сборник Госкомстата России «Экономичес-

кое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера» и устало рушится на диван, чтобы скоротать время, пока его работающая супруга возится на кухне с крабовым салатом и оленьими языками под маринадом.

И вдруг начальник находит, что число общедоступных библиотек в районах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера с 1996 по 2002 год в Сахалинской области уменьшилось на одну треть. В Хабаровском крае улетучились 7 библиотек, в Магаданской области – 4, а на Сахалине – 3. Книг, брошюр и журналов на языках коренных малочисленных народов Севера в библиотеках Камчатки осталось 441 экземпляр, в Хабаровском крае – 358, а в Магаданской области – 201. В библиотеках 28 субъектов Российской Федерации, где проживают коренные народы, на их языках 77920 книг и журналов, а прилично выглядит лишь Чукотка с 4928 экземплярами изданий.¹

Теперь загадка для всех. Как вы считаете, попросит ли чиновник у секретарши какую-нибудь умную справку или доклад, чтобы разобраться в этом вопросе? Подумает ли он о том, что поворотные этапы в развитии России XX

¹ См.: «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера». Государственный комитет Российской Федерации по статистике. Главный межрегиональный центр обработки и распространения статистической информации. М.: 2003.

века всегда сопровождались обострением интереса к национальным проблемам. Что большевикам, несмотря на всякую критику их методов, удалось выработать понятные для всех формулы, где наиболее притягательным было «право наций на самоопределение, вплоть до отделения». Что они сразу же приступили к реализации своих национальных идей, утверждая различные формы государственных образований от национального сельсовета до республики.

Чем теперешний этап для России не поворотный? А вдруг национальная политика снова станет «твёрдой валютой» государства в отношениях с гетерогенным населением? Так, может быть, уже сейчас примерить кафтан политической системы к традиционным «мелочам», рассыпанным в культуре каждого из народов России, что в своё время В.О. Ключевский определял понятием «преемство»? Век начался с провозглашения прав наций на самоопределение, а завершился призывами к национальному возрождению. Известно, что законодательство всегда возникает на базе устоявшихся норм, правил и традиций, а может быть сформировано и на представлениях пришедшей к власти политической силы или личности. Отбросив крайние случаи, примем за основу вариант, когда нормальная власть создаёт нормальные законы и создаёт необ-

ходимые условия для того, чтобы люди жили по ним долго и счастливо.

Будущее России всецело зависит от производственного потенциала северных, сибирских и дальневосточных территорий, где проживают преимущественно коренные малочисленные народы. Перспектива может быть только в реальной поддержке и интеграции коренных народов. Но статистика свидетельствует о снижении производства товарной пищевой рыбной продукции, добычи соболя, ондатры, лисицы, зайца, белого песца, норки, упадке клеточного звероводства. Температуру кипения повышают высокая смертность, низкий уровень занятости, бедность, проблемы сохранения языка, культуры и традиций. И только партнёрство сегментов административной системы и гражданского общества способно разрешить противоречия в экономической и политической жизни и таким образом вывести проблему из диапазона социальной опасности.

В жизни каждого руководителя всегда полно проблем и мелочей: лопнула батарея, разморозили систему, не нашли денег на трубы, сняли дом с баланса или та же секретарша задурила. Глядь, так ведь в череде этих рутинных дел и неприятностей с секретаршей как раз в том доме, что быстренько поломали и снесли, был, кажется, клуб с читальным залом и биб-

лиотекой?! Тут-то и вспомнили ещё об одной тётеньке, библиотекарьше, что теперь в северном губернском или уездном городе N неподалёку от районного или сельского Белого дома «Клинским», китайским и японским пивом торгует...

г. Хабаровск, 2004 год

III. ГУЛЯЙ, ТУНДРА

Заметка, которую вы читаете сейчас, получилась скучной. В ней только теория, и не у каждого хватит терпения пробежаться по её строкам. Поэтому и помещена она на последних страницах – для наиболее терпеливых товарищей.

Повествую. Считается, что слово «досуг» в русском языке впервые встречается в Договоре великого князя Бориса Александровича с королём Казимиром 1449 года и происходит от глагола «досягнуть». Мудрые люди пишут, что развитие этого значения пошло от того, «что можно достать, досягнуть рукой» – до того, «что достигнуто». В древнерусском про-суг – «способность» найдено в Домострое. Белорусское досужы – «работящий, успевающий раньше других». В сербскохорватском языке досег – это «граница, досажный и достижимый», далее – «умение, ловкость, способность». В «Толковом словаре живого велико-

русского языка» В.И. Даля (издания 1863 – 1866 гг.) досуг определён, с одной стороны, как свободное, незанятое время, гулянка, гулячая пора, простор для дела. С другой стороны – забава, занятие для отдыха и безделья.

Мог бы ещё привести для расширения общего кругозора В.И. Даля в издании 1880 года или Словарь русского языка, подготовленный к изданию Институтом русского языка Академии наук СССР. Не буду вас «грузить» и другими знаниями, позаимствованными из словаря-справочника «Трудности русского языка», из «Словаря русских народных говоров» или БСЭ. Ясно то, что сегодня мы можем обнаружить множество определений досуга и свободного времени, и эти термины являются «дорожными» знаками, указывающими путь в сферу сближения интересов людей, их групп и даже народов. А теперь, после первой странички своих незатейливых размышлений, сделаю сообщение. Во-первых, всё, что нашло своё место в сборнике, написано мною в свободное от работы время, т.е. в часы досуга, а во-вторых, я не писатель, а поэтому свои умозаключения и наблюдения построил в предложения и абзацы по-любительски, т.е. так, как смог. Для полноты ощущений лишь добавлю, что из общения с друзьями, в часы, когда «бойцы вспоминали минувшие дни», я усвоил, что на чукотском языке досуг и отдых –

«панъэвнгыток», а свободное время – «тым-нэтвак». Эти слова, честно признаюсь и сам не выучил, может и в буквах промахнулся, принимал на слух, но рад, что они есть.

Теперь я вновь окунусь в теорию, приблизившись к идеологии, и вспомню К.Маркса, который считал, что свободное время является «как временем досуга, так и временем для осуществления более возвышенной деятельности». И хотя сегодня критиковать Маркса дерзок каждый, отмечу, что в его формуле граница между деятельностью «досуговой» и «более возвышенной» размыта. Ведь неясно, как провести грань, например, между физическими занятиями с целью отдыха, восстановления сил и физическими занятиями, преследующими достижение высоких спортивных результатов? Можно ли дифференцировать чтение для получения удовольствия и чтение для духовного развития? А думая о предпочтительности того или иного занятия в свободное время, руководствуетесь ли вы целью развития своих духовных способностей? Скорее всего, вы озабочены желанием удовлетворения интереса или совмещения чего-то приятного с полезным. К таким вопросам и выводам может прийти каждый, если задумается над этим вопросом или увлечётся теорией. Среди толкователей марксизма одни – обращают внимание лишь на механизм воздействия до-

суга на человека, другие – размышляют только о том, что наиболее разумно взять с собой в будущее, а третьи видят главное в отношении нынешнего поколения к наследию прошлого.

А я лишь замечу, что вышеперечисленные марксистско-ленинские установки шагали по Чукотке точно так же, как и по любой другой территории, где классики м.-л. теории были в почёте и уважении, а в результате почти точно так же, как и где-то, куда-то дошагали. В этой связи для понимания общества, в котором мы живём, полагаю уместным перечислить некоторые подходы в северных развлечениях и забавах. Среди традиционных «аборигенных» способов проведения свободного времени на Чукотке наименее выразительными и, как мне кажется, спорными для отнесения к этой группе были – для женщин шитьё, для мужчин – подготовка оружия или снаряжения к наступающему сезону охоты или рыбалки. Конечно же, по сути такие занятия являются самой обычной работой, но никак не отдыхом, не досугом и не свободным временем. Однако если учесть, что эти виды деятельности могут осуществляться вне экстремальных приарктических ужасов и страхов, т.е. в тёплой яранге, у яркого костра, без какого-либо напряжения моральных и физических сил, то они вполне сойдут за отдых. К это-

му ещё следует добавить местные вековые традиции между делом пить чай и рассказывать друг другу длинные сказки и житейские истории, что вплетает в такой отдых-труд воспитательные, образовательные и познавательные нити.

Наиболее выразительными, популярными и заметными (массовыми) мероприятиями среди народов Чукотки всегда считались культовые праздники, связанные с оленями, китами, рыбалкой, охотой, добрыми и злыми духами, что ввиду недостаточных собственных знаний по этой тематике раскрывать шире даже не пытаюсь. Добавлю ещё, что в набор публичных мероприятий нужно включить гонки на собачьих и оленьих упряжках, чукотско-эскимосских байдарках и байдарках-одиночках, северное и северо-арктическое многоборье, национальную борьбу и другие виды соперничеств. В мою бытность на Севере эти виды проведения свободного от изнурительной работы в тундре или в море времени были в забвении. Поэтому нынешние сообщения СМИ об успешных выступлениях наших соотечественников из регионов российского Крайнего Севера на Всемирных Арктических Зимних Играх в Канаде нельзя не считать знаковыми явлениями. А местные соревнования и спартакиады в Анадыре и районных центрах Чукотки по бегу с палкой, метанию чата и

гарпуна, тройному национальному прыжку, прыжку с колен, борьбе на снегу или метанию закидушки можно считать ренессансом во взглядах аборигенной молодёжи на традиции, культуру и историю своих народов.

В английском языке досуг это «lisure» – «узаконить», «разрешить». Британский социолог Крис Роджек считал, что досуг – не свободное время, а продукт законодательной системы. В самом деле, досуг человека детерминирован многими факторами, начиная от законодательной системы, дисциплины труда и заканчивая половой принадлежностью и бытовыми условиями. И, наверное, неправильно было бы размышлять об этом, исходя из одних только представлений об образе жизни человечества, поскольку он складывается и формируется исторически, в том числе и при взаимодействии общественных интересов с государственными интересами. Как бы мы ни относились к периоду правления Чукоткой олигарха Абрамовича и его юных менеджеров, но именно в этот период работники культуры почувствовали внимание к себе, а тлеющие до того десятилетиями местные очаги культуры – помощь. Появились новые объекты культурно-досуговой работы. Соревнования по национальным видам спорта приобрели всеобщий характер и получили узаконенную организационно-распорядительную и

финансовую основу, начиная с праздника «Первой корюшки» и увеличения в разы числа конкурентоспособных оленьих и собачьих упряжек, байдар и байдарок, заканчивая – проведением общенациональных шоу, подобных «Мисс Чукотка», с приличными призовыми фондами.

Так и хочется подкрепить эти примеры словами и лозунгами о праве на труд и на отдых. Но в реальной жизни случается всякое, даже такое, когда опорой государственности становятся злодеи. Конечно, это не у нас. Это в романе Марио Пьюзо «Крестный отец», где мафия возникает из самостоятельной организации, защищающей несчастных, слава Богу, не россиян, а каких-то итальянских эмигрантов, оказавшихся в чужой для них стране и в полной бесправности. У нас дело серьёзное – защищает Конституция – самый близкий документ к стандарту общества, к которому мы стремимся. Жаль только, что ссылки на неё как на стандарт весьма условны, потому что Конституцию разъясняют мозги судебной власти. «Дураки, мол, вы тут собрались, и щас мы скажем, как нашу конституцию понимать надо», – думает, наверное, судебная власть о Севере, напяливая мантии хоть и не гламурные, но цвета вполне готичного. А пока думает, специалисты, которых на Севере в очередной раз обмануло государство (работа, льго-

ты и гарантии, квартиры и т.д.) – бросились в «вагоны межконтинентального экспресса «Спасайсяктоможет». По-другому не могло и быть, поскольку Конституция их не защитила, а мафии, как известно, у нас нет. Среди отбывших в никуда ленинградцы и ереванцы, одеситы и томичи. Со многими из них я когда-то встречался, хорошо знал – горняков и энергетиков, портовиков и транспортников.

После жизнерадостных слов и выражений в адрес чукотских властей напрашиваются мысли о том, что слова эти, к большому сожалению, затрагивают лишь парадный подъезд жизни. В толщу традиций перемены не проникли, и на задворках изменений не произошло. Там причудливые формы общества по-прежнему заполняют контрасты. Пока где-то размышляли, как понимать конституционные права граждан, правительство попутно помаховало завлабовской косой гайдаровщины. Горнорудное производство вместе со своими столицами (Полярный, Северный, Ленинградский, Валькумей, Иульгин) растворилось в белом безмолвии. «Заржавел» Севморпуть вместе с ледокольным флотом и местной авиацией, угодили в реанимацию порты и сёла, среди свалок цивилизации остались вырванные из привычного труда и быта абorigены, которых уже не изумляет – ни кнут, ни пряник.

Иностранцы всегда связывали понятие «русскости» с северными территориями. И это верно, если бросить даже беглый взгляд в историю освоения севера отечественными первопроходцами, на обоснования нашими учёными грандиозных перспектив русской Арктики и Крайнего Севера. Множество людей со всех республик, краёв и областей страны вносили бесценный вклад в общую культуру народов Севера. О.Бальзак когда-то замечал, что «...улучшить жизнь человека и нравы своего времени – вот цель, к которой должен стремиться каждый». И на улучшение жизни, прежде всего, были направлены усилия многочисленных специалистов в самых разных отраслях.

Помню встречу с уникальным метеорологом, который знал наизусть все авантюрные похождения, слова и дела своего любимца Бендера в бытность его и Остапом Ибрагимовичем Бендером-Задунайским, и Остапом-Сулейманом-Берта-Мария-Бендер-Беем, и цитировал любого другого участника приключений с указанием страницы и абзаца. Помню радиста, который умудрялся проводить матчи по радио с коллегами из Певека, Тикси и откуда-то из-под Мурманска. Как на радиосеансы с ним выходили такие же любители из новосибирского Академгородка, чтобы узнать расстановку коней и царей в отло-

женных партиях Анатолия Карпова независимо от того, было это в Испании или в Германии. Помню влюблённого в Север вертолётчика, который годами по всей Чукотке собирал занимательные камни, пока его жена не решила, что они радиоактивные, и не объявила ему: «Или я, или они». Я видел его рыдающим на берегу океана на линии прибоя рядом с мешком камней и нераспечатанной бутылкой водки, а знал этого человека как непревзойдённого полярного аса. Знал человека, который называл любую сопку и травинку Чукотки по имени. Все они имели работу, все они были непревзойдёнными специалистами, все они были влюблены в Чукотку в «неурочное время», факультативно. Где эти люди сейчас? С кем осталась Чукотка? Снижение уровня «русскости» на Севере не столь острый, сколь обоюдоострый и небезопасный вопрос, как для развития экономики региона, так и для развития культуры межнационального общения и взаимообогащения.

Он существует, как ничуть и не умаляет достоинства чукчей, эскимосов, коряков, юкагиров, в числе которых, слава Богу, остаётся немало носителей Флагов своих народов в литературе и народных промыслах, в изобразительном искусстве и на сцене. Они прославляют свои народы, добиваясь признания за счёт огромного личного труда, проделанного в

свободное от работы время, а для многих из них талант так и остался за рамками производства, в статусе увлечения или, как сегодня модно говорить, хобби. Обращение даже к недавнему прошлому позволяет установить факторы, определяющие маятниковые движения российской жизни на Севере: беспорядочные, импульсивные и непредсказуемые. При всех издержках в воспитании и образовании, при всех анекдотах и насмешках большинство людей, представляющих коренные северные народы, давно уже вышло на уровень понимания своего нынешнего положения.

Но есть и другая сторона медали. Обращает на себя внимание тональность в строках резолюций съездов и конференций коренных народов Севера, где с места и в карьер отмечается, что органы власти РФ и местного самоуправления ни черта не делают для людей, перечисляются многочисленные обиды на ещё оставшихся «приезжих» за то, что те у них начальники. В области культуры обычно пишут о неэффективности государственных мер по сохранению и поддержанию... Губернаторам мимоходом – задачу обеспечить охрану святыниц и сакральных мест, сделать программы по..., но главные надежды связывают с международными неправительственными организациями. Декларируется необходимость обращения за помощью к Европейскому Союзу,

о поддержке резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, а Арктическому Совету, как обычно, даже признательность за работу выражается. От имени делегатов, конечно.

Напоминаю лишь потому, что встрепенулись радостно и дружно лучшие друзья наших северян в Дании, Норвегии, Великобритании, Канаде и США, не в силах оторвать своих пылающих взоров от Арктического шельфа и просторов, где проживает 13% от общей численности каких-то россиян, а «собрано» 80% запасов полезных ископаемых, приносящих той же «немьтой» России 70% валюты.

Надеюсь, что вы согласитесь – категория «досуг» является «продуктом» различных времён и народов, а этот термин придуман не мною. В народном фольклоре вы найдёте: «Был бы друг, будет и досуг», «Делу время, потехе – час». Теоретические размышления и крылатые фразы имеют неоспоримо-близкое отношение к любому народу, каким бы он ни был по числу жителей или площади их расселения. Рассмотрение ретроспективы отдыха – верный способ яснее увидеть содержание бытия или хотя бы его части применительно к обществу. Вы скажете: ну и зачем мне вся эта лекция? Так я же вас предупреждал, что это для самого терпеливого читателя.

На Севере людям хорошо известен синдром полярного напряжения. Это эмоциональная

взвинченность или заторможенность, чувствительность к перемене погоды или капризность. Словом, реакция на Север. Понятно, что на такие явления надо влиять медицинскими методами. Многие считают, что сегодня уже проанализированы все пороки общества и обозначены все его добродетели. Но так ли это? Чего мы достигли? Чего мы добились, и даже не в свободное, а в самое что ни на есть рабочее время? И главный вопрос: кого же сегодня лечить-то надо? Назовите адреса пациентов для лечения от капризности и заторможенности в принятии зрелых решений...

Содержание

Смелость города берет	3	На Врангеле я так и не увидел... ..	210
В поход за славой, голову сломя	5	Затупить перья!	217
<i>I. В каждом деле есть свой стрелочник</i>	<i>6</i>	Мыс околвоенных доктрин	226
<i>II. О несомненной пользе мощного заряда</i>	<i>15</i>	Если бы не боярский сын... ..	234
<i>III. Куда не дотянулся Лаврентий</i>	<i>27</i>	Самый сильный человек из Москвы	241
Всё как у людей	39	Особенные люди на Цветном бульваре	252
Украли в ЦК, выпили на съезде	54	Иллюзия движения	259
Битва административных ресурсов	63	<i>I. Колдобины одичания</i>	<i>259</i>
Записываюсь в союзники	73	<i>II. Смотрим в книгу</i>	<i>266</i>
Из истории одного прилавка	88	<i>III. Гуляй, тундра</i>	<i>273</i>
Сиреники	102		
Океанские перехлёсты	110		
Как Елена стала прекрасной	129		
На границе истмата и диамата	138		
<i>I. Без побочных эффектов и с ними</i>	<i>138</i>		
<i>II. Философские камни</i>	<i>145</i>		
<i>III. Квинтэссенция жизни</i>	<i>154</i>		
Чукотский автобан	165		
На всякий пожарный случай	186		
<i>I. Таким Макаром сразу всё поймёшь</i>	<i>186</i>		
<i>II. Балласт</i>	<i>194</i>		
<i>III. О роли этимологии в жизни авиации</i>	<i>200</i>		

Георгий ДЗЮБА
ГУЛЯЙ, ТУНДРА

Директор издательства – Виктор КАШЛЕВ
Дизайн и вёрстка – Алексей СЕМУШИН
Корректор – Дарья МЕЛЬНИК

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 04220 выдана 12 марта 2001 года

Подписано в печать 21 января 2010 г.
Формат 60х90 1/32
Печать офсетная. Бумага офс. Печ. л. 9
Тираж 1000 экз. Заказ № 4211.

Концерн «Литературная Россия»
127051, Москва, Цветной бульвар, 32, стр. 3.
Тел. 694-23-24

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский
комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86.